

НЕ ВРАТАСЯ

к-789г.с

166326

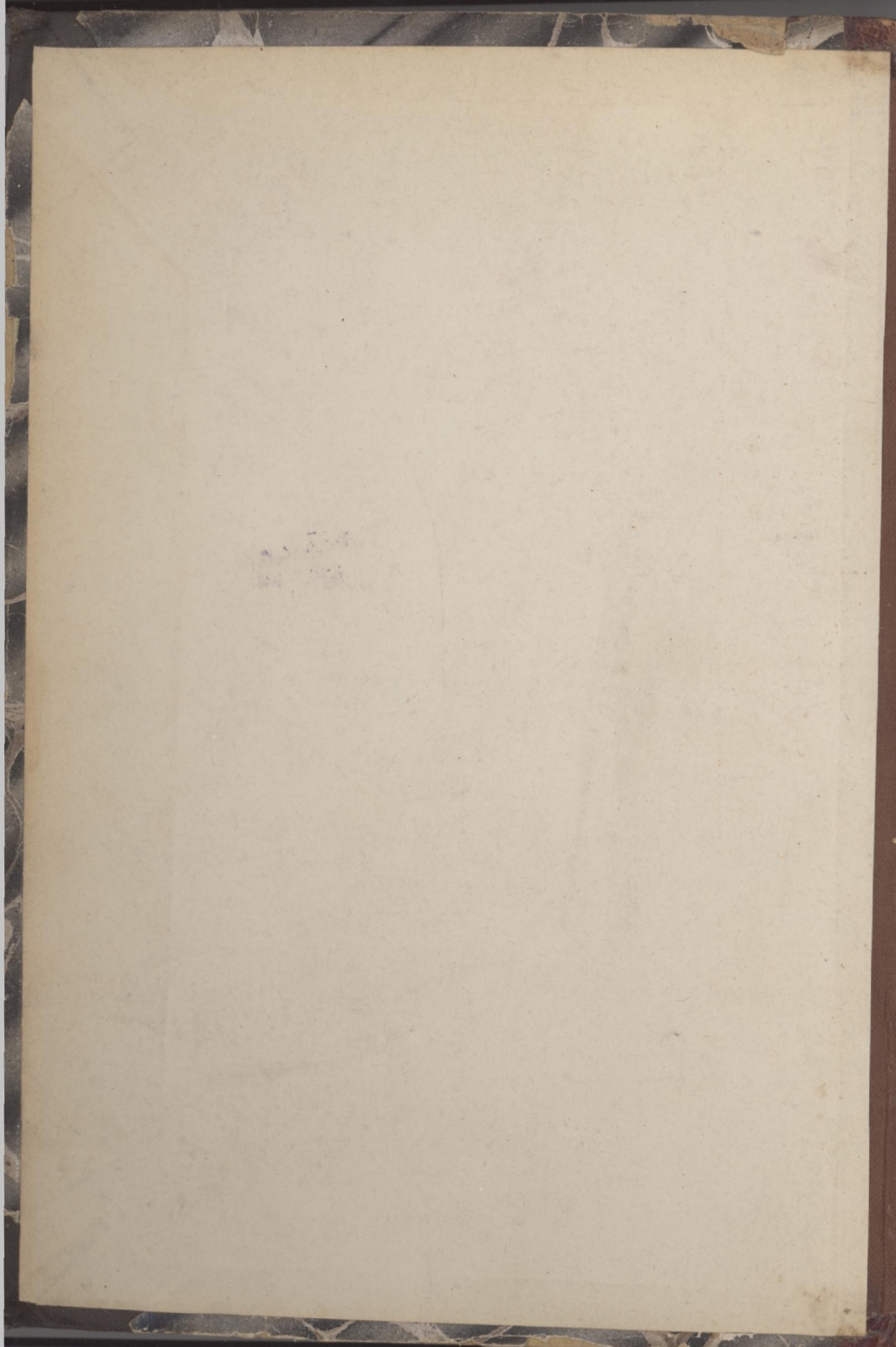
~~к-789~~

V.N. Karazin Kharkiv National University

00363265

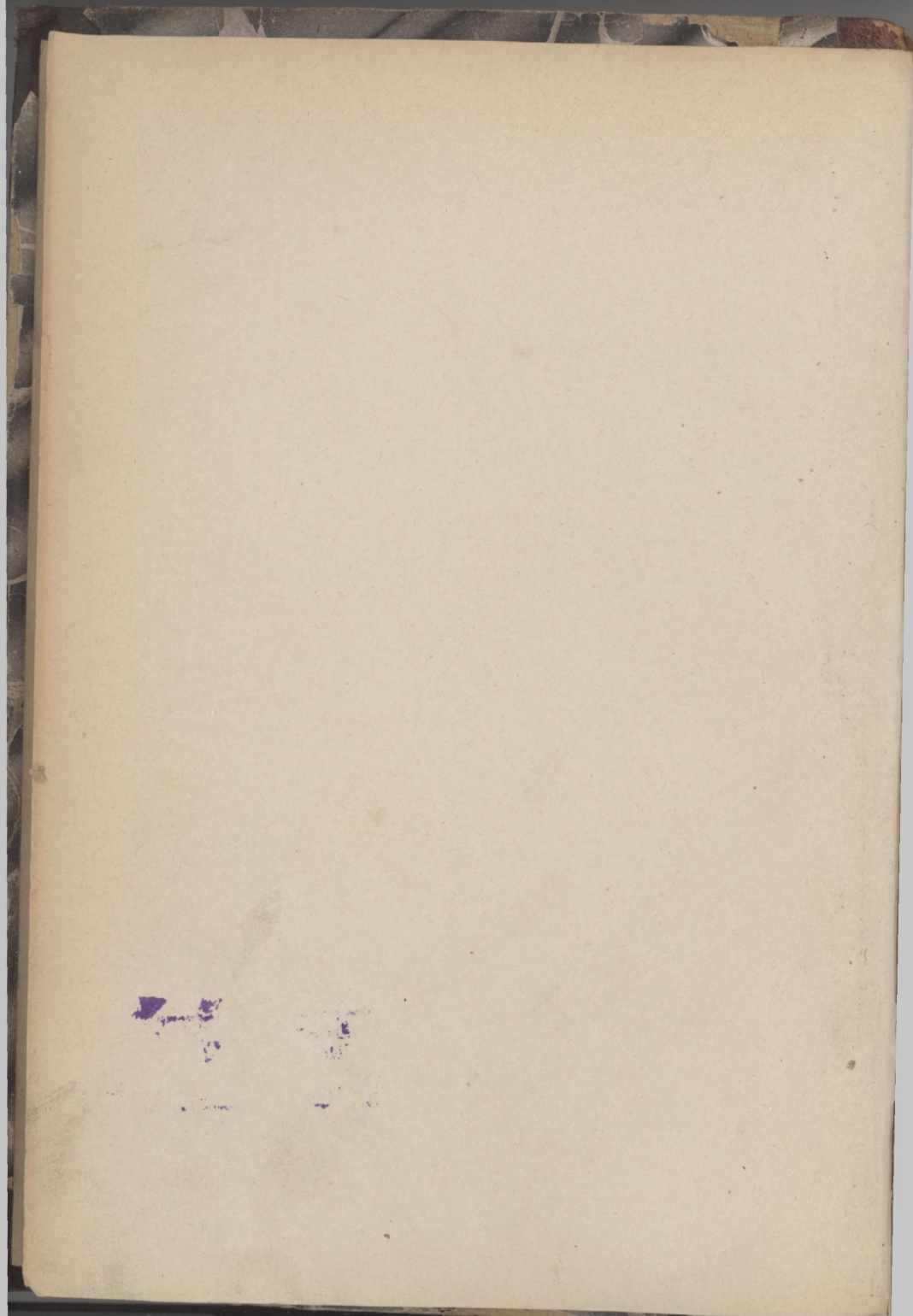
5

8.9

ІФОРМІНТО
888 1366

ЦЕНТРАЛЬНА
НАУКОВО-УЧБОВА
БІБЛІОТЕКА

K-789-g.c.

ДВА СВѢТА.

РОМАНЪ ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ЧАСТЯХЪ.

Іосифа КРАШЕВСКАГО.

~~711 793~~

1037 V45

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Н. Ө. Мертца.
1899.

58

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 17 мая 1899 г.

Типографія „В. С. Балашевъ и К^о“. Фонтанка 95.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

На почтовомъ трактѣ между Владиміромъ-Волынскимъ и Усти-
лугомъ стоитъ большая каменная корчма, на видъ очень краси-
вая и внутри довольно удобная, неизвѣстно съ какою цѣлью
построенная въ самой живописной мѣстности, хотя во Влади-
мірѣ нѣтъ недостатка въ постоянныхъ дворахъ стариннаго покроя,
потому что послѣ cadaго пожара немедленно строятъ новые, и
въ Устилугѣ, расположенномъ еще ближе, находится *Золотая
Варенка* и множество другихъ ея соперницъ; впрочемъ, корчма
въ лѣсу, какъ-бы насмѣхаясь надъ городскими харчевнями,
стала здѣсь съ очевидною претензіею служить пристанищемъ не
только для множества крестьянскихъ телѣгъ, возвращающихся
изъ-за Буга, но и для путешественниковъ, требующихъ бо́ль-
шаго комфорта. Огромный дворъ ея и обширная площадка передъ
воротами могутъ помѣстить въ себѣ множество фуръ; но при-
этомъ въ корчмѣ находится нѣсколько комнатъ довольно поря-
дочныхъ и содержимыхъ даже съ нѣкоторою пышностью: тамъ
есть диваны, столики, даже нѣчто въ-родѣ бильярда. Присутствіе
послѣдняго нѣкоторымъ образомъ обнаруживаетъ мысль основа-
теля корчмы, хотѣвшаго, можетъ быть, устроить здѣсь мѣсто
попойекъ для владимірскихъ юристовъ, но мы болѣе склонны
думать, что хозяинъ влюбился въ здѣшнюю прекрасную мѣст-
ность, чѣмъ предполагать, что онъ рассчитывалъ на тощіе кар-
маны канцеляристовъ. Подобный расчетъ былъ-бы до крайности
наивенъ.

Впрочемъ, довольно разсуждать о цѣли постройкѣ здѣсь
корчмы съ огромными издержками на кирпичъ, а лучше начнемъ
разсказъ о томъ, что происходило въ ней въ 18.. году.

Это было лѣтомъ, передъ вечеромъ. Уже другой день попеременно лилъ и накрапывалъ дождь, который не только затруднилъ ѣзду и обратилъ въ грязь плотины, но, вѣроятно, до крайности надоѣдалъ путешественникамъ. Черныя, сѣрыя и блѣдныя тучи неслись одна за другою съ запада и летѣли на востокъ, гонимыя какою-то могучею силою, позволявшею имъ останавливаться лишь на короткое время и обливать засохшую землю дождевыми каплями. Послѣ кратковременной, но страшной, бури, прервавшей длинную засуху, небо покрылось темными тучами — точно осенью, воздухъ охолодѣлъ, какъ-будто невдалекѣ выпалъ большой градъ, и ливень, перемежаясь мелкимъ дождемъ, въ такой же степени надоѣдалъ людямъ, въ какой недавняя продолжительная засуха.

Передъ описанною корчмою стояли крестьянскія телѣги; привязанныя къ нимъ лошади покрыты были старыми свитками и терпѣливо переносили ненужное для нихъ купанье. Нѣсколько мужиковъ, съ мѣшками на головахъ, лѣнливо ходили около возовъ. Кромѣ того, тутъ же стояла обтянутая полотномъ жидовская фура, съ которой только-что слѣзъ возница для того, чтобы закурить трубку; одноколка нарочнаго посланца, выгнаннаго изъ дому за экстренную нуждою и вовсе не имѣвшаго охоты ѣхать подъ дождемъ, который усиливался къ вечеру; осѣдланый конь и другіе проѣзжіе. Несмотря на то, что солнце не скоро еще должно было закатиться, въ одной комнаткѣ корчмы сидѣлъ путешественникъ, приказавъ небогатую повозку свою съ парюю жирныхъ, но мелкой породы, лошадокъ, поставить подъ гостепріимную кровлю.

Это былъ молодой человѣкъ. Онъ, очевидно, досадовалъ на вынужденную остановку, потому что онъ то-и-дѣло ходилъ отъ одного окна къ другому, выходилъ за ворота, глядѣлъ на небо, прислушивался къ вѣтру и, не видя ничего хорошаго въ метеорологическихъ признакахъ, упорно предвѣщавшихъ непогоду, только пожималъ плечами и потрясалъ головою. Въ наружности этого путешественника не было ничего замѣчательнаго. Это былъ мужчина лѣтъ около тридцати, довольно здоровый, но не толстый, и мускулистаго сложенія. Его одежда обнаруживала положеніе въ свѣтѣ, граничившее съ бѣдностью. Впрочемъ, хотя бурка у него была уже полинялая, а черный и застегнутый на все пуговицы сюртукъ былъ старый и вообще весь костюмъ вовсе не

щегольской, — въ чертахъ молодого человѣка отражалось столько благородства и внутреннего достоинства, что среди толпы онъ непремѣнно обратилъ бы на себя вниманіе зрителя и заставилъ бы теряться въ догадкахъ о томъ, какой именно случай поставилъ его такъ низко. Очень загорѣлое и почти черное, но свѣжее, здоровое и живое, лицо его было замѣчательно не столько чертами, сколько выраженіемъ. На немъ отражались чувства спокойствія и самоувѣренности, составляющія принадлежность избранника судьбы, хотя и рожденного въ бѣдности. Возвышенное, гладкое, прекрасно-сформированное чело, темные, быстрые, полные огня и понятливости глаза, самая добродушная улыбка, — все это сообщало фizioноміи молодого человѣка черты особеннаго рода. Выбритое лицо его отличалось только большими усами, оставленными на своемъ мѣстѣ какъ-бы въ память прежнихъ временъ; но они не были лелѣяны съ кокетствомъ людей, носящихъ усы только для сообщенія своему лицу красоты или важности. Усы путешественника росли — какъ Богъ далъ, т. е. были растрепанные, густые, и хозяинъ вовсе не думалъ и не заботился о нихъ. Ихъ цвѣтъ, немного свѣтлѣе волосъ на головѣ, не переходилъ въ рыжій, какъ часто случается у насъ, но походилъ болѣе на золотистый. Изъ-подъ усовъ улыбались немного выдающіяся губы, но на нихъ не отражалось ни насмѣшливости, ни ироніи. Съ небольшимъ горбомъ носъ и темные глаза, глубоко впавшіе подъ лобною выдающеюся костью, довершали цѣлое, которое гораздо легче изобразить немногими чертами кисти, нежели длиннымъ описаніемъ. Сбросивъ съ себя промокшую бурку и вострепнувшись послѣ несноснаго сидѣнья въ бричкѣ, молодой человѣкъ быстро ходилъ по комнатѣ, чтобы привести члены въ нормальное положеніе. Вошла хозяйка дома и спросила — не нужно ли ему чего-нибудь, предложила самоваръ и чай; но путешественникъ попросилъ только стаканъ парнаго молока и хлѣба. Это, къ сожалѣнію, дало хозяйкѣ самое невыгодное мнѣніе о гостѣ. Придя другой разъ съ молокомъ, она уже глядѣла на него фамиллярнѣе и даже не соблаговолила поговорить съ нимъ. Молодой человѣкъ также не былъ расположенъ къ разговору, а потому, закусивъ и выпивъ молоко, закурилъ трубку и опять началъ ходить по комнатѣ.

— Ну, что станемъ дѣлать, Парфень? — наконецъ, спросилъ

онъ своего кучера, который взглянулъ изъ-за дверей на своего пана. — Какъ думаешь: перестанетъ ли этотъ проклятый дождь къ вечеру? Ъхать намъ, или ночевать?

— Да что-же?—возразилъ кучеръ, проворно пряча трубку въ карманъ своей свитки, — пожалуй, поѣдемъ; дождя хватитъ на цѣлыя трое сутокъ, мы не переждемъ его, а тамъ пани будетъ ждать и беспокоиться...

— Но вѣдь еще двѣ добрыхъ мили остается проѣхать намъ, дорога прескверная... и вдобавокъ ночь на дворѣ!..

— Развѣ первый разъ мы ѣдемъ по этой дорогѣ? Ой, ой!—проговорилъ Парфень, качая головою. —Хоть и ночь, а все мы попадемъ домой; кони напоены, сѣли сѣно и отдохнули, значить, довезутъ насъ въ сумерки...

— Не дать ли по гарницу овса?

— Ге, да развѣ онѣ голодны?—проговорилъ Парфень.

— Охъ ты — плутъ! — прибавилъ молодой человѣкъ съ улыбочкою и угрозою. —Тебѣ очень хочется скорѣе попасть домой!..

Крестянинъ покраснѣлъ, почесалъ въ затылкѣ, поправилъ волосы и, поставленный въ тупикъ, только пожалъ плечами.

— Какъ прикажете, пане, только то, что пани будетъ безпокоиться; онѣ, вѣрно, ждали васъ еще къ обѣду...

— Пожалуй поѣдемъ, потому что и у меня вовсе нѣтъ охоты ночевать здѣсь, — отвѣчалъ молодой человѣкъ. — Когда кони доѣдутъ, запрягай и дай мнѣ знать

Именно среди такого разговора между паномъ и слугою, разговора, показавшаго намъ взаимное ихъ отношеніе и довольно объяснивашаго вполне добрый, хотя не лишенный энергии, характеръ путешественника, — вдругъ у воротъ дома поднялся шумъ. Панъ и слуга взглянули въ окно и увидѣли быстро вѣзжавшую подъ кровлю корчмы прекрасную коляску на рессорахъ, запряженную четверкою бурыхъ лошадей гусемъ, съ кучеромъ на козлахъ, въ шинели орѣховаго цвѣта, и съ лакеемъ въ ливреѣ. Хозяйка проворно выбѣжала изъ-за стойки взглянуть, кого посылаетъ ей Богъ, и, вѣроятно, узнала гостя или обрадовалась только ливреѣ орѣховаго цвѣта, потому что вмѣстѣ съ лакеемъ вновь пріѣхавшаго пана, очень крикливо и съ выраженіями горячей дѣятельности, сама начала раздвигать вozy, стоявшіе подъ навѣсомъ. Исполнивъ эту обязанность, она вбѣжала въ

гостиныя комнаты съ передникомъ для стирки пыли, а между тѣмъ изъ прекрасной коляски вышелъ, съ помощью слуги, прѣзжіи гость и вошелъ за нею въ домъ. Первый путешественникъ занималъ послѣднюю комнатку и, услышавъ на дворѣ сильный шумъ, взглянулъ изъ любопытства черезъ двери на торжественный въѣздъ, привѣтствуемый криками хозяйки, гусей и всего, что жило на дворѣ; но едва онъ бросилъ взглядъ на экипажъ и на прибывшаго гостя, стрѣлою вернулся назадъ въ свою комнатку.

Парфень, пользуясь прибытіемъ новыхъ гостей и поднявшеюся суматохою, во время которой и на его долю досталось острое словцо, немедленно принялся надѣвать шлеи и запрягать своихъ лошадокъ. Новый гость, принятый съ такимъ торжествомъ, былъ молодой человѣкъ, и когда онъ сбросилъ съ себя резиновые шинельки, капоры, пелеринки, шаль и другія принадлежности костюма, — изъ-подъ всего этого показалась прекрасная фигура молодого аристократа въ цвѣтъ лѣтъ, т. е. двадцатилѣтняго юноши, — фигура статная, милая и поражающая своею почти дѣвическою нѣжностью. Стройный, высокаго роста и ловкій — новый гость обратилъ бы на себя глаза каждой женщины благородными чертами лица и кроткимъ выраженіемъ задумчивыхъ глазъ небснаго цвѣта. Густые и тщательно причесанные темнорусые волосы окружали его правильное съ аристократическимъ выраженіемъ лицо, которое, впрочемъ, скорѣе могло возбудить въ васъ чувство какого-то состраданія. Такое нѣжное, слабое, безсильное и немужественное было это созданіе! Правда, на верхней губѣ уже пробивались усики, только-что выбритая борода обнаруживала охоту расти, несмотря на то, всѣ черты лица, даже красота его и особенно характеръ типа были совершенно женскія. Если бы этотъ кукольный паничъ имѣлъ силы, то, можетъ быть, онъ былъ бы добрымъ; но за недостаткомъ силъ онъ представлялся только боязливо-кроткимъ. Костюмъ его былъ до такой степени изысканъ, что казался даже неприличнымъ для путешественника. Начиная съ бархатной фуражки до лакированныхъ полусапожекъ, все, что было надѣто на немъ, носило печать самаго прихотливаго щегольства; а когда онъ снялъ лайковую перчатку, то ручка его оказалась такою маленькою, бѣлою, нѣжною и красивою, какъ

будто во всю жизнь она ни до чего не дотрогивалась, кромѣ локона волосъ и батистоваго платочка. Вся одежда его была сдѣлана съ большимъ вкусомъ, не бросалась въ глаза пестротою, сшита была очень удобно, и портной, очевидно, слѣдовалъ англійской модѣ, гдѣ comfort составляетъ почти все украшеніе. Сюртучокъ, жилетъ и прочія принадлежности костюма были одноцвѣтныя.

Войдя въ гостиную, путешественникъ долго не отваживался положить снятое съ себя верхнее платье на столъ, диванъ или стулъ; онъ поочередно оглядывалъ всю мебель, качая головою, ходилъ, искалъ и, наконецъ, подставъ шинель на самомъ чистомъ стулѣ, началъ по порядку складывать шали, платки и другія принадлежности своего наряда. Но вдругъ онъ почувствовалъ пронзительный холодъ, какой нерѣдко даже въ іюлѣ скрывается у насъ въ нежилыхъ углахъ, холодъ иногда болѣе вредный, нежели декабрскій, онъ вздрогнулъ и, доставъ сигарочницу, началъ проворно ходить по комнатѣ, чтобы ускоренными шагами согрѣть себя. Вторая комната, занятая теперь новоприбывшимъ паничемъ, находилась рядомъ съ маленькою комнатою, гдѣ помѣщался первый нашъ путешественникъ, даже двери между ними не были затворены, а потому красавецъ паничъ вдругъ очутился съ глазу на глазъ съ первымъ путешественникомъ, уже надѣвавшимъ бурку, чтобы ѣхать.

Взоры молодыхъ людей встрѣтились—одного смѣлый и добродушный, другого — довольно робкій, но также дышавшій добротою. Паничъ вынулъ изъ зубовъ сигару и, въ величайшемъ изумленіи, одну минуту колебался, потомъ двинулся съ мѣста, сдѣлалъ шагъ впередъ, остановился и, наконецъ, вскрикнулъ:

— Алексѣй!

— Юліанъ! — отозвался голосъ съ другой стороны порога.

Оба путешественника подошли другъ къ другу, и Алексѣй, прежній нашъ знакомый, порвый переступилъ порогъ, черезъ который, слѣдуя преданію, славянинъ никогда не здороваются; грубая и покрытая мозолями рука встрѣтилась съ бѣлою рукою, дрожавшею отъ искренняго, дружескаго чувства.

У обоихъ въ глазахъ сверкнули радость и слезы, какія могутъ возбудить только воспоминанія минутъ молодости, проведенныхъ вмѣстѣ, въ товариществѣ на школьной скамьѣ, либо въ одномъ лагерѣ.

— Что ты тутъ дѣлаешь, милый Алексѣй?—спросилъ Юліанъ съ чувствомъ, — по какому счастливому случаю ты здѣсь?

— Мой дорогой Юліанъ! — проговорилъ немного смѣшавшійся Алексѣй, — я живу въ здѣшнихъ краяхъ... недалеко — за двѣ мили...

— Давно?

— Со времени окончанія курса въ университетѣ.

— Гдѣ же именно?

— Въ Жербахъ...

— Въ Жербахъ? Да вѣдь это меньше мили отъ Карлина, видно изъ оконъ...

— Кажется, такъ, потому что я изъ оконъ своего домика смотрю на вашъ дворецъ и на огромныя деревья вашего парка.

— Какъ? И ты до сихъ поръ не навѣстилъ меня?—сказалъ Юліанъ тономъ упрека. — Ахъ, — прибавилъ онъ, опуская руку Алексѣя, — этого я никогда не ожидалъ! Не хорошо поступать такъ!

Алексѣй печально улыбнулся.

— Мой милый Юліанъ! — сказалъ онъ тихимъ голосомъ, — иное дѣло наша университетская скамья, уравнивающая всѣ состоянія, а иное — свѣтъ, среди котораго живемъ теперь.

— Алексѣй! Право, я не узнаю тебя, но объ этомъ послѣ, — произнесъ Юліанъ, опять схвативъ его руку. — Кажется, ты собираешься ѣхать? Куда же?

— Домой.

— Дождь льетъ, какъ изъ ведра, наступаетъ ночь; я долженъ ночевать здѣсь; сердись не сердись, а я рѣшительно не пущу тебя... Ты долженъ остаться для меня!

Алексѣй задумался.

— Пожалуйста, прошу тебя, а въ крайности позволю себѣ насиліе, — прибавилъ Юліанъ. — Не отказывай мнѣ! Если ты уѣдешь, то въ здѣшней корчмѣ мнѣ будетъ вдвойнѣ скучно. Я долженъ разспросить тебя... наговориться... наглядѣться на тебя... ты останешься, непременно останешься!

— Но...

— Никакихъ *но*, милый Алексѣй! Ты долженъ провести вечеръ со мною.

И избѣженный паничъ увивался, просилъ и настаивалъ, точно ребенокъ, такъ что Алексѣй долженъ былъ согласиться,

сбросить съ себя бурку и хотя Парфень ворчалъ отъ неудовольствія, однако рѣшился остаться.

При взглядѣ на этихъ молодыхъ людей, столь непохожихъ другъ на друга, ни по виду ни по образу жизни, нельзя было предположить, чтобы какая-нибудь сила могла соединить ихъ и дала возможность хотя на одну минуту забыть то, какъ далеко стояли они другъ отъ друга въ общественной классификаціи. Но воспоминанія молодости произвели это чудо: они сѣли рядомъ, взялись за руки, устремили другъ въ друга глаза, казалось, искали въ себѣ перемѣнъ, происшедшихъ со времени разлуки, и долгое время молчали, можетъ быть, сравнивая въ своихъ мысляхъ картину, оставшуюся отъ школьной жизни, съ тою, какую представила имъ теперешняя встрѣча.

— Боже мой! Какой ты сталъ красавецъ, Юліанъ, — воскликнулъ Алексѣй, глядя на своего пріятеля, — какой вышелъ изъ тебя паничъ! Видно, что рука судьбы не тяготѣла надъ тобой: ты свободенъ и счастливъ!

Юліанъ вздохнулъ и на восклицаніе товарища отвѣтилъ наивно:

— А изъ тебя образовался загорѣлый хозяинъ, шляхтичъ-земледѣлецъ! Правда — ты немножко заржавѣлъ, братъ, осѣлъ въ домѣ, работаешь; но зато какъ ты возмужалъ, какъ поздоровѣлъ!

Въ свою очередь, у Алексѣя также вырвался изъ груди легкій, почти незамѣтный вздохъ.

— Мы оба измѣнились, — сказалъ онъ тише; — иначе не могло и быть: я — въ трудахъ, ты — въ спокойствіи...

— Такъ ты не пошелъ по ученой дорогѣ?

— А ты бросилъ дипломатическую карьеру, какую готовили для тебя?.. Я долженъ былъ помогать матери, — прибавилъ Алексѣй.

— А меня дѣла по имѣнью принудили остаться дома, я — глава семейства!

— И я также...

Молодые люди опять взглянули другъ на друга, опять пожали руки и улыбнулись...

— Боже мой! Сколько перемѣнъ! — воскликнули оба.

— Мы казались равными другъ другу, когда сидѣли на школьной скамьѣ, предъ лицомъ науки, склонявшей всѣ головы, —

сказалъ Алексѣй.—Теперь, если-бы не воспоминаніе тогдашняго братства, какъ далеко мы стояли бы другъ отъ друга: я — среди смиренныхъ тружениковъ, обязанныхъ работать изъ-за насущнаго хлѣба, а ты — среди людей, которые, вполне обеспеченные въ ежедневныхъ потребностяхъ, могутъ покоиться, мечтать, мыслить и только головою трудиться для общества.

— Всѣ званія, — живо перебилъ молодой человѣкъ, — въ глазахъ общества, кажется, равны между собою, если человѣкъ исполняетъ свои обязанности съ самоотверженіемъ, съ сознаниемъ ихъ важности и пользы. Зачѣмъ же сѣять несогласіе между братьями? Зачѣмъ искать между ними различія?

Алексѣй улыбнулся.

— Правда, молодые и старики — всѣ мы братья; но возможно ли чѣмъ-нибудь уничтожить права первородства и происхожденія? Всѣ разсужденія о равенствѣ состояній прекрасны только на бумагѣ, а въ свѣтѣ не могутъ имѣть ни малѣйшаго приложенія. Мы не можемъ на самомъ дѣлѣ быть равными такъ, какъ равны передъ законами, предъ лицомъ Бога и смерти... Напрасная попытка!

— Откуда ты выкопалъ такую сентенцію? — воскликнулъ Юліанъ.

— Изъ опыта, милый другъ, изъ опыта!..

— По крайней мѣрѣ, ты долженъ согласиться, что образованіе вполне уравниваетъ насъ, всѣ разности состояній и общественныхъ положеній должны исчезнуть.

— Къ несчастью, мы живемъ не однимъ умомъ! Правда, иногда встрѣчаются минуты равенства, даже для людей низкаго происхожденія бываютъ минуты превосходства; но ежедневная жизнь, наконецъ, раздѣляетъ людей, случайно подавшихъ другъ другу руки.

— Вотъ почему, — произнесъ Юліанъ, — живя за милю отъ Карлина и глядя изъ оконъ Жербенскаго дома на зеленѣющіяся деревья нашего сада, ты не хотѣлъ вспомнить, что тамъ живетъ другъ твой.

— Ты думаешь, что это когда-нибудь выходило изъ моей памяти? — воскликнулъ Алексѣй. — Ошибаешься, я помнилъ о тебѣ, можетъ быть, не разъ вздыхалъ о твоёмъ обществѣ, но умѣлъ удержаться отъ искушенія.

— Признаюсь, не понимаю причины.

— Потому что не понимаешь, какую разницу производить между людьми их общественное положеніе, обязанности, кругъ, въ которомъ они обращаются, сфера, въ которой живутъ. Въ сношеніяхъ съ людьми, которые имѣютъ больше и живутъ иначе, мы испытываемъ, правда, минуту высокаго удовольствія, но должны потомъ заплатить за нихъ униженіемъ, либо печалью...

— Это говоритъ въ тебѣ старинная шляхетская гордость.

— О, нѣтъ,—молодая опытность, другъ мой! Часто мы обязаны отказываться отъ удовольствія, потому что оно грозитъ упоеніемъ. Не спорю, что для тебя мое общество было бы минутнымъ развлеченіемъ; тебѣ не былъ бы непріятенъ видъ чело-вѣка, который въ самой простой буркѣ и сѣромъ сюртукѣ вошелъ бы въ твои салоны, разсѣялъ бы, можетъ, тебя... А я? Я бы поневолѣ долженъ былъ разнѣжиться, облѣниться, размечтаться, позавидовать и предаться чувству, которое я не хочу, чтобы знало мое сердце. Для тебя ежедневное сношеніе двухъ людей, совершенно различныхъ по своему положенію, представляется ничтожнымъ дѣломъ; но я вижу въ немъ угрозу для самого себя, а потому изъ самолюбиваго опасенія не хотѣлъ ѣздить къ тебѣ въ Карлинъ.

— Признаюсь, это что-то слишкомъ ужъ разсудительно и въ такомъ молодомъ чело-вѣкѣ, какъ ты, показываетъ прозорливость. Но мнѣ думается, что ты ошибаешься. Отчего ты не допускаешь, что я возмужалъ бы при тебѣ, а только думаешь, что ты самъ изнѣжился бы со мною? Почему ты не считаешь на собственное вліяніе, а боишься подчиняться чужому?

— Потому, что знаю людей, а еще болѣе знаю себя. Мое положеніе ненормальное; съ высшимъ образованіемъ, согласись, слишкомъ тяжело жить сохою и бороною. Я употребляю огромныя усилія, чтобы безъ вздоховъ и скорби исполнять мои обязанности. Что же было бы, если-бы предъ моими глазами находилась картина, ежеминутно возбуждающая во мнѣ чувства зависти, горести и сожалѣнія о самомъ себѣ?

— Слѣдовательно, ты несчастливъ?—съ участіемъ спросилъ Юліанъ.

— На это не жалуюсь,—отвѣчалъ Алексѣй.—Я убѣжденъ, что въ каждомъ состояніи дается чело-вѣку одинаковая сумма

счастія и страданій; отъ насъ зависить получать ее. Но для этого необходимо средниться, даже какъ бы сродниться съ своимъ положеніемъ и отвратить взоры отъ того, чего достигнуть невозможно.

— Это правда, — подтвердилъ Юліанъ, — въ каждомъ состояніи, во всякомъ положеніи есть свои печали и заботы. — Паничъ вздохнулъ. — Поговоримъ лучше о чемъ — нибудь другомъ... Расскажи мнѣ свою исторію, потомъ я передамъ свою; сейчасъ подадутъ намъ чай, закуримъ сигары и по-смѣемся, какъ въ прежніе счастливые годы — *ces beaux jours où nous étions si malheureux*.

II.

Въ молодости мы встрѣчаемся, точно крестьянскія дѣвушки у колодца. Придя за водой, онѣ посмѣются одна на другую, посмотрятъ другъ дружку въ глаза, вмѣстѣ оглянутся на проходящаго молодого парня, поправятъ на головахъ сбившіеся волосы, пропоютъ пѣсенку и, не спросивъ другъ дружку, откуда онѣ пришли и куда уходятъ, расстаются съ дѣтскою безпечностью. Такъ и мы, когда съ разныхъ сторонъ свѣта сбѣгались на школьную скамью, не спрашивали товарищей, откуда они явились — изъ-подъ соломенной крыши, или изъ палатъ, крытыхъ желѣзомъ; тогда никто изъ насъ не имѣлъ любопытства заглянуть за предѣлы настоящаго, проникнуть въ прошедшее и будущее свое и обратій. Мы знали другъ друга, любили, дѣлились всѣмъ и не нуждались ни въ имени, ни въ происхожденіи. Но тѣ же самые люди, состарѣвшись въ другомъ свѣтѣ, когда приходится намъ пожать жесткую руку и вмѣстѣ вздохнуть о прошедшемъ, уже хотимъ знать: кто мы, насъ уже беспокоитъ и свое, и чужое, заботитъ то, что мы пережили, чувствуемъ тяжести прежнія и настоящія, уже хотимъ проникнуть въ душу, взглянуть въ глубину сердца любимыхъ друзей... Уже не столь веселые, какъ прежде, мы спрашиваемъ другъ друга: изъ какого мы свѣта?

Ахъ, среди одного человѣческаго рода сколько отдѣльныхъ свѣтовъ, недоступныхъ одинъ для другого, окруженныхъ собственными границами, раздѣленныхъ высокими преградами... А между

ними особенно рѣзко замѣтны два главные свѣта, которые съ недовѣрчивостью смотрятъ одинъ на другой—съ одной стороны презрительно, съ другой — завистливо. Это свѣтъ богачей и свѣтъ бѣдняковъ, свѣтъ людей, живущихъ въ постоянномъ удовольствіи, и свѣтъ тружениковъ; это два лагеря, два легіона, которые должны бы общими силами двигать бремя будущности, а между тѣмъ не хотятъ ни подѣлиться сердцемъ, ни подать руки для пожатія.

Съ обѣихъ сторонъ вина огромная,—одни завидуютъ счастью, которое создали воображеніемъ; другіе считаютъ себя избранными, потому что не понимаютъ своихъ обязанностей и придаютъ чрезмѣрную цѣнность формѣ, смѣются надъ грубостью тамъ, гдѣ слѣдовало бы цѣнить сердце, презираютъ наружность, тогда какъ подъ грубой оболочкой ея скрывается истинное золото... Да, съ обѣихъ сторонъ вина одинаковая и ошибка непростительная.

Представители именно такихъ двухъ свѣтовъ, Юліанъ и Алексѣй, старые товарищи по университету, а теперь почти чужіе, случайно встрѣтились въ корчмѣ на большой дорогѣ. На первыхъ порахъ оба они, живо вспомнивъ былое время, подали другъ другу руки, но затѣмъ начали мѣрять другъ друга менѣе довѣрчивыми взглядами и первый разъ въ жизни замѣтили — какое пространство раздѣляетъ ихъ.

Изысканный костюмъ и нѣжное личико Юліана, промокшая бурка и загорѣлое лицо Алексѣя — поразили обоихъ друзей, — и бѣднякъ первый отступилъ отъ стараго товарища. Это не осталось незамѣченнымъ со стороны наблюдательнаго Юліана, уже изъ разговора составившаго заключеніе, что прежній товарищъ не считалъ его, какъ прежде, равнымъ себѣ, и глубоко почувствовалъ это. До сихъ поръ Юліанъ и Алексѣй ничего не знали другъ о другѣ, кромѣ развѣ того, что были изъ однихъ мѣстъ, изъ одного любимаго уголка родины, что первый былъ богатъ, а другой бѣденъ. Имъ не приходило на мысль глубже заглянуть другъ въ друга. Теперь же, сойдясь опять на новой дорогѣ, оба они почувствовали необходимость познакомиться короче.

Между тѣмъ, слуга Юліана, въ гербовой ливреѣ, нанесъ въ комнату множество ящиковъ, шкатулокъ и узловъ, безъ кото-

рыхъ паничъ не могъ двинуться изъ дому; разставилъ чайный приборъ, принесъ кипѣвшій самоваръ—и нашлось все, что могло составить ужинъ, поданный даже съ комфортомъ. Друзья сѣли за круглый столъ, и Юліанъ, снявъ съ себя платье, показался въ дорогомъ атласномъ шлафроктѣ, въ персидской шапочкѣ, бархатныхъ шароварахъ и вышитыхъ золотомъ туфляхъ; подъ ноги постлали ему маленькій коверъ, стѣну завѣсили персидскимъ ковромъ.

— Пусть и твою постель принесутъ сюда,—сказалъ Юліанъ;—мы ляжемъ рядомъ и станемъ болтать до разсвѣта.

Алексѣй разсмѣялся.

— Я не ѣзжу съ постелью, мой милый, — сказалъ онъ, — и попрошу только охапку сѣна, брошу на него домотканный коверъ съ бички, когда немного просушатъ его, одѣнусь буркой — и конецъ!..

Юліанъ съ удивленіемъ взглянулъ на друга, но не сказалъ ни слова.

Когда путешественники согрѣлись, наговорились и перебрали всѣ воспоминанія прошедшаго, Алексѣй первый перемѣнилъ предметъ разговора и сказалъ Юліану:

— Милый другъ! Мы съ тобою жили когда-то очень дружно, но я столько же знаю о твоёмъ положеніи, сколько и ты — о моемъ. Только въ Жербахъ я узналъ, что ты, вмѣстѣ съ сестрою и братомъ, владѣешь большими деревнями, имѣешь великолѣпный домъ, однимъ словомъ—ты панъ... Хочешь знать что-нибудь и обо мнѣ? Но напередъ познакомъ меня съ собою.

— Съ большимъ удовольствіемъ; я самъ желалъ этого, — отвѣчалъ Юліанъ, опираясь на руку и принимая печальное выраженіе. — Сейчасъ расскажу все, что касается меня; только не надѣйся услышать что-нибудь любопытное... Это будетъ самая обыкновенная панская исторія; но я панъ только по наружности.

— По наружности?..

— Да, — произнесъ Юліанъ, со вздохомъ. — Меня воспитали для роли пана, потому что я ношу одно изъ именъ, часто встрѣчающихся на страницахъ исторіи, а своими связями принадлежу къ самой высшей аристократіи. Но панство наше слишкомъ гнило и хрупко...

— Однако, вы еще не банкроты? — спросил Алексѣй.

— До сихъ поръ — нѣтъ. Но для громкаго имени, для образа жизни, какой надо вести, мы имѣемъ очень мало!

— Я не воображалъ, что ты такой корыстолюбивый.

— Я? Помилуй, дружище! Я никогда не страдалъ жаждою богатства, но... — Юліанъ вздохнулъ.

— Такъ жаль, — перебилъ Алексѣй, — очень жаль, что тебя воспитали нѣженкой, паничемъ, такимъ слабымъ твореніемъ, которому нуженъ золотой пухъ, чтобы сохранить въ немъ жизнь свою.

Юліанъ потушилъ глаза.

— Правда твоя, — сказалъ отъ тихимъ голосомъ. — Можетъ быть, вслѣдствіе излишней заботливости обо мнѣ сдѣлали изъ меня самое несчастнѣйшее существо; я каждую минуту дрожу отъ воображаемыхъ страданій, не надѣясь перенести ихъ. Все страшитъ меня: и холодъ, и жаръ, и недостатокъ того, къ чему я привыкъ... Моя жизнь ограничена тысячами такихъ условій, которыя для подобныхъ тебѣ людей ничего не значатъ, надъ которыми ты сталъ бы только смѣяться.

— Матушка моя, — прибавилъ Юліанъ, спустя минуту, — выйдя другой разъ замужъ, должна была разстаться съ дѣтьми и сдала насъ въ опеку добрѣйшему, но вмѣстѣ съ тѣмъ самому слабому человѣку... Онъ только изнѣжилъ насъ... Ты знаешь, что я не былъ въ низшихъ школахъ, слѣдовательно не испыталъ въ полномъ смыслѣ жизни съ ровесниками... Дядя отдалъ меня прямо въ университетъ, отправивъ туда вмѣстѣ съ поваромъ, двумя гувернерами, дворецкимъ, экипажемъ и цѣлою толпою нянекъ, обязанныхъ неусыпно заботиться объ удобствахъ жизни одного дѣтища!.. Когда ты первый разъ познакомился со мною, я былъ уже такимъ, какъ теперь; ваши насмѣшки на короткое время какъ будто исправили меня, но я въ этомъ случаѣ больше маскировался передъ вами, потому что уже не могъ перемѣнить себя... Потомъ я воротился домой, почерпнувъ немного жизни и болѣе освѣжившись отъ людей съ которыми встрѣтился, нежели наукою, отчасти уже мнѣ знакомою, которую притомъ я легко понималъ и постигалъ скорѣе прочихъ товарищей. Когда вы готовились къ неизвѣстной борьбѣ съ судьбою, я шелъ подъ тихій домашній кровъ, прямо видя, что лежитъ передо

мною въ будущемъ. У меня не было и нѣтъ силъ къ борьбѣ: калѣка, разслабленный, я принужденъ всю жизнь сидѣть за печкой, чтобы не умереть отъ холоду... О, какъ я завидую твоей буркѣ и твоему веселому лицу, Алексѣй!.. Глядя на меня издали, ты скажешь себѣ: «счастливецъ!» Но, если-бы ты заглянулъ глубже... По наружной обстановкѣ я—панъ, потому что имѣю достатокъ и ношу знатное имя; но не могу быть счастливымъ и чувствую себя ни къ чему не способнымъ.

— Въ этомъ, конечно, виновато воспитаніе, — проговорилъ Алексѣй, — но, мнѣ думается, при посредствѣ труда, ты еще можешь выйти изъ своего положенія.

— Правда, я сумѣю возвыситься духомъ, но кто дастъ мнѣ новую оболочку, другое тѣло, силы, орудія для подвиговъ, непоколебимость, энергію, мужество и самоувѣренность, которыхъ рѣшительно нѣтъ во мнѣ?

— И это все пріобрѣтешь неослабными трудами, — произнесъ Алексѣй съ чувствомъ. — Повѣрь, ты найдешь удовольствія въ жизни, только не сиди сложа руки, жалѣя себя, вздыхая и не смѣя приняться за какое-нибудь дѣло...

— Такъ, все это возможно, — возразилъ Юліанъ, — но я не могу имѣть собственной воли! Тысячи обстоятельствъ связываютъ и сковываютъ меня... Во-первыхъ, я глава бѣднаго моего семейства; далѣе—на мнѣ лежатъ обязанности въ отношеніи къ свѣту, съ которыми связываютъ меня вѣковыя сношенія; наконецъ, я обязанъ принимать формы и надѣвать костюмъ моего ордена... Тутъ я не могу избѣжать извѣстныхъ обязанностей. Послушай... Дядя, воспитатель нашъ, лишь только увидѣлъ меня взрослымъ, всю тяжесть домашняго хозяйства и управленія сбросилъ на мои плечи; у меня есть братъ и сестра... Юліанъ печально вздохнулъ. — Если бы я былъ одинъ, — не посмотрѣлъ бы ни на что. Но измѣняя образъ жизни, я невольно повлекъ бы за собою и родное семейство, тогда какъ мнѣ не дано права распоряжаться ихъ будущностью, я обязанъ вести ихъ путемъ фамилныхъ преданій... Я панъ—и умру паномъ!.. Притомъ, видимый тобою нашъ достатокъ—болѣе наружный, нежели дѣйствительный. Я еще имѣю средства жить въ довольствѣ, но будущность страшна! Я принужденъ выкупать ее бережливостію и употребленіемъ почти всего времени на занятія по управленію.

Центральная библиотека
2

имѣньемъ и на безчисленное множество разныхъ мелочей. Затѣмъ, я страшно скучаю, мучусь, и, прикованный къ работѣ, влачу за собой несносную тяжесть, изъ которой строятъ мнѣ тюрму. Въ будущемъ—для спасенія имени и расплаты съ долгами—меня ждутъ расчетливая женитьба на владѣтельница спасительнаго милліона и жизнь въ новой неволѣ... до гроба. Вотъ картина золоченой нищеты человѣка, которому ты, можешь быть, позавидовалъ въ душѣ своей!

Алексѣй задумался и, крѣпко сжавъ руку друга, произнесъ:

— Слѣдовательно, мы оба въ одинаковой степени невольники и несчастливцы и кто знаетъ—чья судьба лучше?.. Я вижу борьбу, но, вооруженный и готовый къ бою, ничего не боюсь, такъ какъ душа и тѣло мое закалены. Я даже испытываю какое то удовольствіе въ борьбѣ съ судьбою и въ усиліяхъ сбросить съ себя гнетущее бремя бѣдности... Впрочемъ, и я также невольникъ, и для меня будущее не общаетъ ничего, кромѣ непрерывныхъ трудовъ. Ты, при своемъ образѣ жизни, по крайней мѣрѣ, имѣешь свободныя минуты для возвышенія духомъ, а я—выпряженный изъ сохи—точно волъ, бросаюсь на землю, нуждаясь въ отдыхѣ... Совсѣмъ другую жизнь я воображалъ себѣ, пока былъ живъ отецъ, управлявшій хозяйствомъ и пустившій меня въ свѣтъ искать того, что люди всегда называли судьбой и счастьемъ. Я учился, старался пріобрѣсти что-нибудь наукою, создать себѣ будущность, но все это исчезло и разсѣялось какъ дымъ... Въ послѣдній годъ, по возвращеніи домой, я засталъ тамъ трауръ: благородный мой отецъ умеръ, томясь желаніемъ отдыха, котораго исполнѣ заслужилъ безпрепятственными и неблагодарными трудами впродолженіи пятидесяти лѣтъ. Послѣ него остались маменька и трое младшихъ брѣтвевъ. Какъ старшій сынъ, я долженъ отвѣтствовать за ихъ судьбу. На пять человѣкъ у насъ было только три бѣдныхъ крестьянина въ Жербахъ и участокъ земли съ податями. Крайность заставила меня отказаться отъ предположенной дороги и посвятить себя семейству, чтобы оно не умерло съ голоду или, по крайней мѣрѣ, не было выгнано съ отцовской земли на большую дорогу съ котомками. Сначала я рвалъ свои оковы, горячился отъ нетерпѣнія, ропталъ; теперь, обѣзженный, тащу соху, какъ хорошій волъ, которому ярмо уже натерло шею. А будущее...

Ахъ, вижу ясно его... Я заржавѣю; упаду въ умственномъ отношеніи, въ этой непрерывной борьбѣ съ дѣйствительностью и—больше ничего.

— Нѣтъ, такой человѣкъ, какъ ты, въ какихъ-бы обстоятельствахъ ни былъ, не можетъ ни упасть, ни отступить назадъ, ни заржавѣть! — возразилъ Юліанъ,

— Ха, ха, ха!—разсмѣялся Алексѣй.—Тебѣ—дѣла по имѣнію, а мнѣ—почти ручная работа не даютъ времени подумать о себѣ... Лошадь захромала, бѣги въ конюшню; занемогла корова, крестьянинъ напился и подрался, свиньи попали въ хлѣбъ—бросай книгу и лети въ поле... Въ иное время стоишь на солнцѣ либо на дождѣ, а, возвратясь домой уже ночью, надо записать, что сдѣлано, распорядиться на завтра, дать тѣлу отдохнуть... Во все это время мысли должны быть выгнаны изъ головы.

— И мое положеніе не лучше, отвѣчалъ Юліанъ.—Цѣлыдни занимать болтающихъ по-французски гостей, которые толь, ко и дѣлаютъ, что мучать меня разсказами о денежныхъ курсахъ, любовныхъ интрижкахъ и экипажахъ, спорить съ повѣренными, которые разсчитываютъ на мою лѣность, повѣрять счета, вздыхать и страшно скучать—вотъ моя доля! Прибавь къ этому недостатокъ силъ, отсутствіе мужества, вѣчное опасеніе банкротства, упадка и ужасающей бѣдности—и тогда ты поймешь, что мы не имѣемъ причинъ завидовать другъ другу. О, не о такой жизни мечтали мы!

— Помнишь, Юліанъ,—весело перебилъ Алексѣй,—ты хотѣлъ трудиться по дипломатической части и воображалъ, что создашь что-то новое и введешь его въ застарѣлыя преданія, основанныя лишь на изворотливости и соображеніяхъ разума... Кромѣ того, ты хотѣлъ быть въ Италіи, мечталъ о вояжахъ и черноокихъ испанкахъ...

— А ты, Алексѣй, а ты?.. Помнишь вечеръ на бульварѣ, когда цѣлую ночь мы строили планы о будущности? Какъ ты хотѣлъ быть обязаннымъ за все только собственному трудолюбію и возвыситься честностью, какъ вѣрилъ, что всего достигнешь своею всемогущею волею? Какъ теперь помню, ты хотѣлъ въ скоромъ времени сдѣлаться богатымъ, знатнымъ и, вдобавокъ, жениться на своемъ идеалѣ, который, если не обманываетъ меня память, былъ слишкомъ аристократическій.

— А твой, Юліанъ, твой идеаль всегда былъ страшно демократическій!—возразилъ Алексѣй.—Когда, блуждая глазами по окнамъ, я искалъ въ нихъ черныхъ глазъ своей богини, чтобы только молиться ей, какъ звѣздѣ моего предназначенія, въ то время ты искалъ на землѣ существъ маленькихъ, улыбающихся, живыхъ, веселыхъ, съ поднятыми носиками и розовыми губками... Онѣ такъ восхищали тебя.

— И до сихъ поръ восхищаютъ!—разсмѣялся Юліанъ.—Мой идеаль долженъ смѣяться мнѣ и пѣть, какъ вольная птичка.

— А мой... что-то въ родѣ Беатриче Данта... О, Боже!—прибавилъ Алексѣй,—мнѣ ли, возвращающемуся съ ярмарки, произносить безсмертное имя поэта,—произносить устами, сегодня же говорившими съ крестьянами о кожахъ и хлѣбѣ? Мнѣ говорить объ идеалахъ! Мнѣ?! Исчезни, мечта!.. Мой идеаль уплатить подати и предохранить свое имѣньишко отъ конфискаціи... О, прочь искушенія, прочь!

III.

Разговоръ, какъ бываетъ между старыми друзьями, не видавшимися долгое время, переходилъ такимъ образомъ на разные предметы. Юліанъ и Алексѣй въ одинаковой степени нуждались въ сердечномъ изліяніи. Впрочемъ, первый былъ гораздо искреннѣе, другой—скрывалъ свою бѣдность, точно порочную болѣзнь, и не столько высказалъ, сколько заставлялъ товарища предполагать насчетъ своего положенія въ свѣтѣ.

— Я не могу простить тебя,—произнесъ Юліанъ, ложась въ кровать и зажигая дорожную лампу,—не могу простить за то, что, поселившись въ Жербахъ, ты ни разу не навѣстилъ меня... Хотя ты много сказалъ въ свое оправданіе, но, признаюсь, я не понимаю хорошенько главной причины. Ужель и ты принадлежишь къ числу смѣшныхъ демократовъ, которые всѣхъ людей, богаче и знатнѣе себя, считаютъ личными врагами?

— Я не отношу себя къ категоріи подобныхъ людей,—отвѣчалъ Алексѣй.—Вѣдь ты знаешь меня и не имѣешь основанія обвинять меня въ гордости; наконецъ, въ твоемъ присутствіи я, конечно, никогда не испыталъ бы униженія. Но я держусь того правила, что всѣ тѣсныя связи мы должны заклю-

чать съ самую строгую осмотрительностью. Кто необдуманно бросается въ объятія всѣхъ, тотъ обрекаетъ себя на страданія и обманы. Иногда мнѣ пріятно было бы прокатиться въ Карлинъ, провести съ тобою вечеръ; къ чему поведетъ это?.. Къ мечтательности, наклонности къ удовольствіямъ и приволью, между тѣмъ какъ и безъ того я напрягаю всю силу характера, чтобы устоять на точкѣ моихъ обязанностей. Не прерывай меня, позволь объясниться подробнѣе...

— Ужъ ты говорилъ объ этомъ!—воскликнулъ Юліанъ, — но я не понимаю тебя.

— Поймешь, когда выслушаешь меня. Наше общественное положеніе удаляетъ насъ другъ отъ друга,—я обязанъ не стремиться вверхъ, а держаться внизу, чтобы моя голова не вскружилась. Каждый шагъ мой въ свѣтъ болѣе веселый, болѣе свободный и болѣе близкій къ тому, къ которому вело меня желаніе умственного возвышенія, обливаетъ кровью мое сердце и ослабляетъ силы. У тебя я нашелъ бы книги, не имѣя времени читать ихъ; закаленный — полюбилъ бы роскошь, тогда какъ не долженъ привыкать къ ней; наконецъ, говоря откровенно, если ужъ все нужно знать тебѣ, можетъ быть, еще я встрѣтилъ бы людей, которые поняли бы меня не такъ, какъ понимаешь ты... И вообще наши сношенія повели бы къ расходамъ, хотя мелкимъ, но для меня обременительнымъ.. Не спрашивай больше... тяжело признаваться...

— Въ твоихъ словахъ есть, можетъ быть, немного и правды,—сказалъ Юліанъ послѣ минутнаго размышленія,—но ты слишкомъ преувеличиваешь ее... Во первыхъ, наши сношенія не стоили бы тебѣ никакихъ расходовъ.

— А время?

— Развѣ ты не имѣешь минутъ отдыха?

— Почти не имѣю. Ты не знаешь, что такое маленькое хозяйство, гдѣ самъ панъ замѣняетъ собою всѣхъ чиновъ домашняго управленія.

— Во-вторыхъ,—говорилъ Юліанъ,—у меня ты навѣрно не встрѣтилъ бы ни одного человѣка, который бы осмѣлился не уважать моего друга...

— А взгляды? А полуслова?.. А ваша холодная и убійственная вѣжливость?

— Ты предубѣжденъ, милый Алексѣй! Повѣрь,—трудно найти людей болѣе насъ невзыскательныхъ и болѣе мягкихъ въ обращеніи. Кто уважаетъ себя, того всѣ уважаютъ.

— Наконецъ,—прибавилъ Алексѣй, желая прервать разговоръ,—начиная жизнь, я сказалъ самому себѣ, что непремѣнно пойду дорогою, какую укажутъ мнѣ обязанности, и не позволю себѣ ни малѣйшей слабости. Я глубоко убѣжденъ, что отношенія людей, далеко поставленныхъ судьбою другъ отъ друга, должны быть для нихъ тяжки и опасны для ихъ будущности. Даже пріязнь и чувства сердца не въ состояніи завалить пропасть, какою раздѣляютъ людей происхожденіе, воспитаніе, понятія, обычаи.

— За кого же ты считаешь меня? — вскрикнулъ Юліанъ полусмущливо и полусерьезно.

— За самаго прекраснѣйшаго человѣка,—отвѣчалъ Алексѣй;—но вмѣстѣ съ тѣмъ и за самаго слабого, за благороднѣйшее дитя аристократіи, къ которой ты принадлежишь тѣломъ, душою, жизнью и своею слабостью.

— О, зачѣмъ же такъ изнѣжили меня!—прервалъ Юліанъ,—зачѣмъ сдѣлали изъ меня только боязливаго ребенка! Этотъ недостатокъ даже въ твоихъ глазахъ дѣлаетъ меня недостойнымъ дружбы, которой жажду, потому что, омытый ею, я, можетъ быть, возмужалъ бы!

— Благодарю тебя, Юліанъ!.. Но мы съ каждымъ днемъ будемъ менѣе понимать другъ друга. Теперь еще есть свѣжая нить, соединяющая насъ; но каждая минута будетъ постепенно разрывать, ее и, наконецъ наступитъ время, когда я тебя, а ты меня встрѣтишь только пожатіемъ плечъ. Ужели въ кругу равныхъ тебѣ не найдется такого товарища, съ которымъ ты могъ бы жить, какъ съ братомъ?

— Подобныхъ людей много, и всѣ они очень благородны,—отвѣчалъ Юліанъ съ печальною миною.—Но я не могу вполнѣ положиться на нихъ, потому что собственно, что они люди одного свѣта со мною и, подобно мнѣ, слабы. Ты думаешь, что я не чувствую и не понимаю болѣзни всего поколѣнія, къ которому принадлежу? Ошибаешься, милый Алексѣй! Теперь мы не что иное, какъ остатки разбитаго въ сраженіи полка, нѣкогда предшествовавшего въ походѣ для приобрѣтенія цивилизаціи и проли-

вавшего за нее кровь свою. Но мы забыли даже и преданія, свѣтившія намъ, точно путеводныя звѣзды, и переродились въ существа, для которыхъ главную цѣль жизни составляютъ наслажденіе, спокойствіе, праздность... Заслуженное кровью богатство, знатность, блескъ—все обратилось намъ во зло; одно или два поколѣнія измѣнили надлежащее направленіе цѣлаго класса, который, впрочемъ, не можетъ оставаться безполезнымъ наростомъ общества, а долженъ и обязанъ быть живымъ его органомъ. Между тѣмъ мы стали вырождающимися, существами безполезными, людьми безъ всякаго значенія и живущими на свѣтѣ для одного только наслажденія жизнію... Все это я такъ же хорошо понимаю, какъ и ты, и скорблю надъ такимъ положеніемъ вещей. Крики противъ аристократіи, надъ которыми смѣемся мы всѣ, если они летятъ изъ устъ сумасбродныхъ болтуновъ, имѣютъ, впрочемъ, причину и значеніе; эти проповѣдники не сами выдумали ихъ, а только повторяютъ; однако, въ нихъ заключается упрекъ справедливый: изъ рыцарей, учредителей орденовъ, посланниковъ, героев мы стали мертвою частью лѣниво догорающаго общества. Избытокъ и нѣга добиваютъ насъ испареніями, которыя, подобно запаху цвѣтовъ, усыпляютъ, производятъ головокруженіе, отуманиваютъ чадомъ и морятъ...

— Все это совершеннѣйшая правда,—прервалъ Алексѣй,—но, если ты такъ хорошо знаешь болѣзнь, ужели не найдешь отъ нея лѣкарства?

— То, что сдѣлали столѣтія, невозможно передѣлать одному человѣку и въ одну минуту. Житейскія условія измѣнились, со временемъ изгладятся слѣды вѣковъ прошедшихъ — и аристократія возродится, но нелегко и нескоро. Теперь убиваютъ насъ безсиліе, изнѣженность, роскошь и отсутствіе цѣли въ жизни.

— И это правда,—сказалъ Алексѣй;—но вы легко нашли бы цѣль, если бы хотѣли трудиться.

— Мы не привыкли трудиться... Мы только наслаждаемся и, подобно пьяницѣ въ запоѣ, постепенно умираемъ отъ напѣтка, не умѣя воздержаться отъ него.

— Цѣль вашихъ предковъ, водившихъ войска къ бою и проливавшихъ кровь свою, была совершенно другая. Съ того времени измѣнились и условія, и свѣтъ, и все. Вамъ предстоятъ теперь другія завоеванія, и вы обязаны быть полководцами. Это—пріоб-

рѣтенія разума, это — область познаній, а болѣе всего — возбужденіе дѣятельной христіанской нравственности, потому что мы довольствуемся только ея мертвою буквою и ограждаемся ею отъ упрековъ язычества, нисколько не оставляя заблужденій послѣдняго. Каждый классъ людей имѣетъ свое предназначеніе и поприще для дѣятельности въ общественной машинѣ. Теперь вы составляете лишь бесполезную частицу въ этой машинѣ, сдѣланную изъ прекраснаго металла, но не дѣйствующую, поврежденную.

— Да, я все это понимаю по твоему, — сказалъ Юліанъ, — но могу ли быть апостоломъ? Посмотри на меня: гдѣ силы для новой жизни?

Оба друга вздохнули.

— Знаешь ли что, Алексѣй? — разсмѣялся Юліанъ, закуривая новую сигару, — теперешній разговоръ нашъ какъ нельзя живѣе наполнилъ мнѣ университетскіе года, когда за стаканомъ чаю мы переобразовывали свѣтъ, въ одно мгновеніе перелетали съ земли на небо, пускались въ самыя серьезныя разсужденія насчетъ человѣческихъ обществъ и насчетъ религіи... О, золотое было это время!

— Истинно золотое, но оно ужъ никогда не воротится.

— Помнишь ты Петра?

— А ты не забылъ Игнатія?

— Что-то случилось съ хорошенькой Маней?

— О, дружище, состарѣлась!

— А профессорша З... умерла!

— Какъ-то поживаетъ благородный нашъ Капелли?

— Что дѣлаютъ безцѣнные Я... и К?..

При этихъ словахъ вдругъ вбѣжалъ полуодѣтый слуга Юліана и очень испугалъ друзей блѣднымъ лицомъ своимъ и поспѣшностью, съ какою влетѣлъ въ комнату.

IV.

Увидя вбѣжавшаго слугу, Юліанъ проворно вскочилъ съ кровати, поблѣднѣлъ и схватился за грудь, потому что встревоженное сердце болѣзненно забилося въ ней; потомъ устремилъ глаза на Савву и, предчувствуя что-то необыкновенное, ожидалъ только, какая вѣсть поразитъ его.

— Что это значить? Что случилось?— воскликнулъ Юліанъ.

— То есть, пане... изъ Карлина!

— Изъ Карлина?— перебилъ Юліанъ. — Кто? Зачѣмъ? Что случилось тамъ?

— Еще ничего не случилось, пане!— сказалъ Савва, — но говорятъ, что тамъ занемогъ кто-то.

— Да кто же пріѣхалъ изъ Карлина? Говори проворнѣе!

— Изволите видѣть, пане... Мы съ Грыцькомъ стояли себѣ въ воротахъ и курили трубки... вдругъ...

— Да говори живѣе,— вскричалъ Юліанъ въ нетерпѣніи и съ сверкающими глазами.

— Вдругъ... глядимъ... что-то бѣлѣется и въ одноколѣ мурлычить какъ-будто Самойло на крестьянскихъ лошадяхъ, да и летитъ прямо по большой дорогѣ. Я сталъ кричать, онъ остановился и говоритъ, что ѣдетъ въ мѣстечко за докторомъ...

— Кто же занемогъ?— перебилъ Юліанъ;— говори—кто?

— То есть, изволите видѣть, пане... Вчера, когда уже насъ не было, пріѣхала старая пани... и, говорятъ, больно захворала...

— Моя маменька! моя маменька! Запрягать лошадей!— кричалъ Юліанъ. — Укладывать вещи, а Самойло пусть летитъ въ мѣстечко...

Волнуемый чувствами, Юліанъ въ первую минуту вскочилъ съ кровати, но тотчасъ же началъ дрожать, холодный воздухъ непріятно пахнулъ на панича, и онъ взглянулъ на окно, за которымъ виднѣлась черная ночь съ дождевою тучею, съ вѣтромъ и бурею. Алексѣй былъ ужъ на ногахъ.

— И ты встаешь?— спросилъ Юліанъ.

— Не знаю,— можешь ли ты положиться на своего Самойла; притомъ докторъ Греберъ можетъ быть занять, либо придется искать его; прикажу запрячь лошадей и полечу за нимъ самъ...

— О, какой ты благородный! Какой безцѣнный! Я не смѣлъ просить тебя, но ты угадалъ мое желанье!— воскликнулъ Юліанъ.

Пока Савва собиралъ вещи своего пана и приготовлялъ ему платье, Алексѣй, умывшись холодной водой и встрепенувшись, въ одно мгновенье одѣлся, побѣжалъ на дворъ, разбудилъ Парфена, помогъ ему запрячь лошадей и потомъ пришелъ только проститься съ Юліаномъ.

— Какъ я долженъ поступить съ Греберомъ?— спросилъ онъ, подавая руку лѣнливо одѣвающемуся и печальному товарищу.

— Возьми почтовых лошадей и привези его въ Карлинь,— отвѣчалъ Юліанъ,—и, главное дѣло, скорѣе. Наконецъ, распорядись, какъ знаешь, но непременно привези доктора. Моя маменька только и вѣруеть въ одного Гребера, хотя я, говоря искренно, не очень люблю его... Самъ я полечу прямо домой. Какое же счастье, что мы встрѣтились!.. До свиданія!.. До свиданія!..

— Но смотри, чтобы и тебѣ самому не понадобился докторъ!— прервалъ Алексѣй съ участіемъ, видя, какъ Юліанъ дрожалъ и почти совсѣмъ потерялъ силы.

— Это ничего, рѣшительно ничего,— сказалъ Юліанъ съ улыбкою,—нервы женскіе... самая малѣйшая бездѣлица валитъ меня съ ногъ, но одна минута отдыха поправитъ. Поэтому обо мнѣ не безпокойся... Правда, ѣзда ночью, по здѣшнимъ дорогамъ и въ такую погоду, будетъ тяжела для меня, но я больше всего безпокоюсь о маменькѣ.

Не теряя времени на продолжительное прощанье и увидя въ окно уже готовую повозку, Алексѣй закутался въ бурку, закурилъ коротенькую венгерскую трубку, отъ запаха которой Юліанъ закашлялся, и приказалъ живо ѣхать въ мѣстечко... По большой дорогѣ до этого мѣстечка было около десяти верстъ, а до почтовой дороги нужно было проѣхать только одну худую плотину да небольшое пространство размокшихъ песковъ и глины... Парфень стегнулъ лошадокъ; непривыкшія кнуту, онѣ понеслись во весь опоръ и потащили за собой легкую бричку точно шарикъ, Алексѣй ѣхалъ задумчивый и печальный: въ головѣ его мѣшались мысли, пробужденныя воспоминаніями.

— Еще вчера я былъ спокоенъ, равнодушенъ и такъ глупо счастливъ! А сегодня? О, надо же было мнѣ случайно встрѣтиться съ Юліаномъ, надо было начать съ нимъ разговоръ, чтобы воскресить въ себѣ умершія мысли и чувства!— Обстоятельство, повидимому, самое маловажное, но я долгое время буду самъ не свой.

Столько погребенныхъ надеждъ воскресло въ сердцѣ! Бѣдные мы люди! Нѣтъ, ни за что не поѣду въ Карлинь: тамъ я поневолѣ разсѣюсь, облѣнюсь, а на это у меня нѣтъ времени. Отправляю доктора Гребера и поспѣшу домой; вѣдь я не нуженъ въ Карлинь... Ахъ! Что вышло изъ Юліана? Бѣдный Юліанъ! Такое слабое и ни къ чему не способное созданіе!...

Въ такихъ размышленіяхъ Алексѣй не замѣтилъ, какъ пріѣхалъ въ мѣстечко, какъ пролетѣлъ среди мрака по грязнымъ улицамъ и остановился у воротъ небольшого дома, гдѣ квартировалъ давно знакомый ему докторъ Греберъ; ѣхавшій сзади за нимъ на одноколкѣ Самойло принялся стучать въ запертыя ворота; за ними въ одно мгновеніе сердито залаяла цѣлая стая собакъ, расбуженныхъ стукомъ. На востокъ едва начинало свѣтать; тучи покрывали все небо, и шелъ проливной дождь. Алексѣй терпѣливо ждалъ, пока отворять ворота либо калитку, но въ домикѣ всѣ спали точно убитые...

Наконецъ, на лѣстницѣ послышалось движеніе; какая-то фигура впотѣмахъ подошла къ калиткѣ. Алексѣй разглядѣлъ слугу въ полушубкѣ, который, ворча, впустилъ молодого человѣка.

— Докторъ дома?

— Дома, но онъ недавно пріѣхалъ!

Не пускаясь въ дальнѣйшіе разпросы, Алексѣй вбѣжалъ въ сѣни и приказалъ вести себя къ Греберу. Слуга нѣсколько минутъ и колебался, потому что, судя по маленькой бричкѣ и парѣ лошадеенокъ, ожидалъ не слишкомъ богатаго паціента, но услышавъ о Карлинѣ, немедленно отворилъ двери въ комнату, гдѣ спалъ докторъ.

Греберъ не скрывалъ, что происходилъ изъ рода израильскаго, такъ какъ совершенно отрекся отъ его вѣры, заблужденій и костюма. Крещеный и бритый, онъ ходилъ во фракѣ и ѣлъ ветчину, о шабашѣ забылъ; впрочемъ, натура явственно пробивалась въ немъ сквозь наружную оболочку христіанства, принятаго имъ только ради выгодъ. На самомъ дѣлѣ, Греберъ не имѣлъ никакой вѣры, хотя уважалъ всѣ; смѣтливый, чрезвычайно практическій и обходительный съ людьми, онъ умно пользовался своимъ искусствомъ и видѣлъ въ немъ только кусокъ хлѣба. Греберъ игралъ такую роль, какую слѣдовало играть, льстилъ и поблажалъ своимъ паціентамъ, но, выйдя за двери, смѣялся надъ ними. Умѣлъ трактовать о высокой важности своего призванія, о достоинствѣ и значеніи врача; но въ сущности руководствовался только расчетомъ и всѣми средствами наживалъ деньги. Хотя всѣ видѣли въ немъ склонность къ матеріализму и расчету, но Греберъ всетаки умѣлъ вездѣ найти себѣ приверженцевъ и всѣ уважали его. Во-первыхъ, ему везло счастье; во-

вторыхъ, при счастіи, хотя иногда не успѣвалъ поправиться, однако, никогда и никому не противорѣчилъ, всѣмъ позволялъ быть больными тѣмъ, чѣмъ хотѣли, употребляя впрочемъ лѣкарства по крайнему своему разумѣнію, былъ послушенъ и сговорчивъ и всегда такъ мило держалъ себя въ обществѣ, что нельзя было не любить его. Нравились ли кому шлюли—докторъ Греберъ хвалилъ ихъ болѣе всѣхъ прочихъ лѣкарствъ и приводилъ въ пользу ихъ сильныя доказательства; любителямъ порошковъ прописывалъ порошки; кто хотѣлъ микстуры, хвалилъ и назначалъ микстуру; если кто просилъ лѣчить гомеопатіей—у него была подъ руками гомеопатическая аптечка и множество доказательствъ въ пользу новой методы. Онъ не отвергалъ Приснитца, принималъ Лероа, хвалилъ Миняева, защищалъ Мориссона, позволялъ методу Распайла. Однимъ словомъ, лѣчилъ такъ, какъ угодно пациенту, даже лѣчилъ магнетизмомъ и простонародными средствами, оправдывая ихъ, въ случаѣ крайности, самымъ древнѣйшимъ преданіемъ. А какъ онъ былъ вѣжливъ, какъ скромнъ, какъ ласковъ! Человѣку безъ сердца, кажется, легче всего представляться чувствительнымъ; ничто не взволнуетъ его, ничто не переѣмнитъ спокойнаго расположенія, столь необходимаго для игры предположенной роли. Равнымъ образомъ слезы никогда не измѣняли голоса доктора Гребера у ложа умирающихъ: онъ всегда смѣялся и шутилъ, за четверть часа передъ кончиною утѣшалъ больного надеждами—и прямо отъ покойника шелъ завтракать, дабы подкрѣпить себя къ новой дѣятельности; ни одинъ пациентъ не могъ пожаловаться на суровое обхожденіе доктора; особенно онъ умѣлъ обходиться съ богачами, оказывая имъ столько заботливости и неусыпнаго вниманія, что ему прощали даже его акцентъ и слишкомъ израильскую фizioномію, повсемѣстно называя его добрымъ Греберомъ.

Добрый Греберъ былъ необыкновенно благоразуменъ. Онъ не былъ слишкомъ ученъ, но обладалъ такою ловкостью и умѣньемъ играть всевозможныя роли, что его принимали за того, кѣмъ онъ хотѣлъ казаться.

Одною изъ главныхъ методъ—выставить себя на показъ было у Гребера толковать о предметахъ чуждыхъ собесѣдникамъ; съ лѣкарями онъ никогда не говорилъ о медицинѣ, съ литераторами не рѣшался разсуждать о литературѣ и т. п. Онъ

каждую минуту произносилъ фразы, таинственно улыбался, сыпалъ тирады о недоступныхъ слушателямъ предметахъ и, натурально, возбуждалъ тѣмъ удивленіе и уваженіе къ себѣ. Съ товарищами жилъ въ неизмѣнномъ согласіи, во время консилиумовъ былъ крайне сговорчивъ, но, когда доктора расходились, то хвалилъ ихъ сквозь зубы и подъ большимъ секретомъ совѣтовалъ что-нибудь другое. Греберъ былъ человѣкъ чрезвычайно ловкій, и какъ это достоинство обыкновенно замѣняетъ многія другія и бываетъ выгоднѣе прочихъ, то ему хорошо было жить на свѣтѣ. Если-бы не происхожденіе, онъ уже давно бы составилъ себѣ блистательную партію; но такъ какъ онъ не думалъ жениться на бѣдной, то и жилъ до сихъ поръ надеждами и въ юношеской свободѣ, хотя ему было почти сорокъ лѣтъ.

Алексѣй нашелъ Гребера въ скромной кроваткѣ — скорчившагося и спавшаго очень сладко. Разбуженный, прежде чѣмъ узналъ, кого имѣетъ честь видѣть, докторъ нѣсколько разъ назвалъ себя «покорнѣйшимъ» и безъ счета насказалъ гостю «почтеннѣйшихъ». Узнавъ, наконецъ, пана Добрицкаго по голосу, онъ вдругъ сдѣлался небрежнѣе и началъ зѣвать, жалуясь на усталость и ослабленіе. Но, когда Алексѣй сказалъ, что его очень просятъ въ Карлинь, то, вскочивъ съ кровати и снимая ночн^са коша^к, Греберъ воскликнулъ:

— А, въ Карлинь, въ Карлинь! Ёду, сейчасъ ёду. Но кто тамъ боленъ? Развѣ вы знакомы съ ними?

— Я знаю только Юліана, моего товарища по университету. Кажется, старушка-мать его захворала.

— Мать?.. Но вѣдь она не живетъ тамъ.

— Ничего не знаю, кромѣ того только, что она теперь въ Карлинь и больна.

— Посылайте же за почтовыми лошадьми; сейчасъ ѣдемъ!

— Сю минуту. Но вы поѣдете одни... Я спѣшу домой.

Докторъ искося взглянулъ на Алексѣя.

— Гмъ, вы не хотите ѣхать въ Карлинь. Но... какъ хотите... Только я обязанъ сказать, что, если старуха больна, то болѣзнь можетъ быть опасною; я давно замѣчалъ въ ней болѣзненное предрасположеніе. Можетъ быть, тамъ нуженъ будетъ человѣкъ расторопный; панъ Юліанъ неспособенъ на подобныя вещи... Какъ другъ его...

— Вы хотите, чтобы я ѣхалъ?

— Нѣтъ, не хочу, но желалъ бы. Трудно предвидѣть, что случится тамъ. Можетъ быть, будутъ нуждаться въ посторонней помощи... Вѣдь вы другъ его?

Алексѣй растерялся и, охваченный ложнымъ стыдомъ, не смѣлъ признаться, что до сихъ поръ ни разу не бывалъ въ Карлинѣ; притомъ думалъ еще, что въ самомъ дѣлѣ можетъ быть нуженъ и полезенъ другу, и не сказалъ ни слова.

Пока докторъ одѣвался и пока готовили чай, безъ котораго онъ не хотѣлъ пуститься въ сырую погоду, Алексѣй сѣлъ на стулъ и, не обращая вниманія на Гребера, также не слишкомъ занимавшагося гостемъ, глубоко задумался. Уже давно не овладѣвали имъ столь грустные мысли; онъ чувствовалъ себя какъ будто наканунѣ какого-нибудь важнаго происшествія; ужасно волновался, упрекалъ себя за то, что для чужой матери забылъ свою и мучился мыслью, что уклонился отъ намѣченнаго плана жизни. Греберъ, одѣваясь, искоса посматривалъ на Алексѣя, но, несмотря на свою проницательность, ничего не могъ понять и приписалъ состояніе молодого человѣка утомленію.

— Пейте скорѣе чай и поѣдемъ! — проговорилъ онъ, наконецъ, зачесывая передъ зеркаломъ волосы и обливаясь какою-то благоуханною жидкостью. — Уже разсвѣтало, надо спѣшить...

Алексѣй проворно допилъ стаканъ, и почтовые лошади понесли ихъ стрѣлою...

V.

Карлинъ, древняя резиденція фамиліи Карлинскихъ, къ которой нѣкогда принадлежали огромныя удѣльныя имѣнія, составлявшія княжество, былъ наполненъ обросшими мохомъ и забытыми памятниками прошлаго. Въ этихъ краяхъ уже немного можно найти теперь подобнаго рода священныхъ развалинъ, живо напоминающихъ объ историческомъ быломъ. Изрѣдка встрѣтишь деревню, городокъ, либо могилу, названья которыхъ неизмѣнно повторялись въ исторіи. Большая часть древнихъ развалинъ и селеній относятся къ XVII и XVIII вѣкамъ; памятники XVI вѣка рѣдки, а XV еще рѣже. Памятники болѣе древнихъ временъ

уже исчезли, и лишь иногда находятъ въ пущахъ заросшіе лѣсомъ замки и могилы.

Но Карлинъ составлялъ въ этомъ отношеніи рѣдкое исключеніе по всему здѣшнему краю. Почему-то онъ былъ счастливѣе другихъ помѣстій; но такого счастья нельзя было приписать мѣстному положенію. Въ окрестностяхъ Карлина находилось множество городковъ и городищъ; но на ихъ мѣстѣ паслись теперь стада и росла только дикая трава, даже ни одного кирпича не осталось отъ нихъ; между тѣмъ, въ самомъ Карлинѣ бывшее отражалось еще очень явственно и во всемъ своемъ величіи.

Огромный замокъ, о которомъ упоминають лѣтописи и акты XV вѣка, какъ почти о древнемъ городѣ, лежалъ надъ рѣчкою, текущею по обширнымъ долинамъ, на холму, образовавшемся частію природою и частію человѣческими руками; его окружали прямоугольные валы съ слѣдами башенъ по угламъ. Въ серединѣ прямоугольника нѣкогда стоялъ одинъ замокъ; но отъ него остался только главный корпусъ съ двумя выдающимися на углахъ башнями, съ маленькими окнами, широкими воротами и двухъ-этажною крышею. Несмотря на то, что его поправляли въ XVI и XVII вѣкахъ, какъ показываютъ въ нѣкоторыхъ окнахъ столярныя рамы и балясы на балконахъ, замокъ сохранилъ на себѣ печать древнѣйшаго своего существованія. Даже XVIII вѣкъ, любившій передѣлывать все на свой вкусъ, не тронулъ дряхлаго старца. Къ замку пристроили только два крыла въ современномъ вкусѣ, да еще совершенно перестроили старыя въѣздныя ворота, отличавшіяся стилемъ царствованія Станислава, и выбросили изъ нихъ оружіе; кромѣ того, сломали подъемный мостъ и построили гранитный, а на мѣстѣ бойницъ, едва замѣтныхъ теперь по бокамъ, устроили галереи для музыки. Въ позднѣйшее время къ этимъ воротамъ прибавили другія мелкія украшенія, какъ-бы съ цѣлью обратить ихъ въ живописную развалину, и обсадили виргиніей, вьющимися растеніями, плющами и т. п. вмѣстѣ съ тѣмъ преобразовали и передній дворъ, разобравъ старую мостовую, засѣяли его травою, посрединѣ устроили цвѣточную клумбу, а въ лѣтнее время обставляли ее апельсинными и лимонными деревьями, дабы оживить эту сторону подворья, не имѣвшую ни деревъ, ни другой зелени.

Фасадъ этого аристократическаго, не слишкомъ хорошо отдѣ-

ланнаго, впрочемъ, содержимаго въ чистотѣ, замка, имѣлъ видъ хотя унылый, но великолѣпный; особенно красиво рисовался онъ на фонѣ густыхъ деревь, возвышавшихся надъ стѣнами и закрывавшихъ собою обрывистые берега рѣчки. Въ древнія времена тамъ росло только небольшое число липъ и пихтовыхъ деревь; потомъ въ XVII вѣкѣ устроены аллеи въ нѣсколько рядовъ уступами и большой итальянскій садъ; еще позднѣе сгустили его тополями разныхъ породъ и кустарниками, такъ что изъ него образовался, наконецъ, красивый англійскій садъ—очень обширный и замыкаемый съ одной стороны рѣчкою, опоясывавшею его неправильною линіей своего теченія, съ другой—дворовыми постройками, ручейками и дорогою. И здѣсь видно было нѣсколько поколѣній, садившихъ деревья для внуковъ, а возводившихъ зданія для себя; здѣсь находились: древней архитектуры башня, передѣланная въ бесѣдку, старинная кладовая, китайскій домикъ—памятникъ временъ владычества татаръ, и готическая часовня. Всѣ эти постройки, разбросанныя въ причудливомъ безпорядкѣ, значительно украшали и разнообразили густую зелень дремучаго парка, за которымъ находились теплицы.

Невдалекѣ отъ замка, до сихъ поръ такъ называемаго между простымъ народомъ, находилось бѣдное жидовское мѣстечко, проживавшее немногими ярмарками и проходившею чрезъ него большою дорогою. Главное украшеніе мѣстечка составляли: маленький деревянный костелъ, каменная церковь и пара постоянныхъ дворовъ, стоявшихъ близъ барскаго дома, въ которые, по воынскому обыкновенію, отсылались лошади гостей.

Карлинъ принадлежалъ къ числу мѣстностей, гдѣ во всей цѣлости сохранились преданія, еросшіяся съ матеріальными памятниками бывшихъ временъ. Такъ, одну изъ замковыхъ башенъ звали *Турецкою*, потому что ее строили плѣнники, другую—*Кастелянскою*; садовая башня называлась *Вылазкою*; на валахъ одинъ пригородокъ искони назывался *Вечевымъ*, другой *Княжескимъ*; въ саду одна липа извѣстна была подъ именемъ *Хозяйки*. Ключки земли и урочища напоминали такіе историческіе случаи, о которыхъ можно было заключить только изъ ихъ названій; надъ рѣкою въ болотѣ лежало городище; на холмѣ одинъ ключокъ поля звали *Туржицей*, старое кладбище на планахъ и у простонародья называлось *Пепельнымъ*.

Къ этому fundum, какъ видно изъ описей, принадлежало нѣкогда шестьдесятъ пять деревень, мѣстечко и обширѣйшіе лѣса; теперь едва осталось при немъ шесть деревень и упадающій Карлинъ. Судьба фамиліи владѣльцевъ была похожа на судьбы мѣстечка.

Въ древнія времена Карлинскіе отличались великими заслугами, произвели отважныхъ рыцарей, знаменитыхъ духовныхъ, мудрыхъ и краснорѣчивыхъ сановниковъ. Но значеніе этой фамиліи возросло посредствомъ связей и богатствомъ, когда слава ихъ разнеслась во всѣ концы и благородное преданіе умерло въ сердцахъ, искорененное чужеземщиною, тогда Карлинскіе начали умирать морально и матеріально и, наконецъ, обратились въ слабыхъ и безсильныхъ потомковъ. Въ царствованіе королей изъ Саксонскаго дома эта фамилія держала сторону Лещинскаго, потому что была съ нимъ въ родствѣ и, по окончаніи распрей по этому случаю, начала французѣть при Люневильскомъ дворѣ, воспитывая своихъ молодыхъ потомковъ въ Парижѣ и постепенно дѣлаясь въ полномъ смыслѣ чужеземною.

Всѣхъ молодыхъ Карлинскихъ посылали ко двору *благотворительнаго философа*, не замѣчая того, что долговременное пребываніе въ чужихъ краяхъ дѣлало ихъ, по возвращеніи на родину, совершенно неспособными къ обязанностямъ своего званія—и Карлинъ обратился, наконецъ, во французскую колонію, гдѣ жители тосковали о Франціи подъ роднымъ сѣвернымъ небомъ. Предавшись нѣгѣ и совершенно забывъ, что человѣкъ не можетъ и не долженъ жить для одного себя, Карлинскіе, подобно многимъ другимъ, стали проводить все время въ однихъ удовольствіяхъ, либо въ минуты бездѣйствія тосковали о томъ, что служило для нихъ забавою. Они совершенно забыли о своемъ предназначеніи и, сбившись одинъ разъ съ надлежащей дороги, уже не могли возвратиться на нее. Богъ давалъ имъ людей способныхъ, милыхъ, прекрасныхъ сердцемъ, но мало давалъ имъ *воли*—этого могучаго двигателя къ дѣятельности, безъ котораго даже гений не можетъ исполнѣ развиваться, и такимъ образомъ безплодно пропали у нихъ таланты, разумъ и сердце, растраченные на пустыя удовольствія. Въ домашней жизни они сохранили чистоту нравовъ, не унизились морально, подобно другимъ аристократамъ, и, вообще, отличались безукоризненно чест-

ностью, но ни одинъ изъ нихъ не чувствовалъ призванія къ общественной жизни, къ защитѣ отечества, къ великимъ жертвамъ, и, оправдываясь въ этомъ нерадѣніи то временами, то обстоятельствами, они упали съ той высоты, на какой стояли прежде. Супружества постепенно отняли у нихъ значительную часть имѣнія, другую часть потребили неразсчитливый избытокъ, остальное расхитили злые люди; такимъ образомъ, изъ огромныхъ помѣстій теперь существовали только бѣдные остатки, и надо было всѣми силами трудиться, чтобы добыть изъ нихъ средства къ содержанію.

Отецъ Юліана имѣлъ двухъ братьевъ; затѣмъ послѣ дѣда имѣнія опять раздѣлились на три части и окончательно измѣльчали. Онъ носилъ только титулъ короннаго хорунжича, потому что самъ не занималъ никакой должности и ни къ чему не былъ способенъ. Если-бы мы рѣшились положительно вѣрить въ характеристику родовъ, изображаемую геральдиками, то сказали бы, что главными чертами Карлинскихъ были: доброта сердца, снисходительность, нѣжность и какое-то равнодушіе къ судьбамъ своимъ. Карлинскіе любили забавы, пиры, свободную жизнь, особенно городскую, хорошій столъ, роскошь, женщинъ, и щегольство, а раемъ для нихъ была чужая страна, куда они всегда лѣзли съ радостною улыбкою и спѣшили въ изгнаніе, какъ-будто на балъ. Такимъ образомъ, и хорунжичъ большую часть жизни провелъ въ Парижѣ, Флоренціи, Дрезденѣ и Вѣнѣ. Всѣ любили и уважали его, потому что онъ былъ чрезвычайно милый человѣкъ; но, съ другой стороны, онъ былъ чуждъ всякой предпримчивости и, что хуже, даже не воображалъ себя способнымъ къ какому-либо предпріятію. Вслѣдствіе изнѣженности нѣсколькихъ предшествовавшихъ поколѣній, могучій родословный типъ въ немъ уже совершенно изгладился и преобразился въ существо слабое, нервическое, безсильное, не понимающее ни борьбы, ни трудовъ, ни самоотверженія для какой-нибудь высшей цѣли. Хорунжичъ не имѣлъ ни малѣйшей склонности ни къ верховой ѣздѣ, ни къ охотѣ, избѣгалъ необузданныхъ удовольствій, лѣчился часто, а хворалъ еще чаще. Но зато онъ былъ человѣкъ идеальнаго воспитанія и съ самымъ утонченнымъ вкусомъ, *homme comme il faut*, почитатель формы, вѣжливый, разборчивый, магнатъ по наружности и, хоть аристократъ,

умѣлъ такъ хорошо обходиться со всѣми, что никогда не наживалъ себѣ враговъ. Ему все прощали за нѣжность характера и милое обращеніе и, гдѣ ни являлся онъ, вездѣ былъ пріятнѣйшимъ гостемъ. Не надѣленный особенными способностями, съ умомъ довольно поверхностнымъ, хорунжичъ умѣлъ, впрочемъ, извлечь пользу изъ своихъ вояжей по свѣту и изъ собранныхъ въ разныхъ мѣстахъ зеренъ образовалъ въ себѣ непоражающую посторонняго глаза мудрость, взглядъ на вещи, ученость, религію, вообще все, что ему нужно было. Во всю жизнь свою онъ не произнесъ такого мнѣнія, которое могло бы разсердить, обидѣть, удивить или озадачить посторонняго; онъ одѣвался по модѣ и разсуждалъ также по модѣ; никакихъ новостей не выдумывалъ. Онъ не спѣшилъ жениться, потому что не чувствовалъ склонности къ женитьбѣ и никогда сильно не влюблялся, хотя очень любилъ женщинъ. И только въ тридцать лѣтъ ему пришло на мысль, что пора подумать о перемѣнѣ жизни, а можетъ быть еще братья напомнили ему объ этомъ и онъ рѣшился жениться. Ему стали сватать панну — единственную дочь родителей, прекрасную, какъ ангелъ, чрезвычайно богатую и отлично воспитанную. Это была дочь челоуѣка, который, занимаясь юриспруденціей, изъ бѣднаго шляхтича сдѣлался въ полномъ смыслѣ паномъ, и хотя былъ происхожденія вовсе не аристократическаго, но панна чрезвычайно понравилась хорунжичу, и въ скоромъ времени молодые были обвѣнчаны, несмотря даже на то, что панна, кажется, не слишкомъ охотно шла замужъ.

Взявъ свою прекрасную, но угрюмую Теклюню въ деревню, хорунжичъ совершенно утонулъ въ удовольствіяхъ новой жизни. Онъ употреблялъ всѣ усилія возбудить въ сердцѣ жены привязанность къ себѣ, потому что по мѣрѣ того, какъ убѣждался въ ея равнодушіи, самъ чувствовалъ себя болѣе и болѣе влюбленнымъ въ нее; но Теклюня, рукою которой распорядились безъ ея воли, ради имени Карлинскихъ, всегда оставалась мертвою статуей. Жизнь молодыхъ супруговъ была на видъ самая счастливейшая, но, въ сущности, рѣшительно не заключала въ себѣ удовольствій сердечнаго союза, проистекающихъ отъ постоянного сближенія двухъ существъ. Текля была набожна и добродѣтельна, знала свойства мужа и умѣла цѣнить ихъ; но въ ея жилахъ текла кровь самая живая, неисторченная, благородная, и текла

мощною струею; она питала отвращеніе къ ничтожному супругу, такъ какъ, пользуясь жизнью, онъ не умѣлъ жить, порицала его бездѣйствіе и сибаритство. Хорунжичъ былъ самымъ влюбленнымъ и чувствительнымъ супругомъ, но не умѣлъ расположить къ себѣ сердце молодой супруги. Трое дѣтей были благословеніемъ этого страннаго и тайными слезами облитаго союза: сынъ Эмилій, дочь Анна и младшій сынъ Юліанъ.

Сидѣемый внутренними страданіями и, какъ человѣкъ, любившій приличія, усиливаясь скрыть эти страданія отъ посторонняго глаза, хорунжичъ умеръ въ скоромъ времени, послѣ рожденія на свѣтъ Юліана. Вдова цѣлый годъ носила глубокій трауръ. Опекунами дѣтей ея назначены были два брата покойника: Аѳанасій и Павелъ Карлинскіе. Послѣдній, живя съ покойнымъ Яномъ въ большой дружбѣ, питалъ къ женѣ его особенную ненависть за то, что она будто отравила жизнь мужа. Равно и Аѳанасій также сурово обходился съ женою брата. Затѣмъ, оба они стали обнаруживать свои права на дѣтей брата, взяли въ свои руки его имѣніе, и постепенно дѣло дошло до ссоры между вдовою и опекунами.

Пани была еще молода и въ полномъ смыслѣ прекрасна. Большое имѣніе ея не только не упало, но, благодаря хорошему управленію, было даже улучшено. Братья покойнаго постоянно опасались, чтобы она не вышла опять замужъ, и безпрестанными намеками на это ускорили ея рѣшимость въ самомъ дѣлѣ выйти другой разъ замужъ.

Въ сосѣдствѣ явился нѣкто Дельріо, служившій прежде во французской арміи, а теперь отставной полковникъ русской службы. Въ молодыхъ лѣтахъ онъ выдывалъ панну Теклю въ Варшавѣ. Теперь они случайно вспомнили другъ друга и красивый, хотя уже немолодой, полковникъ, началъ часто гостить въ Карлинѣ. Замѣтивъ опасность, Карлинскіе стали дѣлать вдовѣ брата упреки, а она давала на нихъ довольно колкіе отвѣты.

Между тѣмъ, Дельріо серьезно влюбился во вдовушку; равнымъ образомъ и у бѣдной Текли, испытавшей въ прошедшемъ самую тяжелую жизнь, при воспоминаніи о молодости, также сильно забилося сердце. Надо полагать, что недовѣрчивые братья, своими отсовѣтываніями до такой степени взбѣсили ее, что, когда

полковникъ сдѣлалъ формальное предложеніе, она, нимало не думая, подала ему свою руку, дабы только сдѣлать наперекоръ братьямъ покойнаго мужа. Она не думала даже объ участи дѣтей, такъ какъ не считала къ нимъ большой привязанности и видѣла въ нихъ, главнымъ образомъ, только потомковъ ненавистнаго ей человѣка, насильно взявшаго ее замужъ, отравившаго ея молодость и отнявшаго у ней прекраснѣйшіе годы жизни.

Лишь только пробѣжала молва, что вдова выходитъ замужъ, опекуны малолѣтнихъ дѣтей прискакали къ ней съ упреками и угрозами, но нашли ее холодною, самостоятельною и неизмѣнною въ своей рѣшимости. Она равнодушно сказала опекунамъ, что въ самомъ дѣлѣ идетъ замужъ, а на угрозы, что отнимутъ у нея дѣтей, она прямо и охотно сама отказалась отъ нихъ.

— Я не имѣю ни достоинствъ, ни призванія воспитывать потомковъ столь знаменитаго рода, произнесла она съ улыбкою, — поэтому охотно вѣряю ихъ судьбу въ ваши руки. Хотя вы и не любите меня, однако, я увѣрена, что вы будете неусыпно заботиться о дѣтяхъ брата. Вы не замѣните имъ матери, но заступите мѣсто отца...

Съ такимъ же хладнокровіемъ вдова немедленно уступила въ пользу дѣтей половину своего имѣнія, оставляя другую для себя. Но напрасны были убѣжденія, просьбы, упреки и заклинанія обоихъ братьевъ, особенно Павла, многими чертами и свойствами похожаго на покойнаго Яна и потому-то, можетъ быть, тѣмъ менѣе пользовавшагося расположеніемъ вдовы. Она не возразила имъ ни одного слова, не спорила, а только пожала плечами, вышла въ другую комнату и, спустя восемь мѣсяцевъ по снятіи траура, обвѣнчалась съ полковникомъ Дельріо, въ присутствіи многихъ свидѣтелей.

Послѣ этого она немедленно отправилась съ мужемъ въ свое имѣніе, оставивъ дѣтей подъ опекой Павла, отказавшись даже и отъ дочери, которую панъ-президентъ не хотѣлъ отдать матери. Этотъ случай опять уменьшилъ имѣніе Карлинскихъ, но еще болѣе печально отразился на дѣтяхъ, оставленныхъ круглыми сиротами. Правда, дяди заботились о ихъ воспитаніи, выражали къ нимъ величайшую чувствительность и съ самою строгою осмотрительностью избирали людей, которые должны были окружать ихъ; но несмотря на все это, дѣти всегда оставались си-

ротами и всю жизнь должны были носить на себѣ печать прожитой среди чужихъ людей юности. Напрасно мы хвалимся братствомъ во Христѣ: на самомъ-то дѣлѣ мы едва двоюродные братья. Никто изъ насъ не умѣетъ любить такъ, какъ долженъ. Узы крови — чисто животныя узы; гораздо болѣе связываютъ насъ обязанности и союзы моральныя, и только послѣдніе еще поддерживаютъ свѣтъ отъ паденія и междоусобій. Панъ Павелъ въ самомъ дѣлѣ очень заботился о дѣтяхъ, для которыхъ сталъ вторымъ отцомъ; но, поставленный въ необходимость поручать ихъ по большей части чужимъ людямъ, онъ не нашелъ въ нихъ сердца, привязаннаго къ сиротамъ. Старыя няньки и сѣдые слуги любили дѣтей, но учителя, наставницы и всѣ обязанные влить въ нихъ умственное образованіе, служили только за деньги, а потому больше думали о себѣ и своей участи. Гувернеры влюблялись въ гувернантокъ, дядьки, скучая отъ своихъ обязанностей, забавлялись, ѣздили на прогулки, а дѣти росли безъ надлежащаго присмотра.

Богъ не попустилъ имъ испортиться, далъ другое направленіе, отвратилъ ихъ глаза отъ дурныхъ картинъ, которыя могли въ самой первой молодости привить къ нимъ страсти и возбудить безпокойство въ сердцахъ; притомъ дядя Павелъ неусыпно наблюдалъ за ними, а по-временамъ и панъ Аѳанасій, и, такимъ образомъ, сироты вышли изъ окружающей ихъ холодной атмосферы чистыми и неиспорченными, хотя мечтательными и грустными. Юліанъ, по окончаніи домашняго воспитанія, выдержалъ экзаменъ прямо въ университетъ, кончилъ тамъ курсъ и возвратился къ сестрѣ и брату, какъ глава семейства, потому что Эмилиі былъ существомъ, не только нуждавшимся въ безпрестанной опецѣ, но еще имѣвшимъ право только на состраданіе и слезы своего семейства.

VI.

Вдова искала въ новомъ супружествѣ удовольствій взаимной любви, отказалась отъ дома, отъ родныхъ и дѣтей въ той надеждѣ, что найдетъ сердце, что любимая идеальной любовью — она вознаградитъ себя за потерянную молодость. Первый разъ отозвавшееся чувство отуманило молодую женщину и даже изгла-

дѣло въ ней на время материнскій инстинктъ; съ дѣтскимъ легковѣріемъ она бросилась въ объятія человѣка, повидимому, выражавшаго ей истинную и глубокую привязанность, выѣхала изъ Карлина помолодѣвшею, свободною и, со слезами радости на глазахъ, представляла себѣ счастливую будущность, въ которой почти отчаявалась. Но на свѣтѣ нѣтъ ни одной надежды, которая бы не кончилась обманомъ. Впрочемъ, въ данномъ случаѣ надо было имѣть слѣпую, горячую, неутолимую жажу привязанности, чтобы прямо не замѣтить, что сердце ошиблось. Полковникъ Дельріо, гораздо старше вдовы, хотя еще красивый мужчина, уже не былъ юношей въ цвѣтѣ лѣтъ, съ сердцемъ свѣжимъ и способнымъ къ страстной любви; зато онъ сумѣлъ сыграть роль любовника съ искусствомъ стараго актера, прекрасно знающаго, гдѣ и какія употребить сценическія средства. Бывъ нѣкогда первѣйшимъ красавцемъ своего времени, полковникъ твердо помнилъ объ этомъ и всѣми мѣрами поддерживалъ остатки своей красоты. Путешествуя по свѣту, онъ испыталъ много любовныхъ интрижекъ, несомнѣнно вѣрилъ въ свое умѣнье покорять сердца и, подобно Рипелъе, считалъ себя въ этомъ отношеніи непобѣдимымъ. Натура, давъ Дельріо чрезвычайно красивое и съ меланхолическимъ выраженіемъ лицо, сдѣлала изъ него себѣ только игрушку, потому что оболстительная наружность его скрывала подъ собою недостатокъ образованія, холодъ сердца и самыя прозаическія наклонности. Полковникъ былъ человѣкъ хорошо воспитанный, но величайшій эгоистъ, добрый, но неспособный на жертвы, довольно кроткій, но лѣнивѣцъ, основывающій счастье лишь на спокойствіи, наслажденіи и достаткѣ. Онъ не имѣлъ никакихъ основныхъ правилъ и убѣжденій, служилъ силѣ, кланялся богатству, благоговѣлъ предъ красотою, дабы лестно привлечь ее къ себѣ; однимъ словомъ, онъ думалъ и заботился исключительно объ одномъ себѣ.

Никто съ достовѣрностью не зналъ о происхожденіи Дельріо, самъ онъ никогда не говорилъ о немъ, только всегда слишкомъ высоко цѣнилъ дворянство и родъ; а это, повидимому, доказывало, что и онъ обладаетъ подобными достоинствами. Сынъ счастья—Дельріо, съ саблею въ рукѣ, добился извѣстнаго положенія, титула, хорошей пенсіи и значенія, но, не имѣя самолюбія больше того, какое могло помѣститься въ немъ при дру-

гихъ требованіяхъ эгоизма, онъ не хотѣлъ идти выше. Первый сѣдой волосъ на вискахъ заставилъ его подумать объ упроченіи своей судьбы и осѣдлости на одномъ мѣстѣ. До знакомства съ женою покойнаго хорунжича, Дельріо проживалъ въ ближайшемъ уѣздномъ городѣ, въ нанятомъ домѣ; жилъ безбѣдно, давалъ вечера, бывалъ у сосѣдей, иногда ѣздилъ въ столицы и жилъ какъ человѣкъ свободный отъ всякихъ занятій и обязанностей и во всемъ угождающій самому себѣ. Посѣщавшіе его гости не обращали вниманія на прекрасную варшавянку, являвшуюся иногда за чаемъ, считая ее кузиною полковника или бѣдною воспитанницей. Но лишь только Дельріо сдѣлалъ предложеніе вдовѣ, варшавянка исчезла; говорили, что она вышла замужъ за мелкаго чиновника. Бѣдная вдова такъ печально провела жизнь съ первымъ мужемъ, старавшимся возбудить въ ней любовь, а между тѣмъ только сердившимъ ее и возбуждавшимъ одно лишь нерасположеніе къ себѣ, такъ жалѣла потерянныхъ лѣтъ молодости, что первый пламенный взглядъ полковника, первое ласковое съ его стороны слово и вздохъ—сразу плѣнили ее. Дельріо былъ слишкомъ опытенъ, чтобы не воспользоваться подобнымъ положеніемъ вещей; онъ понялъ чувства молодой вдовы, оцѣнилъ ея достоинства, а самое главное, сообразилъ ея состояніе и рѣшился покончить торгъ. Но, ясно замѣтивъ во вдовѣ склонность къ сантиментальности, онъ началъ съ искусствомъ играть роль влюбленнаго, и хотя уже успѣлъ забыть подобныя роли, однако при условіяхъ еще могъ постепенно припомнить главнѣйшіе ихъ секреты. Притомъ и вдовушка—еще красавица, влюбленная и слѣпо готовая на всѣ жертвы, могла разогрѣть даже самое ледяное сердце.

Она всецѣло отдалась чувству любви, съ жадностію спѣша насладиться ею. Очарованіе продолжалось короткое время. Любовь полковника оказалась очень похожею на любовь перваго мужа, его характеръ былъ совсѣмъ не такой, какого она ожидала, и въ скоромъ времени первая тайная слеза упала на печальное лицо полковницы. Вблизи Дельріо показался ей вполнѣ прозаическимъ и, при всей добротѣ своей, чрезвычайно холоднымъ. Многолѣтнія мечты представляли ей будущее счастье чѣмъ-то неземнымъ, очаровательнымъ, но любовь полковника, хотя онъ и не маскировался, была далеко не та, какой желала

вдовушка. При ближайшихъ сношеніяхъ, въ немъ рѣзко обнаружился эгоизмъ уже состарѣвшагося и не привыкшаго къ жертвамъ человѣка. Сначала полковница полагала, что она ошибается, а потому была снисходительна, ждала, надѣялась и выраженіями привязанности усиливалась пробудить въ немъ болѣе горячую взаимность. Увы! Человѣка не передѣлать; каждый даетъ только то, что имѣетъ; изъ порожняго сердца ничего почерпнуть нельзя. Дельріо былъ вѣжливъ, даже по-своему чувствителенъ и ласковъ; но онъ такъ скоро сдѣлался мужемъ и пересталъ быть любовникомъ! Вдова хорунжича больше всего желала имѣть въ немъ любовника и съ отчаяніемъ увидѣла свою ошибку, потому что на другой же день свадьбы онъ сталъ чувствительнѣйшимъ мужемъ, но, увы, только мужемъ... Вдобавокъ, искусственная его молодость и поддѣльная красота не выдержали сближенія и короткихъ сношеній; любовь не могла хорошо ужиться съ фланелями, пилюлями, разными профилактическими и гигиеническими средствами и лѣкарствами.

Открылись, но поздно, глаза обманутой женщины, и сердце матери обнаружило права свои. Казалось, она не любила дѣтей, когда жила вмѣстѣ съ ними; теперь же, удаленная отъ нихъ, она умирала съ тоски. Каждый день ей грезились Эмилій, Ануся, Юліанъ... Не видя ихъ передъ собою, она чувствовала пустоту, беспокоилась и, охладѣвъ отъ восторга, стыдилась равнодушія, холодности сердца и особенно безумія, съ какимъ покинула обязанности матери для воображаемыхъ наслажденій, вовсе неприличныхъ лѣтамъ ея.

Полковникъ всегда былъ самымъ чувствительнымъ и примѣрнымъ супругомъ; ни одна подозрительная кузина не показывалась въ его домѣ, самъ онъ безвыходно жилъ подъ своею кровлею, но страшно постарѣлъ и въ самое короткое время отцвѣлъ до такой степени, что какъ-то вдругъ сдѣлался дряхлымъ старцемъ. Затѣмъ, онъ уже не видѣлъ надобности болѣе разыгрывать свою трудную комедію. Бѣдная полковница не дала понять, какъ была она несчастлива и какъ упрекала себя за легкомысліе; напротивъ, она показывала видъ счастливой жены, хотя втайнѣ горько плакала, и сожалѣніе о дѣтяхъ съ каждымъ днемъ сильнѣе и болѣзненнѣе поражало ея сердце.

Можетъ быть, во всемъ мірѣ не было другой четы болѣе

противоположной своими характерами. Вдовушка имѣла настроеніе сантиментальное и голову, вскруженную чтеніемъ французскихъ романовъ; полковникъ, вслѣдствіе образа предшествовавшей жизни, былъ матеріалистъ и воспитаніемъ прикрывалъ только эгоизмъ, развившійся до огромнѣйшихъ размѣровъ. Пани Дельріо не нужно было много времени на то, чтобы понять подобныя свойства мужа и перестать надѣяться на счастье; прикованная къ новому дому обязанностями, она мыслями и сердцемъ ежеминутно улетала къ своимъ дѣтямъ.

Между тѣмъ, опекуны, поверхностно судя объ этой женщинѣ и считая ее вполне отступницею отъ родныхъ дѣтей, опасались ея вліянія на молодыхъ Карлинскихъ, и потому постепенно удаляли ее отъ всякаго участія въ ихъ воспитаніи. Бѣдная полковница чѣмъ меньше могла теперь быть матерью, тѣмъ пламеннѣе желала быть ею; съ этихъ поръ вся жизнь ея была непрерывною цѣпью материнскихъ желаній, безпокойствъ и недовольства своею судьбою. Съ мужемъ они жили, повидимому, прекрасно; однако съ каждымъ днемъ удалялись другъ отъ друга и становились холоднѣе. Полковникъ, замѣтивъ съ своей стороны, что жена какъ будто избѣгаетъ его, всецѣло предался заботливости о собственномъ здоровьѣ и объ удовольствіяхъ, которыя чрезвычайно любилъ. Живя на счетъ жены, онъ всегда выражалъ ей высокое уваженіе, но пересталъ представляться влюбленнымъ въ нее и началъ вести жизнь прозаическую, регулярную, расчетливую.

Всѣ эти удары и обманы, разстроивъ здоровье полковницы, явственно отразились на печальномъ лицѣ ея. Впрочемъ, пани Дельріо принадлежала къ разряду женщинъ, у которыхъ даже несчастье и горе не отнимаютъ красоты, данной природою. Несмотря на лѣта, она все еще оставалась прекрасною, только потеряла энергію, желаніе жизни и всѣхъ удовольствій. Ея уста, казалось, забыли улыбку; всегда задумчивая, она рвалась къ дѣтямъ и безпокоилась о нихъ; по крайней мѣрѣ, дочь хотѣлось бы ей имѣть при себѣ, но опекуны не хотѣли согласиться на это. Она изрѣдка навѣщала Карлинъ, нѣсколько времени сидѣла и плакала съ дѣтьми и немедленно возвращалась въ Лютковъ, лишь только являлся панъ Павелъ, а онъ аккуратно пріѣзжалъ черезъ день или два послѣ ея прибытія

въ Карлинѣ, потому что ему немедленно давали знать о пріѣздѣ полковницы.

VII.

Когда докторъ Греберъ и Алексѣй Дробицкій подъѣхали къ крыльцу Карлинскаго замка, хотя было уже не слишкомъ рано, тамъ, повидимому, всѣ спали, потому что еще нигдѣ не видно было признаковъ жизни; только одинъ слуга, поставленный Юліаномъ въ передней, немедленно ввелъ къ нему пріѣхавшихъ гостей. Первый разъ въ жизни, сверхъ чаянія, Алексѣй ощутилъ въ неизвѣстной ему сферѣ и почувствовалъ неизвѣстный страхъ, происходившій отъ самолюбія и опасности униженія. Важный старинный замокъ, множество слугъ, признаки барства и аристократизма, замѣтные почти на каждомъ шагу,—произвели непріятное впечатлѣніе на челоуѣка, привыкшаго къ равнымъ себѣ или даже къ низшимъ, съ которыми онъ былъ совершенно свободенъ. Еще на порогѣ Алексѣй пожалѣлъ, что рѣшился войти въ домъ, въ который, по собственному убѣжденію, онъ никогда не долженъ былъ входить. Но воротиться уже нельзя было: по лѣстницѣ, покрытой коврами, его ввели вмѣстѣ съ докторомъ въ бельэтажъ бокового крыла на полувину „пана графа“, какъ называли ее слуги.

Бѣдному шляхтичу, родившемуся и жившему подъ соломенной кровлею, все показалось здѣсь изумительнымъ и совершенно излишнимъ: и самое зданіе обширнѣйшихъ размѣровъ, и мраморныя лѣстницы, и разостланные по нимъ ковры, и украшенныя бронзою двери, и переднія, заставленныя цвѣтами, а больше всего — половина Юліана, устроенная со вкусомъ сибарита и прихотливостью щеголя. Окна этой части дома выходили въ садъ и пропускали немного свѣта. Старинные, но прекрасно сохранившіеся, обои, еще болѣе бросали тѣни на комнату, заставленную множествомъ дорогой мебели въ старинномъ и новѣйшемъ вкусѣ. Стѣны обвѣшены были картинами въ золоченыхъ рамахъ, фамильными портретами превосходной кисти, фламандскими и голландскими произведеніями искусства, старинными пейзажами, подобранными съ большимъ вкусомъ, огромными зеркалами, канделябрами и превосходными этажерками съ множествомъ дорогихъ и замѣчательныхъ рѣдкостей.

Изъ первой комнаты, составлявшей переднюю, гости вошли въ салонъ, котораго не постыдилась бы ни одна щеголиха: такъ онъ былъ свѣжъ и полонъ бездѣлушекъ, такъ превосходно драпированъ, ароматенъ и украшенъ самыми лучшими цвѣтами? Здѣсь Алексѣй еще болѣе почувствовалъ себя не на своемъ мѣстѣ, даже смѣшался при видѣ множества такихъ предметовъ, которыхъ не могъ опредѣлить ни цѣли, ни стоимости.

Въ ожиданіи хозяина, докторъ и Дробицкій сѣли въ кресла и Алексѣй, посидѣвъ одну минуту, почувствовалъ, что очень легко привыкнуть къ нимъ. Докторъ развалился безъ всякой церемоніи и, сознавая себя необходимымъ въ здѣшнемъ домѣ, казался болѣе смѣлымъ; притомъ, пышность для него не была новостью. Онъ уже собирался попросить сигару и чаю, какъ разбуженный Юліанъ, завязывая галстукъ, вбѣжалъ къ нимъ въ утреннемъ бархатномъ сюртукѣ, одѣтый чисто, но блѣдный и съ красными глазами. Онъ взглянулъ на Алексѣя и ему первому пожалъ руку, тихонько поблагодаривъ за пріѣздъ; потомъ немножко свысока и покровительственно поздоровался съ докторомъ, умѣвшимъ соблюсти свой тонъ и согласить его съ услужливою вѣжливостью.

— Очень благодаренъ вамъ, что потрудились пріѣхать, — сказалъ Юліанъ. — Вы по крайней мѣрѣ успокоите мамашу.

— А какъ чувствуетъ себя пани полковница?

— Вчера, какъ говорили мнѣ, у ней былъ сильный ударъ въ голову, потомъ небольшая лихорадка и жаръ, около полуночи она заснула, но безпокойно; моя сестра осталась въ ея комнатѣ. Лишь только мамаша проснется, я приказалъ дать знать о насъ. До сихъ поръ еще не могу опомниться отъ страха, какимъ поразила меня внезапная болѣзнь мамыши.

Юліанъ позвонилъ, немедленно вошелъ слуга въ прекрасной ливреѣ и получилъ приказаніе подавать чай. Алексѣй подумалъ, что уѣдетъ сейчасъ же послѣ чаю, такъ какъ онъ былъ здѣсь вовсе не нуженъ.

— Ты очень добръ, милый Алексѣй, что пріѣхалъ ко мнѣ! — произнесъ Юліанъ, обратясь къ нему. — Я боялся, чтобъ ты не проскакалъ прямо въ Жербы.

— Если-бы не я, вѣрно такъ бы и случилось, — отозвался докторъ, — но полагая, что полковница очень больна, я угово-

рилъ пана Дробицкаго въ подобныя минуты не отказывать намъ въ своей помощи. Вѣдь вы—одни.

— Благодаря Бога, мамашѣ не такъ дурно, сколько я могу понять,—перебилъ Юліанъ;—но товарищъ и хорошій другъ всегда пріятнѣйшій гость въ домѣ, особенно для меня, потому что я давно не видалъ его.

Докторъ, не пропуская безъ вниманія ни одного слова и желавшій притомъ узнать о связяхъ молодыхъ людей, спросилъ:

— Какъ такъ?..

— Да такъ, что любимый товарищъ, уже давно живя почти рядомъ со мною,—о чемъ я, впрочемъ, не зналъ,—ни одного разу не былъ въ Карлинѣ. Я непременно предупредилъ бы его, но мнѣ даже не приходило въ голову, чтобы для деревни онъ отрекся отъ юношескихъ надеждъ своихъ.

Греберъ взглянулъ на обоихъ друзей, хотѣлъ понять причину, почему они такъ долго не видались, но ничего не понималъ.

При видѣ всего окружающаго, Алексѣй окончательно потерялъ смѣлость и молчалъ. Юліанъ, отдохавшій въ корчмѣ, и Юліанъ—хозяинъ этого феодальнаго замка, представлялись ему далеко не похожими одинъ на другаго. Первый не отталкивалъ его, послѣдній уже возбуждалъ въ немъ какое-то инстинктивное опасеніе. Бѣдному шляхтичу нужно было время освоиться съ тѣмъ, что окружало его; онъ еще не понималъ здѣшней, новой для него жизни.

Наконецъ, подили чай, принесенный толпою лакеевъ на огромныхъ серебряныхъ подносахъ; всѣ приборы поданы были съ великолѣпіемъ и пунктуальностью дома, гдѣ нѣсколько вѣковъ на все существовали извѣстныя правила и преданія, даже на способъ рѣзанія хлѣба, поданнаго завернутымъ въ бѣлую салфетку. Здѣсь опять непонятный избытокъ поразилъ Алексѣя: столько находилось тутъ приборовъ неизвѣстныхъ ему по своей цѣли и употребленію, а между тѣмъ необходимыхъ для здѣшняго дома,—столько загадокъ для человѣка, понимавшаго только самый простой образъ жизни. Смѣшно сказать, но Алексѣй съ изумленіемъ смотрѣлъ на безчисленный подборъ бѣлаго хлѣба, булокъ, пирожныхъ, кренделей, ножей и ножичковъ, ложекъ и ложечекъ, блюдовъ и блюдецъ, маленькихъ и большихъ чашекъ и стакановъ, чайниковъ, молочниковъ. По его

мнѣнію, всѣхъ этихъ приборовъ было бы достаточно не для трехъ, а по крайней мѣрѣ для двадцати человѣкъ. Наконецъ, когда Юліанъ съ заботливостью спросилъ его: въ чемъ онъ хочетъ пить чай—въ стаканѣ, въ большой или маленькой чашкѣ? онъ разсмѣялся и сказалъ:

— Милый мой! ты забылъ, что говоришь со мною; я пью въ томъ, въ чемъ могу, и не привыкъ къ разборчивости... Дай мнѣ, какъ хочешь, для меня все равно.

Докторъ, желая показаться болѣе цивилизованнымъ въ сравненіи съ Дробицкимъ, попросилъ подать себѣ... стаканъ.

— А что будете пить?—съ улыбкою прибавилъ хозяинъ.

— Что хочешь, милый Юліанъ,—отвѣчалъ Алексѣй,—мнѣ ничто не вредитъ и все вкусно, а потому: что находится на полѣ сраженія, то и непріятель мой.

— Счастливецъ!—прошепталъ Юліанъ со вздохомъ.

— Мнѣ пожалуйста... чаю,—прибавилъ докторъ, не позволяя забыть о себѣ.

Сѣли за чай—и Алексѣй съ изумленіемъ смотрѣлъ на то, какъ старому товарищу его разогрѣвали кипяткомъ чашки, какъ принесли яйца въ смятку, какъ наблюдали, чтобы его чай ни минутой дольше не стоялъ на самоварѣ. Все это представлялось ему непостижимою роскошью испорченнаго нѣгою человѣка. Если-бы не было Гребера, можетъ быть даже Алексѣй попросилъ бы друга объяснить нѣкоторыя тайны гастрономіи, но присутствіе посторонняго человѣка удерживало его. Алексѣй сталъ разсматривать комнату и въ душѣ дивился, пышности, казавшейся на половинѣ мужчины совершенно излишнею, даже смѣшною. Онъ не завидовалъ Юліану, напротивъ, почти жалѣлъ его, потому что видимый избытокъ и изнѣженность считалъ въ нѣкоторомъ родѣ цѣпами и неволею.

Было почти десять часовъ. Разговоръ между гостями и хозяиномъ какъ-то не клеился; въ комнатѣ было тихо, Алексѣй сидѣлъ потупя голову. Но вдругъ шумъ и шелестъ женскаго платья пробудили его изъ задумчивости и почти испугали. Онъ поднялъ глаза и увидѣвъ передъ собою самое неожиданное явленіе—женщину чудной красоты, мгновенно вскочилъ съ кресла и сталъ почти окаменѣлый отъ изумленія и восторга. Легко догадаться, что это была Анна, сестра Юліана, пришедшая съ

извѣстіемъ о матери. Если-бы сходство по чертамъ лица не обнаруживало родства, то, по благородству и поэтичности этой фигуры, каждый назвалъ бы ее царицею здѣшняго замка.

Анна была однимъ годомъ старше брата, но по наружности казалась моложе его;—такъ нѣжно было выраженіе ея личика.

Черты лица Анны были фамилныя, свойственныя Карлинскимъ: глаза черные, носъ очень красивый, прямой, малѣйшій, а подъ нимъ печально улыбающіяся уста съ самымъ наивнымъ, почти дѣтскимъ выраженіемъ. Нѣсколько продолговатый овалъ лица, приводилъ на память древнія мадонны итальянской школы предъ Рафаэлевой эпохой; въ немъ недоставало красокъ, и только мраморная блѣдность покрывала его, но какъ чудно шла она къ лицу! Темные волосы не были, впрочемъ, черные, а каштановые, брови и рѣсницы—болѣе темнаго цвѣта, густые локоны какъ-будто склоняли отягченную головку къ плечу. Подобно Юліану, и она была существомъ, которое, казалось, отъ дуновенія вѣтра могло разсѣяться въ воздухъ; но то, что въ братѣ представлялось слабостью, въ сестрѣ составляло прелесть. У этой дѣвушки недоставало только крыльевъ, чтобы съ улыбкою улетѣть на небо, куда устремлены были ея тоскливые взоры.

Можетъ быть, сиротство, какое испытала Анна въ лѣтахъ составляющихъ границу между дѣтствомъ и молодостью,—сиротство странное, потому что, имѣя мать, она никогда не могла на долгое время прижаться къ родительскому сердцу,—сообщило ей выраженіе печали и покорности. Трудно было представить ее веселою, да она и никогда не была такою; но съ другой стороны, ея грусть не выражала земного огорченія съ воплями и презрѣніемъ къ жизни; это было нѣчто похожее на тоску о вѣчномъ отечествѣ, о свѣтломъ небѣ и бѣлыхъ ангелахъ,—это былъ типъ изгнанницы, осужденной на вѣчное жителство среди чужихъ и равнодушныхъ людей. Въ Аннѣ заключалось что-то до такой степени ангельски-чистое и возвышенное, что самый безнравственный человѣкъ не смѣлъ взглянуть на нее съ грѣшною мыслию: ея присутствіе проливало свѣтъ и теплоту на все окружающее; при ней каждый чувствовалъ себя лучше, возвышеннѣе, спокойнѣе, какъ-будто ангелъ на свѣтлыхъ крыльяхъ поднималъ его выше земли.

Анна не только была любима родными и слугами въ Карлинѣ, но располагала къ себѣ сердца всѣхъ и возбуждала уваженіе къ себѣ въ каждомъ случайно приблизившемся къ ней человѣкѣ. Созрѣвшая раньше времени и серьезная, она противъ своей воли управляла Юліаномъ, дядями, всѣмъ домомъ и отеклась отъ молодости собственно для обязанностей, исполняемыхъ охотно и самоотверженіемъ. Не знаю—думала-ли она когда-нибудь о себѣ и о будущемъ: ея счастье заключалось въ счастья другихъ, и если она и улыбалась иногда весело, то непременно для нихъ или съ ними.

Остановясь на порогѣ и, повидимому, не надѣясь найти у брата никого посторонняго, кромѣ доктора, Анна изумилась и сдѣлала шагъ назадъ, при видѣ совершенно незнакомаго человѣка, какимъ былъ Алексѣй, фамиліарно разговаривавшій съ ея братомъ. Прежде всего пришло ей на мысль, что это другой лѣкарь, приглашенный Юліаномъ, потому что она не могла иначе объяснить себѣ столь ранняго визита незнакомца и еще въ такомъ костюмѣ, въ какомъ ни одинъ мужчина не представлялся ей. Алексѣй одѣтъ былъ совершенно по дорожному, костюмъ очень шелъ ему къ лицу, и онъ еще лучше казался въ простой одеждѣ; впрочемъ, Анна въ первую минуту не замѣтила этого. Ее озадачила странность фигуры, хотя сильной и энергической, но на первый взглядъ поражавшей грубостью. Удивленная, она остановилась на порогѣ именно въ тотъ моментъ, когда Дробицкій, смѣшавшись отъ мысли, что представляется въ столь неприличномъ видѣ, вскочилъ съ мѣста и сталъ точно вкопанный, не зная что случилось съ нимъ, а только чувствуя, что какое-то неземное виденіе стоитъ предъ его изумленными взорами.

Юліанъ, замѣтивъ сестру, и докторъ, который издали увидѣлъ ее, проворно встали съ своихъ мѣстъ и побѣждали къ ней на встрѣчу, оставивъ Алексѣя одного и въ довольно непріятномъ положеніи. Впрочемъ, Карлинскій немедленно вспомнилъ о товарищѣ, шепнулъ что-то сестрѣ на ухо и представилъ его.

— Одинъ и, можетъ быть, даже единственный изъ друзей моихъ, товарищъ по университету... Алексѣй Дробицкій, милая Ануся!.. Мы обязаны ему искренней благодарностью, потому что онъ не только самъ ѣздилъ за паномъ Греберомъ, но, полагая,

что можетъ быть намъ полезенъ, даже рѣшился вмѣстѣ съ нимъ пріѣхать къ намъ въ Карлинъ. Впрочемъ, мы обязаны сдѣлать ему маленькій упрекъ за то, что, живя отъ насъ въ одной милѣ, онъ не давалъ знать о себѣ.

Анна поклонилась и немного покраснѣла, Алексѣй проговорилъ нѣсколько невнятныхъ словъ; и немедленно заговорили о полковницѣ.

— Проснулась мамаша?—спросилъ Юліанъ.

— Какъ чувствуетъ себя пани полковница?

— Кажется, сегодня ей лучше вчерашняго, но у нея очень болитъ голова,—отвѣчала Анна.—Она спрашивала пана Гребера... Можетъ быть, мы сейчасъ пойдемъ къ ней?..

— Пойдемте,—подтвердилъ Юліанъ.—А ты, милый Алексѣй, пока отдохни, возьми какую-нибудь книгу, я скоро вернусь сюда.

— Благодарю,—сказалъ Алексѣй.—Я болѣе не нуженъ здѣсь, а потому поспѣшу домой.

— Всѣмъ сердцемъ хотѣлось бы не пустить тебя.

— Оставайтесь,—прошептала Анна изъ вѣжливости.

Алексѣй поклонился.

— Необходимо ѣхать.

Сказавъ это и давъ доктору время выйти съ Анной изъ комнаты, Алексѣй простился съ Юліаномъ, проворно сбѣжалъ по лѣстницѣ и сѣлъ на стоявшую у крыльца бричку. Выѣхавъ за ворота, онъ вздохнулъ легче и почувствовалъ себя свободнѣе. Въ Карлинѣ первый разъ онъ испыталъ какое-то непріятное чувство, необъяснимую тяжесть и увидѣлъ себя въ прежнемъ свободномъ положеніи тогда только, когда проѣхалъ замковые ворота. Онъ смѣялся надъ собою, размышлялъ объ испытанномъ впечатлѣніи, обвинялъ себя въ глупости, но не могъ переменить своего взгляда на вещи. Почему эти стѣны, пышность, богатство, знатность, которыхъ онъ не имѣлъ причины ни бояться, ни уважать, эти люди, безъ которыхъ могъ обойтись,—произвели на него такое странное впечатлѣніе опасности, неволи, стѣсненія? Всегда отважный и прямой,—отчего здѣсь онъ чувствовалъ себя скованнымъ, слова замирали на устахъ, а въ сердцѣ пробуждалось невольное чувство боязливости. Почему здѣсь онъ не умѣлъ быть такъ-же развязнымъ

и откровеннымъ, какъ въ обращеніи со своими домашними и сосѣдями? Почему, будучи здѣсь сильнѣе всѣхъ характеромъ и волею, вслѣдствіе какого-то непонятнаго чувства, онъ признавалъ себя какъ-будто слабѣе всѣхъ?

Предоставимъ самому Алексію разрѣшить всѣ эти вопросы, глубоко занимающіе его во всю дорогу, а сами возвратимся въ Карлинъ.

Лицо Дробицкаго и вообще вся его фигура, исполненная энергіи, прямодушія, силы, при первомъ взгядѣ сильно поразили Анну. По привычкѣ видѣть всѣхъ послушными одной неизмѣнной формѣ, въ какую вылиты люди ея свѣта, она не поняла сразу молодого человѣка; напротивъ, испытала непріятное впечатлѣніе, найдя его совершенно непохожимъ на людей, считавшихся въ ея домѣ нормою приличія. Несмотря на высокій умъ свой, Анна въ первую минуту не могла побѣдить въ себѣ рожившагося чувства и призналась въ этомъ брату.

— Гдѣ ты, милый Юліанъ, выкопалъ такого оригинальнаго друга?—спросила она съ улыбкою.

— Онъ не понравился тебѣ, милая Ануся?

— Я такъ мала видѣла его, что еще не имѣю права судить о немъ; но, признаюсь, первое впечатлѣніе было не совсѣмъ выгодное; въ немъ есть что-то страшное... фізіономія такая рѣзкая... почти варварская.

Юліанъ разсмѣялся.

— Правда, моя милая, онъ рѣзко отличается отъ людей, посѣщающихъ домъ нашъ. Человѣкъ бѣдный, обязанный трудиться, былъ моимъ товарищемъ въ университетѣ, съ благороднѣйшею душою, золотымъ сердцемъ, съ огромными силами и энергіей. Онъ уже давно хозяйничаетъ въ Жербахъ и ни разу не былъ у насъ, потому что цѣнитъ свою независимость. Едва необходимою въ его услугъ я могъ убѣдить его пріѣхать сюда; онъ привезъ намъ доктора... самъ ѣздилъ за нимъ.

Анна обратила вниманіе на слова Юліана и сказала:

— О, какъ я благодарна ему!.. Должно быть, онъ человѣкъ добрый, хоть и представляется страннымъ въ своемъ деревенскомъ костюмѣ. Я не поняла—какой это гость у тебя... такъ извини, если я не такъ хорошо обошлась съ твоимъ другомъ; но я исправлю свою ошибку...

— Не думаю, милая Ануся, чтобы тебѣ удалось это; онъ не рѣшится больше пріѣхать къ намъ.

— Почему же? Вѣдь мы ничѣмъ не обидѣли его?

— Правда, но онъ немножко дикъ... боится, чтобы мы, празднующы, какъ говоритъ, онъ, не испортили его. Бѣднѣшка! Все семейство сидитъ у него на плечахъ; но при высшемъ умственномъ образованіи такая доля, конечно, слишкомъ тяжела для него.

— Такъ онъ—человѣкъ образованный?

— Съ такою головою, лучше которой я не знаю, милая Ануся. А какой характеръ, какое сердце, сколько твердости!

— Ахъ, очень жаль, что я такъ дурно поняла его.

— Это нисколько не удивляетъ меня,—возразилъ Юліанъ. Вы женщины, рѣдко отваживаетесь судить о человѣкѣ не по наружности, потому-то, можетъ быть, очень часто обманываетесь въ своихъ надеждахъ. Только одни не стоящіе уваженія люди заботятся о томъ, чтобы одѣваться благопристойно для посторонняго глаза.

Съ этими словами Юліанъ и Анна подошли къ комнатѣ матери; разговоръ и походка сдѣлались тише, они осторожно отворили двери спальни и вошли вмѣстѣ съ докторомъ.

Полковница сидѣла въ креслѣ и была довольно изысканно одѣта, потому что ждала Гребера: несмотря на свои лѣта, она не имѣла еще стважности показаться постороннему, не разодѣвшись. Она хорошо помнила, что была нѣкогда красавицей; даже и теперь еще слѣды прежней красоты оставались на ея лицѣ—немного блѣдномъ, изнуренномъ, можетъ быть, часто орошаемомъ слезами, но, несмотря на все это, усиливавшемся улыбаться.

Трудно было угадать, сколько ей лѣтъ, потому что она скрывала ихъ и была одарена одною изъ тѣхъ счастливыхъ фizioномій, которыя сохраняютъ свѣжесть и молодость, пока какое-нибудь ужасное потрясеніе въ нѣсколько часовъ не сдѣлаетъ ихъ старыми. Ея красивое лицо было въ полномъ смыслѣ прекрасно и носило на себѣ печать горячаго темперамента и пламенной мечтательности; большіе, черные глаза, немного увеличившіеся отъ болѣзни, чудно блистали среди пожелтѣвшаго и одноцвѣтнаго лица, озареннаго лихорадочнымъ, необыкновен-

нымъ, болѣзненнымъ румянцемъ. Лобъ у ней былъ бѣлый и высокій, носъ маленький—орлиный, губы стиснутыя и съ выраженіемъ гордости. Густой и темный локонъ едва серебрился кое-гдѣ сѣдинами, явившимися раньше времени, можетъ быть, въ минуты страданій и скорби. Ручка и ножка ея поражали полными и самыми правильными формами, еще нетронутыми „сѣвирю времени“, какъ выражались въ то время. Правда, она и много теряла при идеальной, дѣвической красотѣ Анны, но прелесть послѣдней была совершенно другого рода, чисто духовная, которую никакъ нельзя было сравнивать съ красотою полковницы.

Въ чертахъ матери, хотя не слишкомъ рѣзко, но отражалась вся жизнь ея, пробивались всѣ разочарованья и безпокойство — этотъ спутникъ еще неугасшихъ, но пораженныхъ отчаяніемъ, страстей чисто земнаго происхожденія.

Полковница сидѣла въ креслѣ, погруженная въ задумчивость и склонивъ голову на руки. При входѣ дѣтей, она подняла глаза и улыбнулась.

— Ахъ, Юліанъ, ты пріѣхалъ? Когда же это?

— Ночью, мамаша; я встрѣтился съ Самойломъ, ѣхавшимъ къ доктору и съ ночлега прямо поскакалъ сюда.

— Благодарю тебя, благодарю!—съ чувствомъ произнесла пани Дельрію.—Мнѣ такъ хотѣлось видѣть тебя... Надо ѣхать домой...

— Ужъ вы здоровы?

— Но Викторъ станетъ беспокоиться обо мнѣ. А вѣдь моя болѣзнь, не правда ли, пане докторъ, вовсе не опасна? Маленькая простуда...

— Сейчасъ увидимъ, — важно произнесъ докторъ, садясь близъ полковницы, — сейчасъ увидимъ.—И онъ осторожно взялъ ее бѣленькую ручку.

Во время изслѣдованія лицо доктора ничего не выражало. Онъ раздумывалъ о томъ — хочетъ ли въ теперешнюю минуту полковница быть больною или здоровою, потому что въ самомъ дѣлѣ большой слабости не замѣчалось въ ней, и Греберъ, по принятому правилу, хотѣлъ угадать мнѣніе объ этомъ самой пациентки. Не замѣтивъ ничего опаснаго, онъ заключилъ наконецъ, что слабость должна быть болѣе моральною, нежели

дѣйствительною болѣзною, а потому произнесъ, потрясая головою:

— Бхать не позволю; въ васъ есть небольшая горячка, надо отдохнуть... повременить... увидимъ... посмотрю хорошенько...

Лицо полковницы немного прояснилось. Греберъ, поймавъ это выраженіе, прибавилъ:

— Нельзя и думать объ отъѣздѣ; по крайней мѣрѣ недѣлю вамъ надо пробыть здѣсь.

— Мы пошлемъ за полковникомъ,—сказалъ Юліанъ.

— Только не пишите ему, что я больна, а будто меня задержали здѣсь дѣла... ваши нужды... Ануся... либо дяди... какъ придумаете лучше...

— Успокойтесь, мамаша.

Полковница вздохнула, Греберъ сморщился и приступилъ къ подробнѣйшему экзамену больной. Юліанъ и Анна пошептались о чемъ-то и вышли вмѣстѣ изъ комнаты матери.

VIII.

— Подойдемъ къ Эмилию,—сказала Анна брату въ корридорѣ.—Вся болѣзнь мамашаи происходитъ отъ вчерашняго свиданія съ нимъ. Ты знаешь, какое впечатлѣніе производитъ на мамашу этотъ несчастный. Кажется, и онъ нездоровъ; со вчерашняго дня я не видала его.

— Ступай одна,—отвѣчалъ Юліанъ.—Только ты имѣешь на него вліяніе, а я пойду отправить нарочнаго къ полковнику и потомъ приду къ вамъ.

Съ этими словами Юліанъ поцѣловалъ руку Анны и проворно пошелъ въ противоположную сторону, а сестра тихими шагами направилась въ самую отдаленную и расположенную въ самомъ углу часть замка.

Анна осторожно отворила обитыя сукномъ двери и тихо вошла въ прихожую, гдѣ на стулѣ дремалъ сѣдой старикъ въ очкахъ и со священной книгою въ рукѣ. По наружности въ немъ сейчасъ можно было узнать домашняго слугу, привязаннаго къ своимъ панамъ—точно къ родному семейству, съ безусловною готовностью посвящающаго имъ остатки жизни. Сѣдой,

сгорбленный, худощавый—Антоній Мязга, еще въ молодыхъ лѣтахъ взятый изъ деревни на службу въ барскомъ домѣ, сдѣлался какъ бы камнемъ и частицею замка, разстался съ роднымъ семействомъ и отказался отъ него для тѣхъ, кого полюбилъ вслѣдствіе многолѣтней привычки. Спокойное, мужественное, задумчивое лицо его было очень доброе. Увидя свою панну, старикъ проворно сложилъ книгу, улыбнулся, снялъ очки и поспѣшно отворилъ двери въ другую комнату. Анна вошла на ципочкахъ, но никого тамъ не было. Это жилище было такъ странно, что трудно было угадать, кто занималъ его; нѣсколько ширмъ, бутылочки съ лѣкарствами, печальныя принадлежности болѣзни и немощи,—вотъ все его украшеніе! Уже въ третьей комнатѣ Анна встрѣтила брата, сидѣвшаго въ креслѣ и обложеннаго подушками. За кресломъ стоялъ мальчикъ, съ участіемъ и внимательно слѣдившій за глазами больного.

При видѣ брата глаза Анны покрылись слезами, но она тотчасъ отерла ихъ и обратила къ больному принужденную улыбку.

По наружности нельзя было опредѣлить его возраста. Лицо Эмілія—похожее на черты Юліана и Анны—казалось почти дѣтскимъ, и ни одного волоска не росло на немъ, хотя онъ былъ старшимъ братомъ; только большіе голубые глаза, безъ опредѣленнаго выраженія, какъ-будто блуждающіе, но слезливые и полные чувствительности, сообщали жизнь этому существу. Густые свѣтлые волосы, упавая съ головы на плечи, закрывали собою низкій лобъ, около висковъ широкій и выпуклый. Губы, никогда не оживляемыя ни улыбкою радости, ни словомъ отъ сердца, потому что это былъ глухонѣмой отъ рожденія,—всегда полуоткрытыя—обнаруживали рядъ мелкихъ, острыхъ и блестящихъ зубовъ. При первомъ взглядѣ на этого человѣка, каждый видѣлъ въ немъ существо несчастное, обреченное на мучительную жизнь,—существо, къ которому люди питаютъ либо состраданіе, либо отвращеніе. Лишенный дара слова и слуха, Эмілій былъ, впрочемъ, сложенія нѣжнаго, чувствительный къ страданіямъ, раздражительный, а иногда безпокойный до такой степени, что домашніе опасались дурныхъ послѣдствій. Хотя ему было слишкомъ двадцать лѣтъ,—онъ былъ точно ребенокъ и, несмотря на заботливость сестры, матери и брата, даже при всѣхъ медицинскихъ пособіяхъ, не

обнаруживалъ ни физическихъ силъ, ни проблеска разсудка. Изъ всѣхъ окружающихъ онъ болѣе зналъ и слушался одну сестру. При видѣ ея, Эмилиѣ становился смиреннѣе, глядѣлъ на нее съ удовольствіемъ, когда она уходила, удерживалъ ее и рвался къ ней изъ кресла, къ которому навѣки приковала его немощь.

Одна Анна могла утѣшить несчастнаго, одну ее понималъ онъ—и при взглядѣ на нее, казалось, какая-то мысль на минуту отражалась въ глазахъ его. Если-бы Эмилиѣ имѣлъ силы и былъ только лишенъ слуха и дара слова, то, можетъ быть, этотъ ангелъ-сестра нашла бы возможность пробудить въ немъ спящую душу. Но несчастное существо рѣдко поднималось съ кровати и становилось на ноги; онъ постоянно боролся съ ужасною болѣзнію и послѣ припадковъ ея долгое время оставался неподвижнымъ и только дикимъ, звѣринымъ рычаньемъ поражалъ людей, надзиравшихъ за нимъ.

Когда Анна вошла въ комнату, Эмилиѣ, увидя любимую сестру, улыбнулся ей глазами, протянулъ руки, задрожалъ и началъ манить ее къ себѣ. Изъ устъ его вырвался ужасный звукъ, который могли слушать безъ содроганія только люди, уже привыкшіе къ нему. Анна подошла и тихо поцѣловала брата въ голову. Эмилиѣ закрылъ глаза, потомъ чрезъ минуту открылъ ихъ и улыбнулся, какъ-бы выражая тѣмъ благодарность Аннѣ.

Въ такомъ именно состояніи находился старшій членъ семейства Карлинскихъ! Неудивительно поэтому, что сердце матери каждый разъ обливалось кровью при видѣ сына, котораго хотѣла бы видѣть лучше въ могилѣ, нежели въ настоящемъ, почти животномъ состояніи. Старанія сестры, брата, добрыхъ слугъ, особенно Антонія Мязги, всецѣло посвятившаго себя Эмилию, никогда не покидали больного, но не приносили ему почти никакой пользы. Онъ жилъ, какимъ-то чудомъ переносилъ болѣзненные припадки, по временамъ приходилъ даже въ силы, развивался, и смерть не приближалась къ больному; напротивъ, всѣ доктора увѣряли, что онъ долго можетъ прожить въ такомъ состояніи. Братъ и сестра принуждены были неусыпно наблюдать за нимъ, и жизнь ихъ, прикованная къ этому безсмысленному существу, отравлялась ежедневною горечью.

Одна Анна никогда не жаловалась на свою тяжкую обязанность, исполняла ее даже съ восторгомъ и, по мѣрѣ возможности, освобождала Юліана отъ свиданія съ несчастнымъ, всегда огорчавшимъ его. Иногда по цѣлымъ часамъ Анна сидѣла у кровати Эмилиа, усиливаясь внушить ему понятія, которыя бы уладили жизнь его, и объясняя ему житейскій бытъ, окружающихъ людей и родное семейство. Но ея усилія были напрасны: Эмилий не оживалъ. Иногда какая-то искра загоралась въ глазахъ несчастнаго, онъ усиливался схватить и понять знаки, сообщаемые сестрою, но послѣ этихъ попытокъ въ немъ возникало только сильнѣйшее безпокойство и раздражительность. Эмилий зналъ и слушался немногихъ, а именно: старика Антонія, который такъ хорошо изучилъ своего панича, что не только понималъ каждый жестъ его, но заранѣе предвидѣлъ, что ему нужно; Анну, успокаивавшую его въ сильнѣйшихъ припадкахъ бѣшенства; Юліана — видимый предметъ его опасеній, и, наконецъ мать, производившую на него непріятное впечатлѣніе. Присутствіе послѣдней всегда усиливало страданія Эмилиа, потому что онъ не только не принималъ ласкъ матери, даже не позволялъ ей подойти къ себѣ, а это невыразимо огорчало несчастную женщину и почти всегда дѣлало ее больною.

Способности, отнятыя у этого больного существа, всею силою своею сосредоточивались въ чувствѣ зрѣнія и еще въ неизвѣстномъ намъ свойствѣ, называемомъ предчувствіемъ. Самымъ величайшимъ наслажденіемъ для Эмилиа было смотрѣть на природу, на небо, солнце и звѣзды. Вообще яркіе цвѣта и всѣ блестящія игрушки очень занимали его, а картины онъ любилъ до такой степени, что по цѣлымъ днямъ неподвижно всматривался въ нихъ. Предчувствіе, къ которому уже всѣ привыкли, развито было въ глухонѣмомъ до самой высочайшей степени. За нѣсколько минутъ передъ приходомъ Анны, голова его была обращена къ дверямъ, глаза сверкали и онъ улыбался. Если она хворала, Эмилий также страдалъ. Передъ визитомъ матери метался въ безпокойствѣ и, если могъ встать, то бѣжалъ и прятался по угламъ. Такимъ же образомъ больной предчувствовалъ все, что могло случиться съ нимъ, и никто не удивлялся этому странному свойству, замѣнявшему въ немъ всѣ другія способности.

Эмили́й былъ слишкомъ чувствителенъ къ явленіямъ природы: тревожился передъ бурей, во время хорошей погоды былъ веселѣе, метался, когда на дворѣ вылъ страшный вѣтеръ и бушевала вьюга. Зима составляла для Эмили́я самый трудный періодъ времени; лѣтомъ онъ любилъ жить болѣе на открытомъ воздухѣ, смѣялся и прыгалъ, какъ звѣрь, когда его выводили изъ комнатъ. Старикъ Антоній и младшій его помощникъ обыкновенно выходили вмѣстѣ съ глухонѣмымъ въ паркъ и тамъ въ уединенномъ мѣстѣ, подъ тѣнью и среди цвѣтовъ, просиживали съ нимъ цѣлые дни. Заглядѣвъшисъ на небо, слѣдя глазами за облаками и улыбаясь имъ, Эмили́й забывалъ все, и въ такое время трудно было опять заманить его домой, особенно, если онъ дожидался восхода луны, такъ какъ съ особенною страстью слѣдилъ за нею по небу, сердился на тучи, заслонявшія ее, рвался къ ней и протягивалъ руки.

Вотъ въ какомъ состояніи находился старшій членъ семейства Карлинскихъ! Теперь легко понять—какимъ трауромъ покрывалъ онъ весь домъ, гдѣ болѣзнь несчастнаго служила для всѣхъ всегдашнею картиною и заботою.

IX.

Пока въ Карлинѣ со всею заботливостью ухаживали за больною, пораженною вчерашнимъ впечатлѣніемъ, Алексѣй спѣшилъ въ Жербы и сидѣлъ на своей бричкѣ въ глубокой задумчивости, досадуя на себя за то, что рѣшился прервать однообразный ходъ своихъ занятій, съ которыми желалъ сродниться навсегда, и недовольный сегодняшнимъ визитомъ, подобно необыкновенному сну, бродившему въ его головѣ. Достатокъ Карлинскихъ далъ ему понять собственную бѣдность; ихъ общественное положеніе еще рѣзче показало, какъ онъ ничтоженъ. Гордость запрещала бѣдному шляхтичу брататься съ Юліаномъ, а между тѣмъ сердце такъ сильно влекло къ нему. Алексѣю стало грустно... такъ грустно, какъ не бывало никогда въ жизни. Всѣ желанія молодости, подавленные трудами и силою воли, вдругъ поднялись въ душѣ. Но вотъ Жербы, соломенная крыша, вотъ тяжкая дѣйствительность!... Алексѣй встрепенулся, вспомнилъ о своихъ обязанностяхъ и успокоился.

Пустое, повидимому, обстоятельство также содѣйствовало пробужденію Алексѣя отъ описанной мечтательности. Ъхавшій съ нимъ Парфень, по мѣрѣ приближенія къ дому, веселѣлъ, улыбался и поминутно говорилъ съ самимъ собою, не имѣя силъ скрыть своихъ чувствъ, такъ что успѣлъ развлечь и своего пана. Онъ жилъ съ Алексѣемъ на степени приличной короткости; панъ никогда не запрещалъ ему быть человѣкомъ и громко выражать свои мысли. Поэтому, увидя Жербы и погнавъ скорѣе лошадокъ, Парфень, противъ воли, далъ Дробицкому наставленіе, высказывая свое мнѣніе о Карлинѣ.

— Вотъ и наши Жербы! — воскликнулъ онъ. — Ну, слава Богу! Вѣдь нигдѣ такъ не хорошо, пане, какъ дома. Гмъ, мнѣ тамъ не понравилось.

— Почему же не понравилось?

— А почему я знаю? — возразилъ Парфень, пожавъ плечами. — Однимъ словомъ — у насъ лучше! Тамъ страхъ — какіе знатные паны и, сказываютъ, они добрые паны, да не видятъ и не знаютъ людей своихъ; къ нимъ нѣтъ доступу... Я самъ говорилъ съ однимъ деревенскимъ старостой; бѣдняга уже трое сутокъ стоитъ у воротъ, чтобы увидѣть пана и поговорить съ нимъ. Ну, какого же добьется онъ толку? Панъ, навѣрное, отошлетъ его къ комиссару, комиссаръ отправитъ къ эконому, на котораго онъ пришелъ жаловаться. А ужъ лакей-то, лакей! Въ тысячу разъ хуже пановъ — недавно снялъ съ себя сѣрый армякъ, а ужъ корчитъ изъ себя особу и задираетъ носъ выше пана. У насъ панскій домъ и деревня—одно; а здѣсь, въ замкѣ, другой народъ, ни поговорить съ ними, ни пожаловаться... Нѣтъ! По мнѣ, Жербы наши лучше.

Алексѣй не сказалъ ни слова, но онъ глубже самого Парфена понялъ слова человѣка, не умѣвшего хорошенько объяснить свое впечатлѣніе. Въ самомъ дѣлѣ, между великолѣпнымъ замкомъ и деревнею съ людьми, между паномъ и даже шляхтою не было ни малѣйшей связи, никакой симпатіи, ни одного патріархальнаго узла, соединяющаго ихъ. Семейство Карлинскихъ предстало теперь глазамъ Алексѣя въ истинномъ видѣ, въ одиночествѣ, на которое обрекли его обычаи, чужеземщина, болѣзненная и мертвенная цивилизація, основывающая свою возвышенность на разрывѣ съ окружающимъ ее свѣтомъ.

Эти люди были добровольно уединенными отшельниками среди народа, составляли касту, сосредоточенную въ своемъ собственномъ кругу, чуждую всему, что дѣлалось вокругъ ней, и ведущую иной образъ жизни. А между тѣмъ эти аристократы возстали и выросли изъ нѣдръ того-же самаго народа, хотя теперь далеко разошлись съ нимъ на перекрестныхъ путяхъ жизни. Они были предводителями, наставниками, представителями потребностей, мыслью, умомъ и правою рукою собратіи, отъ которыхъ постепенно отвернулись. Вотъ причина страннаго и фальшиваго положенія, безпрестанныхъ ссоръ и непріязненныхъ чувствъ, выражаемыхъ аристократами! Подобно больному человѣку, общество инстинктивно колеблется, если хотя одинъ изъ его органовъ отказывается отъ исполненія обязанностей, требуемыхъ натуральнымъ его положеніемъ, если человѣкъ отвергаетъ собрата, считая его чужимъ.

Чувство зависти, невольно овладѣвшее сердцемъ Алексѣя, теперь обратилось въ состраданіе. Сравнивъ положеніе Карлинскихъ со своимъ, Дробицкій понялъ, что онъ составлялъ живую часть общества, тогда какъ тѣ были мертвымъ его органомъ. Ему пришли на память печальное лицо Юліана, его болѣзненная боязливость, все, сказанное имъ о своемъ положеніи,—и бѣдный шляхтичъ съ улыбкою встрѣтилъ свой домикъ, показавшійся сквозь зеленныя вѣтви.

Жербы граничили съ землями Карлинскихъ; даже эта деревня, кажется, принадлежала нѣкогда фамиліи Карлинскихъ, но купленная небогатымъ шляхтичемъ въ послѣдствіи раздѣлилась на нѣсколько частей. На двадцать крестьянскихъ избъ здѣсь было шесть владѣльцевъ, и самымъ бѣднѣйшимъ изъ нихъ былъ Алексѣй со своимъ семействомъ.

Дробицкіе имѣли только три семьи крестьянъ, или, выражаясь оффиціальнымъ языкомъ, пятнадцать душъ; къ этому—часть поля, по тридцати морговъ на каждый засѣвъ, клочекъ хорошаго сѣнокоса, немножко лѣса, небольшая частица въ общей арендѣ и мельницѣ, и самый старый домъ во всей деревнѣ, отбѣненный свойственною своимъ лѣтамъ важностью. Въ такомъ маленькомъ имѣньи Алексѣй долженъ былъ жить съ матерью и тремя младшими братьями. Впрочемъ, распорядительный и трудолюбивый молодой человѣкъ такъ хорошо велъ

свое хозяйство, а мать со своей стороны была такъ бережлива и экономна, что у нихъ никогда не было недостатка въ хлѣбѣ и, что удивительнѣе, они вовсе не знали ни долговъ, ни недоимокъ казнѣ. Сосѣди — гораздо богаче крестьянами и землею — съ завистью смотрѣли на достатокъ Дробицкихъ и, не желая назвать себя плохими распорядителями, всегда приписывали это какимъ-нибудь счастливымъ обстоятельствамъ. Наконецъ, всѣ единогласно рѣшили, что Алексѣй имѣлъ лучший участокъ земли, что его часть, примыкавшая къ старому дому, лежала на лучшей мѣстности, и даже хотѣли скупить ее; но Дробицкіе не думали продавать земли своей. Впрочемъ, одинъ изъ сосѣдей вывелъ всѣхъ изъ заблужденія: его участокъ земли считался самымъ неурожайнымъ, почти никакихъ не приносилъ доходовъ; такъ какъ у него находилось большое количество земли за нѣсколько миль, то онъ отдалъ свой участокъ въ аренду Алексѣю. Послѣдній, нѣсколько лѣтъ пользуясь этою землею, показалъ изумленнымъ сосѣдямъ, что гораздо болѣе значить умѣнье воздѣлывать землю, нежели самая земля. Лежавшія на отлогостяхъ поля стали приносить хорошій урожай, шляхтичъ разлакомился на это и взялъ землю назадъ, но на другой же годъ, ничего не получивъ съ нея, опять возвратилъ ее Алексѣю. Не желая отдать ему должной справедливости, всѣ сказали ему въ одинъ голосъ: „Панъ Алексѣй счастливъ!“ — Такъ Дробицкій и остался со своимъ счастьемъ, тогда какъ достигалъ его исключительно трудолюбіемъ и умѣньемъ вести хозяйство. Что онъ ни предпринималъ, онъ никогда не дѣлалъ на авось или на удачу, а съ оглядкою и знаніемъ дѣла, не жалѣлъ себя, не полагался на другихъ, не боялся трудностей, не отставалъ отъ своей рѣшимости, и хотя многіе завидовали ему, однако, никто не былъ врагомъ, потому что за непріязнь Алексѣй умѣлъ платить добромъ и такимъ образомъ обезоруживалъ своихъ недоброжелателей.

Старый домъ, занимаемый Дробицкими, стоялъ въ концѣ деревни; принадлежавшія къ нему три крестьянскія избышки стояли близъ него черезъ улицу. Его окружали садъ и удобныя, хотя немного состарѣвшіяся пристройки. Алексѣй не имѣлъ средствъ построить новыхъ, но умѣлъ поддерживать старыя. Самый домъ былъ, вѣроятно, столѣтнимъ зданіемъ, но съ са-

мага начала построенный изъ хорошаго лѣсу, крѣпко еще держался, постепенно осѣдая въ землю. Высокая кровля, крыльцо съ четырьмя столбами, высокія, но узкія окна, придавали ему важную старосвѣтскую фізіономію, а окружающія деревья со всѣхъ сторонъ заслоняли его отъ любопытныхъ взоровъ. Передъ нимъ лежали довольно обширный дворъ съ самымъ лучшимъ въ деревнѣ колодезѣмъ, маленькій флигель, конюшни, погребъ и другія хозяйственныя пристройки. Принадлежавшія къ этому дому изгороди вездѣ были крѣпкія, нигдѣ не замѣчалось слѣдовъ разрушенія, пустоты, развалинъ и безпорядка. Вездѣ видна была хорошая рука хозяина. Зато, въ свою очередь, здѣсь ни въ чемъ не выражалось желанья блеснуть красотою, услаждать глаза, потому что въ Жербахъ не было времени на подобныя прихоти. На серединѣ двора, у колодца, стояли жолоба для поенія скота, отъ старой липы до колодезнаго очена висѣла веревка для сушенія бѣлья, на изгородяхъ навѣшены были кринки и горшки, на крыльцѣ стояли забытыя корыта и ведра. Старосвѣтскія ворота покрыты были соломой, самый домъ обшитъ снопами, хоть имѣлъ прежде гонтовую кровлю, а въ сѣнныхъ окнахъ довольно выбитыхъ и некрасиво заштукатуренныхъ стеколъ. Фламандскому пейзажисту, можетъ быть, очень понравился бы этотъ домикъ, съ множествомъ живописныхъ и счастливо сгруппированныхъ частныхъ, оживленный домашними птицами, мелкимъ и крупнымъ скотомъ и лошадьми, заслоненный со всѣхъ сторонъ деревьями и полевыми цвѣтами; но человѣкъ, привыкшій къ пышности другого свѣта, свѣта забавъ и праздности, съ омерзеньемъ отворотилъ бы глаза свои отъ этой шумной усадьбы, куда съ большимъ трудомъ могла въѣхать большая повозка, запряженная четвернею или тройкою.

Подъѣзжая къ дому, Алексѣй выскочилъ изъ брички и забѣжалъ въ хату Тивона узнать, что дѣлается въ полѣ. Между тѣмъ, Парфенъ побѣжалъ въ конюшню, потому что ему нужно было скорѣе попасть домой. Увидя лошадей на переднемъ дворѣ, Дробицкая проворно вышла на крыльцо узнать о сынѣ, потому что уже беспокоилась о немъ. Вслѣдъ за нею высыпали младшіе сыновья, слуги, и немедленно раздалися нетерпѣливые голоса:

— А гдѣ паничъ? Гдѣ Алексѣй?

Почти въ ту-же минуту хозяинъ, не заставъ Тивона дома, вбѣжалъ въ ворота и показался на дворѣ. Братья, мать и старый Курта—толпою вышли на встрѣчу, съ выраженіями безпокойства и радости.

— Гдѣ ты былъ такъ долго?—спросила Дробицкая.

— Сейчасъ, сейчасъ расскажу, гдѣ былъ и что задержало меня,—отвѣчалъ молодой человѣкъ, цѣлуя руку матери, обнимая братьевъ и здороваясь съ собакой, которая распахивала всѣхъ, требуя своей доли.

Дробицкая, мать Алексѣя, была женщина уже немолодая, довольно обыкновенная и некрасивая по наружности; труды и горести совершенно изгладили красоту, какую могла она имѣть въ молодости. На загорѣломъ и морщинистомъ лицѣ ея рисовались только энергія и душевная сила. Это былъ одинъ изъ множества типовъ, которые сразу не говорятъ ничего, въ которые нужно внимательно всмотрѣться, чтобы прочесть въ нихъ характеръ, которыхъ черты забываются легко, но цѣлое навсегда остается въ памяти. Испещренные сѣдинами волосы окружали желтые и морщинистые щеки, въ большихъ и темныхъ глазахъ выражались быстрота и разумъ; вообще вся наружность казалась болѣе суровою, нежели милою, но губы и полное доброты ихъ выраженіе нѣсколько смягчали черты, отънесенныя печалью и вмѣстѣ какою-то важностью. При первомъ взглядѣ она не привлекала къ себѣ, даже не старалась быть милою; но, узнавъ ее короче, каждый видѣлъ, что можетъ разсчитывать на ея сердце. Она не была чувствительна, но умѣла чувствовать глубоко. Подобно всѣмъ бѣднякамъ, живущимъ въ постоянной борьбѣ съ судьбой и людьми, она не вдругъ вѣрила: первымъ ея чувствомъ были недоувѣрчивость и опасеніе; но, если подобное впечатлѣніе было подавлено одинъ разъ, тогда ея сердце растворялось дѣятельною и великою христіанскою любовью.

Чтобы оцѣнить эту женщину, необходимо было ближе знать и каждый день видѣть ее; незнакомые люди большею частью ошибались въ ней.

Въ ежедневной жизни Дробицкая была, главнымъ образомъ, мать семейства и хозяйка, иногда слишкомъ суровая и стро-

гая, но умѣвшая идти прямо къ цѣли, потому что ясно и вѣрно видѣла ее. Крикливая, говорунья, не умѣвшая льстить никому, она своею искренностью нерѣдко наживала себѣ враговъ, хотя слова ея шли прямо изъ сердца. Испытавъ обиду сама, она смѣялась и, не помня зла, всегда готова была подать врагу руку помощи, но въ то же время безъ церемоніи говорила ему въ глаза горькую правду. Дѣти боялись и вмѣстѣ любили ее. Въ числѣ ихъ сердце Дробицкой отличало одного Алексѣя, потому что она основывала на немъ будущность прочихъ дѣтей своихъ. Впрочемъ, если и старшій сынъ, по ея мнѣнію, допускалъ ошибку, она не колебалась высказывать ему свои мысли, вовсе не думая надъ выраженіями, въ которыя облакала свое наставленіе.

Три брата Алексѣя, изъ которыхъ старшій окончилъ курсъ въ училищѣ, а младшій только начиналъ учиться, мальчики рослые и воспитанные въ строгости, были очень похожи ни него и другъ на друга. Не отличаясь ни наружною красотою, ни стройностью фигуръ своихъ, они были крѣпкаго сложенія, здоровые, веселые, а въ глазахъ ихъ отражались быстрая понятливость.

— Ну, говори же, Алексѣй, гдѣ ты гостилъ такъ долго? — воскликнула Дробицкая. — Еще вчера я ждала тебя. Хотя дождь лилъ точно изъ ведра, но вѣдь ты не лежебокъ какой-нибудь и не испугаешься, если немножко воды попадетъ тебѣ за воротъ. А тутъ безъ тебя принялись разставлять конны; не знаю, что теперь тамъ и дѣлаютъ; да и пшеница-то, пожалуй, пропадетъ, если очень перезрѣетъ.

— Сейчасъ, сію минуту, матушка, — сказалъ Алексѣй. — Ужъ я заходилъ къ Тивону, велѣлъ осѣдлать лошадь и поѣду въ поле. Слишкомъ опасаться нечего — кажется, будетъ хорошая погода.

— Вѣрь ты этой погодѣ! По моему, гораздо лучше, когда пшеница лежитъ въ амбарѣ... это вѣрнѣе... Такъ что же задержало тебя?

— Во-первыхъ, ярмарка, — отвѣчалъ Алексѣй, входя въ домъ, — потомъ...

— Ну, что потомъ — подхватила мать.

— Странный случай!

— Случай! — повторили братья и мать, обступая Алексѣя, — случай?

— Не знаю, какъ вѣрнѣе сказать... пожалуй --- хоть встрѣча... Къ вечеру я заѣхалъ въ корчму на большой дорогѣ, чтобы покормить лошадей и, несмотря на проливной дождь, мы съ Парфеномъ хотѣли ѣхать дальше, какъ вдругъ пріѣхалъ туда же мой старый знакомый и товарищъ по университету — панъ Юліанъ Карлинскій.

— Карлинскій! — вскрикнула мать, — изъ Карлина? Въ самомъ дѣлѣ? Ну, чтожъ дальше?

— Натуральное дѣло, когда мы узнали другъ друга, онъ не хотѣлъ пустить меня и я долженъ былъ ночевать съ нимъ. Между тѣмъ, пріѣхалъ посланецъ съ извѣстіемъ, что его мать...

— Полковница?

— Да, пани Дельріо, занемогла; я поѣхалъ за докторомъ Греберомъ, свезъ его въ Карлинъ и теперь возвращаюсь прямо оттуда.

Мать пристально посмотрѣла въ глаза сыну, невольно вспыхнувшему, и покачала головою.

— Вотъ тебѣ и разъ — воскликнула она, пожимая плечами. — Теперь попали мы въ ловушку, хоть долго бѣжали отъ нея. Напрасно я совѣтовала тебѣ не знакомиться съ тѣмъ паничемъ и не вспоминать старой дружбы, — судьба хотѣла иначе... Чтожъ дѣлать! Но это огорчаетъ меня. Вѣрно онъ былъ вѣжливъ, увлекъ твое сердце; вотъ и пойдетъ теперь дружба съ замкомъ, а для насъ — бѣдной шляхты это очень вредно.

— Милая маменька! — произнесъ Алексѣй, немного тронутый упреками матери, — могъ ли я поступить иначе, имѣлъ ли право бѣжать прочь или отвѣчать равнодушіемъ, если онъ оказываетъ мнѣ искреннее расположеніе?

— А на что тебѣ это панское расположеніе? — сердито сказала Дробицкая, — на что? Для чего? Оно только разстроитъ тебя, поведетъ къ лишнимъ издержкамъ, ты привыкнешь къ бездѣлью, будешь то - и - дѣло кататься въ Карлинъ, либо онъ безпрестанно будетъ забѣгать сюда и отнимать у насъ дорогое намъ время... Ужъ прямо скажу тебѣ: я не люблю этого... Что правда, то правда!..

— Безцѣнная маменька! — проговорилъ Алексѣй, цѣлуя ей

руку—во-первыхъ, я вовсе не хотѣлъ заключать съ нимъ короткой дружбы; во-вторыхъ—это былъ нечаянный случай, потому нѣтъ резона заключать, будто мы начнемъ теперь жить въ короткихъ сношеніяхъ, хотя бѣдный Юліанъ, кажется, очень желаетъ этого... Онъ такой добрый человѣкъ!

— Добрый... Они всѣ добры — хоть куда, — отозвалась мать,—но намъ не ужиться съ ними, они не умѣютъ цѣнить ни времени, ни денегъ; мы съ ними испортимся, а они не исправятся. Лучше жить со своею братіею...

— Правда ваша, — лучше жить со своими, но что мнѣ дѣлать теперь? Посовѣтуйте, я охотно послушаюсь, потому что вовсе не ищу другого общества.

— Да ужъ не оправдывайся, голубчикъ! — воскликнула мать.—Развѣ я не понимаю, что ты умнѣ насъ и тебя поневолѣ должно тянуть къ этимъ господамъ, которые лучше поймутъ тебя, какъ равнаго себѣ по уму. Но не думай, будто я изъ самолюбія хотѣла приковать тебя къ нашей хатѣ съ соломенной крышей. Если я удерживаю, такъ дѣлаю это для тебя самого. Тамъ, у пановъ, ничего не встрѣтишь, кромѣ огорченій. Хоть бы ты былъ первый мудрецъ на свѣтѣ, хоть бы сталъ равенъ имъ головой и сердцемъ, никогда не найдешь тамъ ни искренней дружбы, ни братства, ни равенства; ты обязанъ будешь занимать ихъ, служить имъ, жертвовать собою, и за все это, если будутъ имѣть досугъ и не найдутъ никого лучше, они издали улыбнутся тебѣ, только бы никто не замѣтилъ этого. Повѣрь мнѣ, повѣрь... Потомъ они предпочтутъ тебѣ перваго мальчишку съ раздушенной головой и подѣльнымъ титуломъ.

— Ахъ, маменька! Вы все представляете въ черныхъ краскахъ, но я рѣшительно не думаю навязываться никому, даже Юліану.

— Да что и толковать долго? Ужъ дѣло сдѣлано — объясняться нечего; но откровенно говорю тебѣ, что я не радуюсь этому. Вотъ увидишь—Юліанъ, соскучившись о тебѣ, вѣрно приѣдетъ сюда, возьметъ тебя къ себѣ; тамъ познакомишься съ другими, долженъ будешь разѣзжаться, мы должны будемъ принимать; тогда ты уже не справишься съ хозяйствомъ, родной домъ опротивѣетъ тебѣ, потому что привыкнешь къ

панской роскоши—вѣдь это такъ легко!.. Но хоть расскажи, по крайней мѣрѣ, какъ это случилось?

Алексѣя обступили со всѣхъ сторонъ, и онъ долженъ былъ со всѣми подробностями пересказать о своей встрѣчѣ въ корчмѣ, о разговорѣ съ Юліаномъ и пріемѣ въ замкѣ. Онъ не умолчалъ о свиданіи съ Анною, не скрылъ впечатлѣнія, какое произвело на него пребываніе въ Карлинѣ, однимъ словомъ, обо всемъ сказалъ откровенно. Мать съ печальною миною слушала сына, качала головою, но не говорила ни слова. Въ это же время подвели къ крыльцу осѣдланную буланую лошадь, второй братъ напросился ѣхать вмѣстѣ съ Алексѣемъ въ поле на маленькой лошаdkѣ, которую Парфенъ немедленно и привелъ ему. Отправивъ обоихъ сыновей на работу, Дробицкая съ поникшею головою возвратилась къ своимъ обычнымъ занятіямъ.

Х.

Уже нѣсколько дней пани Дельріо прожила въ Карлинѣ, но ея здоровье не поправлялось. Полковникъ, успокоенный присланнымъ извѣстіемъ, не спѣшилъ къ женѣ; докторъ Греберъ еще находился тамъ и умѣрялъ раздраженіе бѣдной женщины разными средствами, но они мало приносили пользы. Юліанъ и Анна неотлучно сидѣли при матери, а если по необходимости удалялись на короткое время, то печаль полковницы усиливалась до такой степени, что, по возвращеніи, они находили ее въ слезахъ. По принятому и строго соблюдаемому въ Карлинѣ обыкновенію, хотя Юліанъ строго приказалъ не извѣщать президента Карлинскаго о прибытіи полковницы, однако черезъ три дня кто-то секретно далъ ему знать объ этомъ—и президентъ, по обыкновенію, немедленно пріѣхалъ въ Карлинъ, рассчитывая на то, что его присутствіе будетъ для пани Дельріо достаточнымъ побужденіемъ скорѣе отправиться домой.

Можетъ быть, въ первый разъ теперешній визитъ Павла былъ непріятенъ Юліану и Аннѣ, хоть они любили дядю и умѣли цѣнить его заботливость о себѣ. Они хорошо поняли цѣль пріѣзда его, а между тѣмъ положеніе матери не безъ причины тревожило ихъ. Павелъ былъ очень вѣжливъ къ бывшей женѣ по-

койнаго брата и хотѣ они никогда не доходили до острыхъ разговоровъ и объясненій между собою, однако въ душѣ ненавидѣли другъ друга. Павелъ сердился на полковницу за брата и не могъ простить ей вторичнаго замужства; полковница видѣла въ немъ тѣнь ненавистнаго мужа и преслѣдователя, отнявшаго у нея дѣтей и не хотѣвшаго ввѣрить ихъ материнскому оердцу. Они ни одного разу не высказали другъ друга того, что чувствовали; но въ то-же время ясно видѣли, что ихъ взаимное нерасположеніе и ненависть никогда и ничѣмъ не искоренятся.

Президенту довольно было только пріѣхать въ Карлентъ, чтобы своимъ прибытіемъ выгнать оттуда полковницу. Онъ никогда не позволялъ ей пробыть у дѣтей дольше трехъ сутокъ; а если дѣти рѣшались навѣстить мать, то чрезъ два дня обыкновенно самъ пріѣзжалъ за ними. Такое удаленіе дѣтей отъ матери, было до такой степени обидно для полковницы, что за это она смертельно возненавидѣла президента; но должна была терпѣть и равнодушно переносить подобное преслѣдованіе, потому что въ этомъ случаѣ президентъ поступалъ отчасти справедливо.

Какъ лицомъ, такъ и характеромъ похожій на покойнаго хорунжича, президентъ былъ моложе его только однимъ годомъ. Воспитаніе вело его къ одной участи съ братомъ, но склонности ихъ были различны. Подобно Хорунжичу—чужеземецъ и больше всего французъ, страстный обожатель цивилизаціи Запада, Павелъ, старался стереть съ себя самомалѣйшій слѣдъ и печать происхожденія—точно клеймо первороднаго грѣха; сдѣлался гражданиномъ всего міра, европейцемъ, почти стыдился родныхъ обычаевъ и не любилъ своего прошлаго. Онъ часто вояжировалъ, помнилъ много, обладалъ познаніями; но при всемъ этомъ строго слѣдовалъ мнѣніямъ современности, безусловно признавая истины, принятые въ высшемъ кругу общества, и съ уваженіемъ повторяя все, что въ извѣстномъ мѣстѣ считалось за аксіому.

Любя свѣтъ и жизнь забавъ, удовольствій и праздности, Павелъ въ сравненіи съ братомъ имѣлъ одною страстью больше; онъ былъ тщеславенъ и гордъ, хотѣлъ пользоваться значеніемъ и искалъ его въ должностяхъ, знакахъ отличія, въ степеняхъ служебной іерархіи. Это, по крайней мѣрѣ, имѣло хорошую сторону въ томъ отношеніи, что Павелъ принималъ участіе въ дѣйствительной жизни и усиливался занять въ ней самое

видное положеніе. Чрезвычайно вѣжливый, увлекательный, снисходительный въ обращеніи, Павелъ имѣлъ сердце благородное и доброе; но рѣзко пробивавшаяся сквозь эти свойства гордость отталкивала отъ него всѣхъ и дѣлала его почти смѣшнымъ.

Постепенно возвышаясь въ должностяхъ, начиная съ уѣзднаго предводителя дворянства, Павелъ старался потомъ получить, и въ самомъ дѣлѣ получилъ, титулъ президента, а въ настоящее время добивался званія губернскаго предводителя—цѣль тайныхъ его надеждъ и желаній. Всѣ домогательства, впрочемъ, весьма благородныя, предпринимаемыя имъ въ этомъ отношеніи, ограничивались пока снискиваніемъ себѣ друзей между лицами, имѣвшими какое-нибудь вліяніе. Онъ не забывалъ ни однихъ имянинъ значительныхъ въ губерніи особъ, не пропускалъ ни одного бала въ городѣ, участвовалъ во всѣхъ пріемахъ высшихъ лицъ, нѣсколько разъ въ году скакалъ на почтовыхъ для поздравленія съ чинами и орденами, однимъ словомъ всѣми силами старался стать на виду, даже искалъ популярности у шляхты, дабы склонить ее къ выбору себя. Всегда открытый домъ его свидѣтельствовалъ, что будущій высокій сановникъ не пожалѣетъ никакихъ расходовъ на дворянское представительство; усердное посредничество въ дѣлахъ сосѣдей и знакомыхъ служило порукою, что онъ со всѣмъ радушіемъ будетъ исполнять обязанности посредника и покровителя. Однако ему долго приходилось ждать возжелѣннаго мундира и титула. И никто столько не вредилъ ему на этомъ поприщѣ, какъ полковникъ Дельріо, который, вмѣстѣ съ женою, питалъ къ нему непримиримую ненависть.

Павлу было лѣтъ около пятидесяти; иные увѣряли, что больше, но, судя по наружности, онъ казался моложе; онъ еще былъ свѣжъ, здоровъ, красивъ, хотя немного лысъ. Высокаго роста, сухощавый, статный, одѣваясь хорошо, президентъ имѣлъ такую стройную талію, что издали казался почти юношей.

Еще въ самыхъ молодыхъ лѣтахъ президентъ довольно легкомысленно женился на красавицѣ-нѣмкѣ, разведшейся съ мужемъ, или вдовѣ какого-то генерала. Подобно ему, женщина европейскихъ салоновъ, не умѣвшая ни понять, ни полюбить родины, пани фонъ-Драгенъ ничего не принесла съ собою въ приданое, кромѣ прекраснаго, набѣленнаго и нару-

мяненного личика, въ скоромъ времени испорченнаго бѣлилами и румянами, да еще — нервовъ, неумѣренной склонности къ удовольствіямъ и прекраснаго таланта на арфѣ, играя на которой, она имѣла возможность похвастаться превосходными ручками. Однихъ лѣтъ съ президентомъ, она состарѣлась скорѣе мужа, а это обстоятельство натурально произвело въ ней самое дурное расположеніе; она капризничала, если сидѣла дома, и Павелъ такъ привыкъ къ подобнымъ причудамъ, что уже не обращалъ на нихъ вниманія. Почти каждый годъ она ѣздила на минеральныя воды, къ морямъ, въ теплый климатъ, ища развлеченія на всемъ земномъ шарѣ и нигдѣ не находя ничего, кромѣ одной зѣвоты. Дѣтей у нихъ не было, и это увеличивало ихъ несчастіе. Впрочемъ, по отъѣздѣ жены изъ дому, президентъ становился веселѣе и велъ холостую жизнь. Нерастроченныя чувства сердца онъ всецѣло перенесъ на дѣтей брата Яна, особенно на Анну; вмѣстѣ съ Аѳанасіемъ, другимъ братомъ покойнаго хорунжича, онъ былъ опекуномъ племянниковъ и всего себя посвятилъ ихъ воспитанію и устройству. Живя недалеко въ Загорѣ, Павелъ не спускалъ съ нихъ глазъ, управлялъ имѣніемъ, помогалъ во всѣхъ дѣлахъ и любилъ ихъ — точно родныхъ дѣтей, кромѣ того еще любилъ ихъ всею ненавистью, какую питалъ къ полковницѣ, стараясь замѣнить имъ мать и всѣми мѣрами удаляя ее отъ Юліана и Анны.

Какъ Анна была въ полномъ смыслѣ душою всего Барлина, такъ президентъ былъ въ немъ главнымъ хозяиномъ. Юліанъ дѣлалъ, что хотѣлъ и сколько хотѣлъ, никто не противорѣчилъ ему, никто не руководилъ имъ; но болѣе практическій и неутомимый президентъ, неусыпно наблюдалъ за нимъ и, не давая понять, что помогаетъ или совѣтуетъ ему, не затрагивая самолюбія Юліана, даже оставляя на его сторонѣ всѣ заслуги, умѣлъ такъ дѣйствовать на него, что, несмотря на равнодушіе къ трудамъ и занятіямъ, Юліанъ очень хорошо управлялъ имѣніемъ. Такой успѣхъ удивлялъ и даже иногда поощрялъ молодого человѣка; но какъ въ немъ не было большой надменности, то онъ съ радостью согласился бы прослыть неспособнымъ къ хозяйству, лишь-бы ничего не дѣлать, но президентъ не допускалъ до этого.

Полковницѣ не говорили о прїѣздѣ президента. Но такъ какъ она жила въ Карлинѣ уже третій или четвертый день, то съ безпокойствомъ предчувствовала его. Увидя карету дяди, Юліанъ и Анна переглянулись другъ съ другомъ и первый незамѣтно удалился изъ комнаты. Онъ нашелъ президента уже расхаживавшимъ по салону и искавшимъ зеркала, чтобы поправить волосы, платье и другія принадлежности своего костюма, потому что президентъ слишкомъ заботился объ этомъ.

— Ахъ, милый дядюшка!..

— Ахъ, милый племянникъ!—отвѣчалъ Павелъ съ улыбкой.

— Какъ ваше здоровье?

— А ваше?

— Мы, слава Богу; но мамаша, прїѣхавъ къ намъ, занемогла опасно...

— Зачѣмъ же она ѣздитъ? Зачѣмъ ѣздитъ?—съ притворнымъ добродушіемъ произнесъ Павелъ, подходя къ зеркалу.— Вы бы сами могли на какой-нибудь день побывать къ ней, а то съ ея здоровьемъ...

— Ей хотѣлось видѣть Эмилию.

— Развѣ она поможетъ ему?—мрачно проговорилъ президентъ.—Но гдѣ Анусъ?

— У мамашы...

— Полковница не выходитъ?

— Уже три дня. Греберъ запретилъ...

— А, и Греберъ здѣсь?

— Но мамашѣ было очень дурно...

— А полковникъ не прїѣзжалъ?

— Она не велѣла писать ему, что больна.

Президентъ слегка пожалъ плечами.

— Не думаю даже, чтобъ здѣсь ей было удобно... Кромѣ того, она должна безпокоиться о мужѣ...

— Но и выѣхать ей невозможно, милый дядюшка, невозможно,—сказалъ Юліанъ съ удареніемъ.—Еще нѣсколько дней она должна прожить здѣсь, пока совсѣмъ не поправится...

— Противъ этого не спорю,—сухо отвѣчалъ президентъ.— Но могу-ли я видѣться съ нею?

Юліанъ немного смѣшался.

— Дорогой дядюшка! — произнесъ онъ, приближаясь къ

президенту, — вы понимаете меня... пожалуйста, не принуждайте мамашу къ свиданію съ собою; она цѣнитъ васъ, но вы знаете, какъ это разстроитъ ее...

— Я вовсе не зналъ, чтобы это могло разстроитъ полковницу... Если хочешь, пожалуй, я не буду видѣться съ нею.. Я никогда не былъ нахаломъ и невѣжей.

Юліанъ подошелъ, чтобы обнять дядю, президентъ съ слезами на глазахъ прижалъ его къ сердцу. Въ эту же минуту вошелъ Греберъ.

— Ахъ, папъ докторъ! — воскликнулъ Павелъ, кланаясь ему издали и небрежно. — Юліанъ, вели подать мнѣ чаю.

Юліанъ вышелъ. Президентъ обратился къ Греберу и спросилъ:

— Скажите, что случилось тутъ съ полковницею? Въ самомъ ли дѣлѣ она больна, или ей только надо быть больною?

Политикъ Греберъ пожалъ плечами, еще не зная, что сказать въ отвѣтъ.

— Такъ что же? Ужъ три дня вы лѣчите ее, слѣдовательно, должны знать, какого рода болѣзнь вашей паціентки.

— Небольшое раздраженіе нервовъ, частію простуда и маленькій безпорядокъ въ желудочныхъ отправленіяхъ...

— Ну, такъ слава Богу, тутъ нѣтъ ничего страшнаго, — сказалъ президентъ. — Дать ей лимонада или магнезій, и будетъ здорова; а противъ простуды, докторъ, я самъ испыталъ, нѣтъ лучшаго лѣкарства, какъ ѣзда и свѣжій воздухъ.

Греберъ улыбнулся, вошелъ Юліанъ, и разговоръ прервался. Въ эту-же минуту доложили, что пріѣхалъ полковникъ. Президентъ немного сморщился, потому что не могъ сразу подавить въ себѣ непріятнаго чувства; но чрезъ минуту, силою воли, онъ опять сдѣлался веселъ. Павелъ съ рѣдкимъ искусствомъ умѣлъ владѣть собою.

Для посторонняго человѣка президентъ и полковникъ казались одинаковыми типами; но въ существѣ они рѣзко отличались другъ отъ друга, хотя повидимому, принадлежали къ одному классу общества. Оба когда-то были красавцами и помни ли бы этомъ дольше, чѣмъ бы слѣдовало это пожилымъ людямъ; оба любили свѣтъ и, воспитанные за границею, оба отличались самымъ утонченнымъ обращеніемъ. Но, несмотря

на такое сходство, легко было видѣть, что ихъ раздѣляло огромное пространство. Полковникъ игралъ роль магната, не сознавая себя имъ; президентъ, хоть не былъ магнатомъ по богатству, но зная свое происхожденіе и поддерживаемый родословными воспоминаніями, былъ имъ по внутреннемъ уубѣжденію. Полковникъ, не умѣя скрыть подъ благовидной оболочкой свои страсти, то-и-дѣло компрометировалъ себя неумѣренною игрою, пиршествами и особенно красивыми личиками, до которыхъ слабость его была до послѣдней степени очевидна и не слишкомъ тщательно скрывается; президентъ, слабый въ такой же степени, ни одного разу не былъ изобличенъ въ своихъ слабостяхъ; на-счетъ его предполагали и даже говорили разныя разности, но никто не могъ прямо въ глаза назвать его виноватымъ, такъ что Павелъ имѣлъ даже право громко и смѣло разсуждать о нравственности.

Эти люди, питая взаимное нерасположеніе, обращались другъ съ другомъ холодно и вѣжливо. Полковникъ выражалъ немного язвительности, президентъ со своей стороны платилъ за это презрѣніемъ. Впрочемъ, встрѣтившись въ обществѣ, особенно многочисленномъ, они не обнаруживали антипатіи другъ къ другу. Президентъ, въ кругу постороннихъ, отзывался о полковникѣ безо всякой тѣни нерасположенія; полковникъ даже передъ короткими друзьями скрывалъ свои чувства къ Павлу и почти хвастался дружбою съ нимъ. Несмотря на все это, они очень рѣдко встрѣчались другъ съ другомъ и нигдѣ не могли быть долгое время вмѣстѣ.

Еще въ передней, узнавъ о президентѣ, полковникъ немного смѣшался, но сейчасъ же замаскировалъ это восклицаніемъ:—Ахъ, такъ давно я не имѣлъ удовольствія видѣть его!—и вошелъ въ салонъ съ улыбкою.

Президентъ на этотъ разъ рѣшился быть тѣмъ вѣжливымъ, чѣмъ сильнѣе хотѣлъ дать почувствовать полковнику, что считаетъ себя здѣсь хозяиномъ, а его чужимъ и гостемъ. Горячо поздоровавшись съ полковникомъ, Павелъ съ величайшею заботливостью спросилъ его о лошадяхъ, помѣщеніи и приѣмѣ.

Высокій, плечистый и прекрасно сложенный Дельріо, вслѣдствіе заботъ супружеской жизни, значительно посѣдѣлъ, чувствовалъ слабость въ ногахъ, испытывалъ припадки подагры,

хотя не признавался въ ней. Такъ какъ напоминанье о подагрѣ могло быть для него крайне непріятнымъ, то президентъ, усаживая его, выразилъ заботливость, чтобы ногамъ его было тепло.

— А что, панъ полковникъ, вѣдь мы старѣемся—сказалъ онъ съ веселою улыбкою.—Даже и я начинаю уже чувствовать, что молодость вся израсходовалась.

— Я не сознаю этого—возразилъ Дельріо.

— И дурно поступаете,—перебилъ президентъ,—люди начнутъ видѣть больше того, что есть на самомъ дѣлѣ. Надо предупредить ихъ.—Видѣлись вы съ супругою?—спросилъ онъ, спустя минуту.

— Нѣтъ! Но я полагаю, что она войдетъ въ залу...

— Едва-ли,—равнодушно сказалъ президентъ,—кажется, она не очень здорова.

— Нездорова?—повторилъ полковникъ, устремивъ глаза на Гребера.—Въ самомъ дѣлѣ?

— Не беспокойтесь, это ничего, ничего, такъ... маленькое разстройство нервовъ.

— А, нервовъ.

— Мы хорошо знаемъ подобныя вещи, полковникъ!—отозвался президентъ.—Вѣдь и моя тоже нервная... Счастье, что ея нѣтъ теперь дома. О, если бы она потеряла свои нервы гдѣ-нибудь въ дорогѣ!

Видно, не по вкусу пришлась эта острота полковнику, потому что онъ ни слова не сказалъ въ отвѣтъ, а только улыбнулся и, схвативъ шляпу, отправился къ женѣ. Греберъ взялся проводить его. Президентъ остался одинъ съ Юліаномъ.

При входѣ полковника въ комнату, гдѣ сидѣла полковница съ Анною, изъ груди жены вырвался крикъ удивленія, потому что если она и была къ нему привязана, то только по привычкѣ и не могла не взволноваться въ первую минуту свиданія съ нимъ; потомъ на лицѣ ея рѣзко отразилось чувство неудовольствія. Полковникъ подошелъ къ женѣ съ выраженіемъ беспокойства, но въ скоромъ времени перемѣнилъ тонъ разговора и перешелъ къ любимымъ шуткамъ. Анна немедленно вышла вмѣстѣ съ Греберомъ; супруги остались одни.

Это не слишкомъ нравилось пану Дельріо,—онъ не любилъ

долгое время оставаться наединѣ съ женою, такъ какъ болѣзненная чувствительность жены очень надоѣдала ему. Впрочемъ Дельріо подсѣлъ къ ней и началъ разговоръ цѣлованіемъ ея ручекъ.

— Ты не повѣришь,—отозвалась жена,—какъ мнѣ было дурно; если-бы не докторъ Греберъ...

— Ужъ онъ говорилъ мнѣ,—нервы, душа моя!

— Вотъ какъ вы легко судите о нашихъ болѣзняхъ!

— Не хотѣлось бы понимать ихъ иначе; это было бы слишкомъ больно для меня; но, благодаря Бога, все прошло и мы опять здоровы, *cher ange*, и молоды, и прекрасны! Какіе сегодня у тебя глазки!

— Отъ лихорадки.

— О, нѣтъ въ нихъ! Въ нихъ просвѣчиваетъ жизнь... Еще, можетъ быть, немножко любви... и частичка тоски...

Найдя слова мужа неприличными, полковница потупила глаза и покраснѣла, точно пятнадцатилѣтняя дѣвочка. Онъ обнялъ ее съ улыбкою развратника и, поцѣловавъ въ голову, сказалъ:

— Только, пожалуйста, не хворай. Сколько разъ ты ни пріѣзжала въ этотъ Карлинъ, полный привидѣній и черныхъ воспоминаній, всегда платилась за это здоровьемъ.

— Здѣсь мои дѣти!—прошептала пани Дельріо.

— Кто же виноватъ, что ты не имѣешь ихъ больше?—сказалъ полковникъ съ шутливою улыбкою.—Надо было постараться, чтобы хоть пара ихъ кричала и въ Лютковѣ.

— Богъ не далъ... милый Викторъ!

— Милая Теклюня!

Дельріо еще два раза поцѣловалъ и обнялъ жену. Исполнивъ эту обязанность, онъ сѣлъ на стулъ и сказалъ:

— Когда же мы поѣдемъ?

— Не знаю. Докторъ не позволяетъ.

— Ну его къ чорту! Но вотъ въ чемъ дѣло,—президентъ уже явился!

Полковница въ большомъ замѣшательствѣ вскочила со стула и поблѣднѣла.

— Президентъ—здѣсь? Кто сказалъ тебѣ?

— Да я самъ видѣлъ его... Сладенькій, ни дать ни взять—Лукреція.

Полковница опять сѣла на стулъ и сказала:

— Приѣхалъ... Ты говоришь правду, — пора намъ ѣхать; мы не можемъ жить съ нимъ подъ одной кровлей.

— И я со своей стороны не могу сказать, что обожаю его, — подтвердилъ Дельріо. — Но одинъ день какъ-нибудь проживемъ здѣсь... Между прочимъ не мѣшаетъ показать, что мы не боимся его и не бѣжимъ отсюда.

Полковница молчала и, потупивъ голову, погрузилась въ печальную задумчивость.

— Ну же, душечка, разсѣй печальныя мысли, которыя привезъ съ собою президентъ, — произнесъ мужъ. — Перестань думать о немъ, а лучше взгляни-ка на меня своими пятнадцатилѣтними глазками: они жгутъ меня до костей. Теклюня! Cher ange!

Но полковникъ напрасно усиливался разсѣять дурное расположение жены своими шутками. Пани Дельріо оставалась печальною и сердитою.

— Жизнь моя! — опять сказалъ полковникъ, спустя минуту. — Подобное нерасположеніе къ президенту могло бы внушить мнѣ самыя странныя догадки: только одна любовь способна съ такою быстротою обращать сладкія чувства въ кислыя.

На столь неумѣстную остроту полковница пожала плечами и воскликнула:

— О, рѣшительно не понимаю, какъ ты можешь, подъ предлогомъ развлечения, такъ жестоко мучить меня?.. Президентъ... Да это для меня самое ненавистное существо на свѣтѣ!

— Не стану защищать его, — отозвался полковникъ. — Можешь ненавидѣть его, сколько угодно... Но почему меня ты принимаешь такъ печально и холодно? Повѣрь, я не заключалъ ни малѣйшей дружбы съ президентомъ.

При этихъ словахъ вбѣжала Анна и пригласила полковника завтракать. Кажется, мужъ и жена очень обрадовались этому случаю, потому что у перваго запасъ остротъ истощился, а послѣдняя хотѣла быть одна. Супруги простились только взглядами, и Анна, взявъ мужа, осталась съ полковницей.

XI.

Вышеописанная сцена ясно показываетъ, какова была жизнь въ Карлинѣ. Прекрасный замокъ, на который, вѣрно, не одинъ бѣднякъ глядѣлъ со вздохомъ, воображая, что тамъ живетъ веселье, достатокъ, удовольствія, что тамъ проводятъ золотые дни, — этотъ замокъ, на самомъ дѣлѣ заключалъ въ себѣ нѣсколько существъ, несущихъ на плечахъ своихъ столь тяжелое бремя, какого не могли бы выдержать люди, одаренные большими силами и самымъ твердымъ характеромъ. Тамъ жилъ, во-первыхъ, несчастный, обреченный на жизнь дикаго животного, а окружающіе родные, глядя на него со страданіемъ, не могли облегчить жестокой его участи. Тамъ находилась мать, разлученная съ дѣтьми, и сироты, которыхъ не Богъ, а люди вырвали изъ родительскихъ объятій. Наконецъ, тамъ встрѣчались и другія существа, только мучившія другъ друга.

Въ тотъ день, когда мы заглянули въ Карлинъ, президентъ, противъ своего обыкновенія, по просьбѣ Анны и Юліана, рѣшился своимъ пребываніемъ не принуждать полковницу къ выѣзду, а потому, скорѣ послѣ обѣда, уѣхалъ изъ Карлина, извинившись передъ полковникомъ, что хотя онъ и считаетъ себя хозяиномъ здѣшняго дома, но по дѣламъ долженъ оставить гостя. Узнавъ объ отъѣздѣ президента, пани Дельріо вздохнула свободнѣе и догадалась, что этимъ счастьемъ она обязана Аннѣ. Полковникъ также сталъ веселѣе, но своею веселостью никого не могъ занять, кромѣ доктора Гребера, считавшаго для себя обязанностью смѣяться на всѣ остроты не только своихъ паціентовъ, но и всей родни ихъ. Полковница хотѣла опять видѣться съ Эмилиемъ, но ей отсвѣтовали это подъ предлогомъ раздражительности больного, а въ самомъ-то дѣлѣ болѣе опасаясь вредныхъ послѣдствій для нея самой.

Кромѣ Анны, не имѣвшей времени скучать и весело занимавшейся своими обязанностями, всѣ прочіе члены семейства печально проводили время въ старомъ замкѣ. Юліанъ, особенно въ минуты отдыха, чувствовалъ тяжесть жизни и недостатокъ существенной цѣли, безъ которой смертельная тоска овладѣваетъ человѣкомъ. Тяжелый и однообразный трудъ убивалъ въ

немъ остатки юношеской живости, но трудъ былъ условіемъ семейнаго быта, первую его потребностью. Дядя, хотя и могъ выручить его изъ такого состоянія, но нарочно не хотѣлъ дѣлать этого, дабы въ послѣдующей жизни Юліанъ умѣлъ самъ управлять имѣніемъ и домомъ.

Молодой Карлинскій хотя и имѣлъ очень много знакомыхъ, но не имѣлъ ни одного друга. Можетъ быть, первый разъ послѣ университетской жизни онъ могъ открыть свою душу Алексѣю и почувствовалъ къ нему такое влеченіе, что, черезъ три или четыре дня, взглянувъ на Жербы, видѣвшіеся вдали, рѣшился съѣздить къ товарищу. Онъ хотѣлъ ѣхать въ томъ костюмѣ, какой былъ на немъ, и приказалъ запрягать лошадей; но, вспомнивъ, что у Алексѣя есть мать и что бѣдные люди очень щекотливы на приличія, одѣлся во фракъ, надушился, взялъ шляпу и перчатки и, улыбаясь на самого себя, собрался ѣхать.

Въ такомъ положеніи застала его Анна и удивилась, увидя брата во фракъ и вообще въ костюмѣ, очень рѣдко употребляемомъ въ деревнѣ. Желая узнать — куда идетъ Юліанъ, она спросила.

— Куда же ты собрался?

— Вотъ ужъ ни за что не отгадаешь; лучше прямо открою весь секретъ: ѣду въ Жербы къ Алексѣю, который не имѣлъ счастья понравиться тебѣ. Такъ какъ у него есть мать, а я дѣлаю первый визитъ, то иначе и не могу явиться къ нимъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, ты очень интересуешь меня своимъ другомъ, — отвѣчала Анна. — Уже стосковался по немъ?

— Но, милая моя Ануся, ты не знаешь этого человѣка, не постигаешь, какое сердце бьется подъ его простою одеждою, какія мысли бродятъ въ его головѣ!.. О, для оправданія словъ моихъ прошу тебя ближе познакомиться съ нимъ. Можетъ быть, тебѣ еще не приходилось находить брильянтъ самой чистѣйшей воды въ невзрачной оболочкѣ человѣка не нашего круга; съ самаго начала этотъ энергическій сынъ природы будетъ поражать тебя, но невозможно, чтобы ты не оцѣнила его?

— Безъ сомнѣнія, — отвѣчала Анна съ улыбкою, — я сочла бы его за эконома или домашняго бухгалтера, если-бы не застала его въ твоей комнатѣ.

— Ты часто даешь мнѣ разныя наставленія, ангелъ мой; прости, если теперь я скажу тебѣ нѣчто въ подобномъ родѣ. Мы—паны, а вы—женщины салоновъ, слишкомъ много придаемъ значенія формѣ и наружности; часто незнаніе языка, незнакомство со смѣшными пустяками, такъ занимающими насъ, равнодушіе къ модѣ, новостямъ, политикѣ, наконецъ жестокость въ обращеніи и странность выраженій,—въ нашихъ глазахъ дѣлають человека недостойнымъ нашего общества; мы отталкиваемъ его, даже не заглянувъ, что кроется внутри его. А между тѣмъ, тѣ мелочи, наружныя украшенія, подъ которыми гораздо чаще скрывается ничтожество, нежели высота душевная,—все это общая принадлежность почти всѣхъ, такъ какъ пріобрѣтеніе ихъ не составляетъ большого труда: при небольшомъ знаніи свѣта и книгъ очень скоро и легко можно усвоить себѣ всѣ эти мелочи; но зато даровъ Божіихъ, часто скрываемыхъ грубою оболочкою, мы не узнаемъ изъ-за одного предубѣжденія.

Анна съ любопытствомъ слушала эти слова и, наконецъ, произнесла:

— Правда твоя, милый Юліанъ! Но почему ты не представляешь себѣ еще того обстоятельства, что какъ намъ съ ними—этимъ грубымъ народомъ, такъ и ему съ нами—людьми высшаго круга будетъ нелегко и непріятно. Каждый гораздо лучше понимаетъ своихъ. Не упрекай меня за женскую слабость: привези сюда Алексѣя, я постараюсь короче узнать и полюбить его, только бы онъ развлекъ, оживилъ и развеселилъ тебя!

Юліанъ съ чувствомъ обнялъ сестру и лишь только дали знать, что экипажъ готовъ, сбѣжалъ съ лѣстницы и поѣхалъ въ Жербы.

Алексѣй вовсе не надѣялся на этотъ визитъ, по крайней мѣрѣ, не ждалъ его такъ скоро. Но мать была увѣрена въ немъ, даже собиралась холодно принять панича, потому что не очень желала короткаго знакомства съ Карлиномъ.

— Пусть только пріѣдетъ сюда—думала она про себя.—Ужъ не буду церемониться съ нимъ; гость гостемъ, надо принять его какъ слѣдуетъ, но рѣшительно не буду хлопотать изъ-за того, что онъ паничъ: встрѣчать даже не выйду.

Алексѣй случайно былъ дома, когда карета Юліана, повернувъ въ ворота и въѣхавъ во дворъ, подвезена была перепуганными лошадьми къ крыльцу, потому что онѣ испугались жолоба у колодца. Дробицкая не догадалась сразу, — что это за гость, и полагала, что это, вѣроятно, какой-нибудь чиновникъ, потому что никто не ѣздитъ параднѣе этихъ пановъ; но живое движеніе Алексѣя сейчасъ показало, кого она должна встрѣтить.

— Маменька! Мой другъ Карлинскій! Ради Бога, примите его со всѣмъ радушіемъ! — воскликнулъ Алексѣй, выбѣгая изъ комнаты.

— Съ радушіемъ, только безъ парада и церемоній! — проворчала мать, поправляя на себѣ холстинковую блузу и шейный платокъ. — Вздумалъ паничъ жить со шляхтой, такъ изволь слушаться нашего устава.

При этихъ словахъ показался Юліанъ, вѣжливо подошелъ къ матери друга, поклонился ей съ искреннимъ уваженіемъ, потому что и въ женщинѣ, одѣтой по деревенски, съ мозолистыми руками и говорившей просто, умѣлъ оцѣнить достоинства; привѣтствовалъ ее немногими словами, но безъ принужденности, съ самою милою и увлекательною улыбкою.

Трудно объяснить, что случилось съ Дробицкою при видѣ красиваго, нѣжнаго, деликатнаго юноши и при взглядѣ на прекрасное лицо его: она почувствовала себя совершенно обезоруженною. Великую силу заключаетъ въ себѣ человѣческое лицо, если оно выражаетъ не притворную, а искреннюю и сердечную доброту; оно согрѣваетъ самую твердую холодность, побѣждаетъ антипатію и смягчаетъ недоброжелательство, потому что за любовь и сочувствіе человѣкъ обязанъ платить сочувствіемъ и любовью. Такъ точно случилось и съ Дробицкою. Она рѣшилась принять Юліана какъ можно холоднѣе и равнодушнѣе, даже намѣревалась чѣмъ-нибудь кольнуть его и оттолкнуть отъ своего дома; но всѣ эти прекрасные планы разрушились въ одно мгновеніе — и расцвѣтшая на устахъ благородной женщины улыбка чрезвычайно обрадовала Алексѣя, и онъ совершенно успокоился, увидя ее на лицѣ матери.

Еще болѣе Юліанъ увлекъ Дробицкую разговоромъ. Съ перваго разу онъ былъ свободенъ, смѣлъ, на все смотрѣлъ безъ

удивленія и все понималъ, такъ что, спустя нѣсколько минутъ, мать Алексѣя забыла даже объ его аристократическомъ происхожденіи. Впрочемъ, она не могла совершенно преодолѣть себя и не обнаружить предъ Юліаномъ заранѣе придуманныхъ фразъ. Во время разговора она нѣсколько разъ упомянула о своей бѣдности, о необходимости трудиться, о различіи жизни ихъ отъ той, какую могъ вести Юліанъ. И тутъ Карлинскій сѣмѣлъ говорить ловко и резонно, соглашаясь съ хозяйкою и вмѣстѣ цѣня жизнь трудолюбивую, нѣсколько унижая себя и представляя картину тяжести своего предназначенія.

Слушая все это, Дробицкая съ недовѣрчивостью и удивленіемъ смотрѣла въ глаза гостю, вовсе не представлявшемуся паномъ. Спустя немного времени, Алексѣй и Юліанъ ушли въ другую комнату покурить сигаръ, а хозяйка осталась въ гостиной одна и глубоко задумалась.

Домъ Алексѣя, послѣ салоновъ Юліана, былъ слишкомъ бѣденъ и некрасивъ; но Карлинскій нашелъ его милымъ и совершенно удобнымъ.

Половина Алексѣя, несмотря на свою простоту и бѣдность, даже испорченнымъ глазамъ Юліана могла казаться красивою. Это была комната довольно обширная, бѣлая и чистенькая, какъ-будто въ ней жила молодая дѣвушка. Окно обращено было въ садъ — и Алексѣй, иногда любившій задумываться, устремляя взоры въ безпредѣльное пространство, съ большими усиліями выпросилъ у матери позволеніе сдѣлать въ саду просьбу для перспективы на блестящій прудъ и темные лѣса, лежавшіе въ отдаленіи. Отсюда-то именно тоскливый труженикъ не разъ уносился глазами и мыслями въ безконечную страну надеждъ и мечтаній. По обѣимъ сторонамъ окна росли стройныя мальвы, всѣ въ цвѣтахъ и, склоня свои головки, съ любопытствомъ заглядывали въ кабинетъ молодого человѣка. Въ углу стояла кровать, покрытая ковромъ домашней работы, напоминавшимъ восточныя издѣлія; въ головахъ висѣлъ на овальной серебряной дощечкѣ образокъ Пресвятой Дѣвы и Святого Антонія, съ боку ружье и палаши отцовскіе. На столѣ находились хозяйственныя бумаги, реестры, счета, а среди нихъ Гёте, раскрытый на второмъ томѣ Фауста. Въ углу на полкѣ тщательно уставлены были книги, оставшіяся

послѣ университета; количество ихъ было небольшое, но давало хозяину возможность обходиться безъ новостей. Тамъ находились: Библія, Гомеръ, Плутархъ, Тацитъ и Ливій, Геродотъ, Шекспиръ, Гете, Шиллеръ, Кохановскій и Красицкій, Монтанъ и Рей, Подражаніе Христу, Исповѣдь св. Августина... вотъ и все! Но въ такомъ маленькомъ на видъ сборникѣ какъ много заключалось содержанія!..

— Ахъ, какъ здѣсь мило и прекрасно! — воскликнулъ Юліанъ.

— Однако, не такъ, какъ у тебя: очень скромно и бѣдно.

— Да, но зато я чувствую, что здѣсь обитаютъ спокойствіе и счастье, тогда какъ у меня, хоть вездѣ богатство, но скучно. Здѣсь хотѣлось бы пѣть, а у меня задуматься...

— Благодарю, но не расточаю тебѣ похвалы, товарищъ! — отвѣчалъ Алексѣй съ улыбкою. — Будь со мною откровененъ, говори, что думаешь. Садись, но сперва изволь посмотреть, какое униженіе для меня! Ты не можешь курить моего табаку, потому что до смерти закашлялся бы отъ него; приходится тебѣ курить свои сигары.

— И ты будешь курить со мною? — спросилъ Юліанъ, доставая сигарочницу.

— Нѣтъ, благодарю, боюсь привыкать къ тому, чего употреблять не въ состояніи. Зачѣмъ позволять себѣ прихоть и потомъ испытывать непріятность? Я закурю свою трубку.

— Какъ хочешь, — сказалъ Юліанъ, подавая Алексѣю свою руку, — какъ хочешь, только не выгоняй меня отсюда. Можетъ быть, я мѣшаю тебѣ, отнимаю время, извини; но ты окажешь благодареніе, если не оттолкнешь меня. Я крайне нуждаюсь въ другѣ.

— А я уже свыкъ съ моимъ одиночествомъ и умѣю жить только съ самимъ собою. Въ первыя минуты послѣ городского шума и дружбы съ школьными товарищами мнѣ было здѣсь тяжело и грустно, какъ въ могилѣ; теперь уже не чувствую потребности въ изліяніи, привыкъ жить съ однимъ собою, осматривать собственныя раны и...

— И, можетъ быть, тебѣ представляется смѣшнымъ, что я до сихъ поръ остаюсь слабымъ юношей, — спросилъ Юліанъ.

— О, нѣтъ! Во-первыхъ, не всѣ мы созданы одинаково; во-вторыхъ, потребность въ обществѣ людей составляетъ для насъ необходимость и обойтись безъ нея невозможно. Только святые и мученики могли жить уединенно, потому что они жили въ Богѣ и съ Богомъ, а слабый человѣкъ поневолѣ нуждается въ людяхъ.

— Кто же ты, Алексѣй: святой или мученикъ? — шутя спросилъ Юліанъ.

— Увы! Я не святой и не мученикъ, а привыкъ къ одиночеству, потому что иначе не могло быть. Но какъ въ пустынѣ являются чудовища, такъ и въ моемъ уединеніи рождаются страшныя видѣнія. Не одинъ разъ я былъ принужденъ бороться съ ними, но противъ этого лучшее лѣкарство—трудъ.

— Конечно, если это трудъ, къ которому мы чувствуемъ расположеніе, а не какое-нибудь машинальное, несносное и глупое занятіе.

— Трудъ привлекательный и пріятный для насъ не можетъ назваться въ полномъ смыслѣ трудомъ; это скорѣе будетъ забава, занятіе или обязанность, исполняемая нами съ наслажденіемъ. Но трудъ ненавистный—какъ печать доли человѣка... вотъ мое горькое лѣкарство! Мы часто слышимъ, какъ тысячи людей жалуются на свои труды, вынужденные извѣстными обстоятельствами.—Сибариты! хотятъ трудиться, но безъ малѣйшаго самоотверженія, желаютъ пріятныхъ для себя занятій, дабы назвать ихъ трудами. Такіе люди — празднолюбцы!

— Это совершенно новая теорія. А домашняя-то бухгалтерія и хозяйство? Надѣюсь,—и для тебя они несосны.

— Не назову ихъ пріятными занятіями, но что дѣлать? Дѣды не оставили мнѣ средствъ жить въ бездѣйствіи; я обязанъ трудиться, по крайней мѣрѣ, для того, чтобы облегчить судьбу братьевъ и приготовить для нихъ лучшую будущность.

— Слѣдовательно, ты думаешь, что я совершенно свободный человѣкъ, какимъ всѣ считаютъ меня? Вотъ и ошибся!.. Каждый изъ насъ непременно несетъ какое-нибудь бремя: меня въ такой же степени мучатъ распоряженія по имѣнію и свѣтскія обязанности, въ какой тебя—хозяйство; мнѣ болѣе хотѣлось бы читать, вояжировать, мечтать, любить и размышлять, сидя въ широкихъ креслахъ...

Молодые люди взглянули другъ другу въ глаза и разсмѣялись.

— Но, — живо прибавилъ Юліанъ, — не отклоняясь отъ всеобщей доли, я по крайней мѣрѣ имѣю право требовать у судьбы того, что древніе драматурги давали своимъ любовникамъ — хоть одного наперстника и друга. И, кажется, судьба сжалилась надо мною, если мы опять встрѣтились. Ты долженъ посѣщать Карлинъ; вѣдь мы живемъ въ полномъ смыслѣ уединенно! А ты съ своей стороны дай мнѣ позволеніе хоть изрѣдка заглядывать въ твою тихую комнатку.

Алексѣй потупилъ глаза, подавъ товарищу руку и сказалъ серьезнымъ тономъ:

— Обсудимъ подробнѣе наши положенія. Не думай, чтобы я мало цѣнилъ тебя и твою дружбу, не воображай, будто смѣшная шляхетская гордость отталкиваетъ меня отъ тебя потому только, что ты панъ, а я бѣдный шляхтичъ-земледѣлецъ съ тремя семьями крестьянъ. Есть болѣе важныя причины, побуждающія меня держать себя вдаль отъ тебя, хотя почти каждый день я вспоминаю о нашей школьной дружбѣ. Во-первыхъ, я долженъ былъ освоиться съ своимъ положеніемъ и свыкнуться съ этою усадьбою, такъ какъ мнѣ предназначено воздѣлывать ее; во-вторыхъ, я боялся быть вовлеченнымъ въ несвойственную мнѣ сферу. Рѣшась быть обязаннымъ своею будущностью собственнымъ трудамъ, а не посторонней помощи и знакомству, не милости судьбы и людей, — я иду къ цѣли самую прямою дорогою — безъ всякихъ увертокъ и хитрыхъ расчетовъ.

— Въ такомъ случаѣ я, кажется, не буду тебѣ помѣхою, милый Алексѣй! Я сумѣю уважать твой трудъ, твое время и независимость. Не думай, будто какая-нибудь болѣзненная чувствительность или потребность излить жалобы влекли меня къ тебѣ. Глядя издали на Карлинъ, на этотъ старинный замокъ и его стѣны, слушая рассказы постороннихъ людей, ты никогда не догадаешься, сколько страданій и скорбей послалъ Богъ на насъ, по миѣнію всѣхъ, избранныхъ и свободныхъ людей!.. О, и мы несчастны! И, скажу тебѣ откровенно, въ своемъ кругу я ни передъ кѣмъ не могу разинуть ротъ и излить сердце... Мы, паны, какъ вы называете насъ, привыкли

все принимать наружно и обо всемъ судить поверхностно; мы питаемъ сочувствіе ко всѣмъ, но никому не подаемъ помощи, отталкиваемъ отъ себя все, что пахнетъ обязанностью, что требуетъ серьезнаго размышленія, чего нельзя обратить въ шутку. Потому, если кто изъ насъ сдѣлается боленъ, долженъ искать врача не въ кругу своихъ знакомыхъ, а среди людей—такихъ же страдалцевъ, какъ онъ самъ. Кромѣ сестры, которой не во всемъ могу открываться, у меня нѣтъ друга!—заклучилъ Юліанъ.—Я часто страдаю выше силъ моихъ, тогда какъ одно слово могло бы вылѣчить меня отъ этой душевной болѣзни...

Разговоръ друзей, вѣроятно, продолжался бы еще долгое время, если бы его не прервало прибытіе нежданнаго гостя. Алексѣй оглянулся къ дверямъ и немного смѣшался, но чрезъ минуту проворно подошелъ къ гостю и съ уваженіемъ подаль ему руку. Юліанъ никакъ не могъ понять отношеній хозяина къ гостю, потому что костюмъ послѣдняго отнюдь не объяснялъ столь дружественнаго пріема; впрочемъ, онъ также всталъ и раскланялся съ гостемъ.

Это была столь рѣдкая и странная фигура, какую трудно встрѣтить. Пристальнѣе всмотрѣвшись въ нее, можно было сразу отгадать, что необъяснимое стеченіе обстоятельствъ бросило этого человѣка за предѣлы обыкновенныхъ путей жизни и поставило въ совершенно отдѣльной сферѣ. По костюму онъ былъ почти крестьянинъ, по лицу панъ, по обращенію и разговору чѣмъ-то среднимъ между ними; угадать его положеніе было невозможно.

Гость былъ старикъ уже сѣдой, огромнаго роста, сложенія самаго крѣпкаго, съ жилистыми, но красивыми руками, съ важною и почти гордою осанкою; длинная бѣлая борода покрывала всю грудь его, голова была почти вся голая, брови чрезвычайно густыя и очень навислыя. Благородныя черты гостя отличались необыкновеннымъ выраженіемъ спокойствія и какой-то возвышенности, какъ будто совершенно разсорившись со свѣтомъ, онъ почти презиралъ его. Подобное выраженіе иногда сообщается человѣку послѣ употребленія горячихъ напитковъ. Рѣзкія морщины на лбу, загорѣлыя отъ солнца щеки, кожа, затвердѣвшая отъ воздуха, вѣтровъ и непогоды, — все

это не дѣлало его лица простымъ и обыкновеннымъ. Въ самой многолюдной толпѣ оно обратило бы на себя вниманіе и поразило бы своею красотою. Костюмъ ничѣмъ не отличалъ его отъ простаго крестьянина или бѣднаго земледѣльца: на ногахъ у него надѣты были липовые лапти, на плечахъ — чистый сѣрый армякъ, подпоясанный краснымъ кушакомъ, а жилистая шея окружена была немного запыленною оторочкою полотняной рубашки. За поясомъ въ мѣшечкѣ брянчали ножъ, огниво и конецъ тонкой проволоки, а наверху торчала глиняная трубка съ короткимъ деревяннымъ чубукомъ. Войдя въ комнату, старикъ смѣрилъ глазами обоихъ молодыхъ людей, потомъ какъ-бы усиливался припомнить что-то, наконецъ оглянулся, чтобы найти стулъ. Хозяинъ проворно нашелъ его, гость сѣлъ и, не говоря ни слова, вынулъ свою трубку и началъ тихо накладывать ее, бросая взгляды по комнатѣ.

Въ движеніяхъ гостя не замѣчалось ни малѣйшей неловкости, въ лицѣ—никакого слѣда безпокойства. Раскланявшись и сѣвъ на мѣсто, онъ наложилъ и закурилъ трубку, немного развалился и началъ пускать клубы дыму.

Юліанъ не спускалъ съ пришельца глазъ и сгоралъ отъ любопытства скорѣе узнать, что эта за человѣкъ, потому что изъ-подъ армяка видѣнъ былъ человѣкъ хорошо воспитанный, но спросить о немъ Алексѣя онъ не рѣшался.

Дробицкій, какъ бы угадавъ желаніе друга, обратился къ гостю.

— А что, графъ, сегодня жарко?

— Чертовски жарко,—отвѣчалъ старикъ.—Ужъ я порядкомъ намахался, идя въ ваши Жербы, но это мнѣ здорово.

— Пришли пѣшкомъ?

— Разумѣется; вѣдь ты знаешь, что своихъ лошадей я не держу, а садиться на чужой возъ терпѣть не могу.

Карлинскій слушалъ. Его поразилъ графскій титулъ, и онъ ломалъ голову, желая угадать, кто это такой — и ничего не могъ припомнить. Не имѣя силъ удержаться отъ любопытства, онъ шепнулъ товарищу:

— Отрекомендуй меня.

— Мой сосѣдъ и товарищъ по университету — Юліанъ Карлинскій, — произнесъ Алексѣй, подводя его къ старику.

Послѣдній привсталъ, протянулъ свою широкую руку и склонился немного на бокъ.

— Графъ Мартинъ Юноша!—прибавилъ Алексѣй.

Юліанъ ничего не понималъ.

— Я люблю молодыхъ людей и радъ познакомиться съ вами,— произнесъ графъ.— Можетъ быть, ты никогда не слышалъ обо мнѣ? Но я хорошо зналъ твоего отца... Хорунжича— не правда ли?.. Онъ былъ женатъ на Теклѣ Гелминской. Гмъ, гмъ, старыя вещи! Мы виѣстъ были въ Парижѣ, во Флоренціи, на берегахъ Рейна...

Юліанъ съ самымъ напряженнымъ вниманіемъ всматривался въ старика, одѣтаго въ армякъ, но трактующаго о Парижѣ и Флоренціи. Графъ замѣтилъ это.

— Видно, никогда не слыхалъ о старикѣ Юношѣ, если такъ пристально смотришь на меня?

— Признаюсь, графъ, первый разъ встрѣчаю васъ и слышу такую фамилію.

— И это представляется тебѣ очень страннымъ? Но погоди, поживя подольше, увидишь не одно подобное чудо: пана въ сѣромъ армякѣ и крестьянина въ бархатахъ. *Ludit in orbe Deus*. Вотъ человѣкъ жилъ да жилъ, цѣлые шесть десятковъ лѣтъ оставилъ за собою и дожилъ до армяка... не отъ крайности, потому что я, можетъ быть, нашелъ бы средства наряжаться не хуже другихъ и своимъ панствомъ пускать всѣмъ пылъ въ глаза, а по доброй волѣ.

Старикъ пустилъ клубъ дыму, склонилъ голову и вздохнулъ:

— Приходится объяснить тебѣ, панъ Барлинскій, этотъ армякъ и лапти. Надо рассказать хоть часть своей исторіи, чтобъ ты не глядѣлъ на меня, выпуча глаза. Знаешь Переверты? Это помѣстье изъ тысячи душъ, въ десяти миляхъ отсюда; я отдалъ его въ приданое моей дочери!

— Супругъ пана Изидори?—воскликнулъ Барлинскій.

— Моей Марысѣ!—отвѣчалъ старикъ съ улыбкою.— Марыся въ кружевахъ и брильянтахъ, а Юноша—въ армякѣ... Благодарное дѣтище! Она не дала бы мнѣ ходить такъ, если бы не моя воля и собственная охота... потому что, почтеннѣйшій, въ такомъ положеніи мнѣ гораздо лучше. Я много жилъ, много прожилъ и, наконецъ, убѣдился, что самая лучшая жизнь—

простая, меньше потребностей, а больше свободы, немного прислуги, а прихотей, если можно, ни одной. Въ молодыхъ лѣтахъ и у меня такъ же кружилась голова, какъ у прочихъ людей; послѣ родителей я получилъ нѣсколько милліоновъ, прекрасное имя и бѣшенный темпераментъ; я бросился въ свѣтъ точно въ воду. Успѣлъ быть вездѣ: и за границей, и дома, и съ прекрасными паннами нашихъ временъ, а теперь дряхлыми бабами, и за игорными столиками, и въ самыхъ лучшихъ обществахъ, гдѣ только можно было вкусить жизни изъ новой бочки. Пресыщенный однимъ напиткомъ, я жаловался не на себя, а на то, чѣмъ утолялъ свои желанія, шелъ въ другую сторону, блуждалъ, боролся, мучился, безумствовалъ, но, покрывшись сѣдинами, наконецъ опомнился.. Опытъ научилъ меня, что всѣ люди повреждены. Мы воображаемъ, что въ другомъ мѣстѣ намъ лучше, что тамъ живутъ иначе, что цвѣтъ платья, либо вкусъ кушанья составляютъ счастье и спокойствіе, но все это чистѣйшій вздоръ!.. Люди, прости Господи, съ ногъ до головы всѣ созданы изъ одной глины; жизнь вездѣ одинакова, гораздо безопаснѣе тамъ, гдѣ меньше потребностей и гдѣ упадокъ не такъ страшенъ. Поэтому я добровольно рѣшился испытать самую простѣйшую жизнь послѣ самой роскошнѣйшей и теперь мнѣ такъ хорошо, что не хочу перемѣнять своей жизни на другую. Я поселился въ хатѣ—въ собственномъ лѣсу, простая женщина варитъ мнѣ кушанье, охочусь, курю трубку; отвыкъ отъ всего, безъ чего человѣкъ обойтись не можетъ, даже отвыкъ отъ салона, гдѣ прожилъ больше половины жизни,—и повѣрь, почтеннѣйшій, въ теперешнемъ положеніи мнѣ очень хорошо.

Юліанъ слушалъ съ чувствомъ удивленія и недовѣрчивости.

— И вамъ, графъ, ничего не стоило вдругъ перемѣнить такимъ образомъ жизнь свою?

— Какъ не стоило?—воскликнулъ старикъ, — А для чего намъ данъ разумъ? Въ великолѣпныхъ чертогахъ мнѣ пришлось бы умереть съ тоски; я началъ терять силы, глупыя мысли стали кружиться въ головѣ моей и я едва не женился другой разъ. Потомъ я сталъ хворать, старѣться. Наконецъ, однажды сказалъ себѣ: прочь шлафрокъ и перины! Начнемъ трудиться, бороться съ нуждой и недостатками!.. Я возродился и жизнь не тяготитъ уже меня. Сначала... было тяжело: изнѣженное тѣло

просилось на подушки, желало разныхъ разностей: то итальянскаго шеколаду, то англійскихъ соусовъ, то французской горчицы; я посадилъ его на хлѣбъ да на воду, на молоко да галушки; не скоро производилась перемѣна натуры, но я передѣлалъ-таки ее и теперь очень доволенъ.

— Это прекрасно. Теперь позвольте спросить: вы не грустите о прежнемъ обществѣ?

— Долго пришлось бы трактовать объ этомъ предметѣ, но почему и не говорить? Отъ книгъ я не отрекся, почти каждый день вижусь съ дочерью; равно я не отрекся и отъ того, что зналъ и до чего дошелъ, подобно всѣмъ людямъ, собирая по свѣту пустыя свѣдѣнія, маленькія истины и большія заблужденія... Но, повѣрь, въ столкновеніи съ простыми людьми, равно какъ въ сближеніи съ природою, я приобрѣлъ несравненно болѣе — и это именно освѣжило меня. Конечно, мы знаемъ, понимаемъ и составляемъ разныхъ предположеній гораздо больше, чѣмъ простой народъ, и собственно потому, что въ насъ сильнѣе работаетъ мысль въ одномъ лишь умственномъ направленіи, но... какъ огромно это *но!*.. мы живемъ въ совершенномъ разладѣ съ природою и человѣческимъ обществомъ и заперлись въ тѣсныхъ предѣлахъ, среди которыхъ сотни тысячъ людей изъ множества данныхъ составляютъ постоянно отмѣнные другъ отъ друга *casse-tête*. Мы не заглядываемъ въ вѣчную книгу міра, въ живое общество, въ дѣла Божіи; ничего не почерпаемъ изъ преданій, а всему учимся изъ книгъ, пишемъ книги также изъ книгъ, дѣлаемся умными и благородными тоже при посредствѣ книгъ и, наконецъ, высосавъ изъ нихъ всю эссенцію, пьемъ десятую воду на киселѣ. Христосъ и Апостолы были люди не книжные, а между тѣмъ возродили міръ, и будьте увѣрены, что если настанетъ новая эра, мы возродимся не суесловною библіей Мормономъ, не печатными теоріями, не философскими, а живымъ словомъ. Простой народъ не знаетъ наукъ, но видитъ, чувствуетъ, обогащается опытностью и прямо выражаетъ истинное свое человѣчество, тогда какъ мы большею частью бываемъ только фальшивыми учеными. Для насъ, людей цивилизованныхъ, часто грубость народныхъ обычаевъ, наивность языка и простота мыслей представляются достойными презрѣнія, а между во всемъ этомъ жизни и правды несравненно больше,

чѣмъ у насъ... Придетъ время, когда девяносто девять частей книгъ надо будетъ сжечь и довольствоваться только остальными.

Старикъ замолчалъ.

— По всей вѣроятности, вы, графъ, сочли меня большимъ любителемъ той жизни, на какую указываетъ моя одежда и наружность,—произнесъ Юліанъ,—но вы ошиблись: у меня только недостаетъ силъ быть чѣмъ-нибудь другимъ, но я хорошо и ясно вижу свое положеніе...

— Ну, такъ, подобно мнѣ, доживешь до армяка!—сказалъ графъ съ улыбкою.—Вѣрьте мнѣ,—пустыя игрушки, которыми забавляетесь, ничего не придаютъ вамъ; напротивъ, каждая изъ нихъ отнимаетъ у васъ часть жизни... и свободы...

Юліанъ слушалъ старика съ такимъ вниманіемъ, что уже не садился на свое мѣсто и стоялъ передъ нимъ въ изумленіи, схватывая фразы, вылетавшія изъ устъ его.

Юноша также говорилъ съ возрастающею охотою и жаромъ.

— Теперь скажи мнѣ,—спросилъ онъ, спустя минуту,—вы всѣ живете въ Карлинѣ? Отецъ вашъ умеръ... а мать?

— Мамаша вышла... вышла замужъ...

— За кого?

— За полковника Дельрію.

Старикъ поморщился.

— А президентъ?

— Живъ и здоровъ...

— А этотъ старый чудакъ—Аѳанасій, котораго душевно люблю, хоть слишкомъ десять лѣтъ ужъ не видалъ его?

— Все въ своей Шурѣ и нигуда не выѣзжаетъ.

— Когда-нибудь пойду къ нему пѣшкомъ... И онъ не измѣнился?

— Нисколько, какъ запомнимъ его. Но какимъ образомъ вы, графъ, такъ хорошо знаете моихъ родныхъ, а я даже не слыхалъ о вашей фамиліи?

Старикъ громко разсмѣялся и сказалъ:

— Я прервалъ всѣ сношенія съ вашимъ свѣтомъ, а у васъ, милыя дѣти, что съ возу упало, то и пропало,—сегодня самые сердечные друзья, завтра совершенно чужіе. Вы знаете и любите только своихъ... Я удалился и меня забыли... И на чтожъ бы я пригодился вамъ? Показаться въ салонъ не могу,

потому что играть роль льва я не хочу; притомъ едва ли кто пойметъ меня, а набиваться со своими совѣтами, кому бы то ни было, не думаю. Изъ числа старыхъ знакомыхъ, можетъ быть многіе уже считаютъ меня умершимъ и давнымъ давно пропѣли мнѣ: *Со святыми упокой*. Коротка и слаба человѣческая память! Да и я самъ уже забылъ старыхъ знакомыхъ!

Въ это время дали знать, что чай готовъ. Босая и румяная дѣвочка вбѣжала въ комнату, проговорила нѣсколько невнятныхъ словъ и проворно убѣжала вонъ. Но прежде, чѣмъ гости собрались идти, сама Дробицкая показалась на порогѣ.

— Какъ поживаешь, маменька?—спросилъ графъ.

— Ахъ, и графъ здѣсь?

— Да что же, маменька, можетъ быть, ты полагала, что мой армякъ не достоинъ войти въ здѣшній домъ, или что-нибудь еще хуже? Развѣ я такой старикъ, что мнѣ ужъ неприлично согрѣваться около молодыхъ?.. Вѣдь и въ Св. Писаніи упоминается объ Авигасѣ, согрѣвавшей престарѣлаго Давида!

— Старый грибъ, а еще болтаетъ разный вздоръ!—отвѣчала Дробицкая, пожимая плечами.

Старикъ пошелъ впередъ хозяйки и, несмотря на ея гнѣвъ, продолжалъ говорить разныя прибаутки.

— Знаешь ли что, маменька? А что, если бы мы сочетались законнымъ бракомъ?

— Мы? Съ какой стати?

— Тогда ужъ никто не переговорилъ бы насъ... Всякій разъ, какъ сойдемся, мы непременно ссоримся...

— Да какъ не ссориться,—сердито сказала Дробицкая,—если вы портите моего сына?

—Я—порчу? Напротивъ, исправляю!

— Прекрасно! Лишь только сойдетесь, сейчасъ начнете философствовать, а о чемъ? И въ толкъ не возьму. Его надо приучать къ хозяйству, а не внушать вздоръ, который и такъ бродитъ въ головѣ его.

— Но развѣ Алексѣй худой хозяинъ? Тебѣ все еще мало. Вѣдь хлѣбъ у васъ есть? Долговъ ни гроша... Зачѣмъ же мучить его? Подростутъ другіе мальцы—также будутъ работники; а теперь, если бы въ сундукъ лежала у тебя лишняя тысяча, какая вамъ отъ того польза?

— Вотъ и посмотрите—онъ не портить!—вскрикнула старушка. — Будьте свидѣтелями! — прибавила она, обратясь къ Карлинскому:— склоняетъ его къ лѣности.

— Вовсе не къ лѣности, маменька! Нѣтъ, но если ты зарѣжешь его работой—какая тебѣ будетъ прибыль? Дай ему и поговорить, и повеселиться, и почитать.

— Да онъ цѣлыя ночи сидитъ надъ книгами.

— Милая маменька!— прервалъ Алексѣй,—чуть свѣтъ, я уже въ полѣ...

— Если-бъ не этотъ старый балагуръ, надѣвшій лапти для того только, чтобы болтать все, что вздумается, я бы сдѣлала изъ Алексѣя другого человѣка...

— Такъ и дѣлай себѣ другаго человѣка, если угодно,—сказалъ графъ,—только не изъ Алексѣя... Ужъ его не изрѣжешь на куски, чтобы переварить въ котлѣ... Поздно!..

Сама старушка обратила эти слова въ шутку и разговоръ прекратился. Налили чай. Но графъ попросилъ себѣ кислаго молока и рюмку старой водки, потому что отъ чаю уже отвыкъ, и вечеръ начался очень весело.

XII.

Жербы, кромѣ части, принадлежавшей Дробицкимъ, дѣлились еще на шесть владѣльцевъ. Въ нихъ было шесть помѣщичьихъ домиковъ, въ недалекомъ разстояніи другъ отъ друга, обращенныхъ входными дверями къ большой дорогѣ и не пропускавшихъ ничего, что только ѣхало, проходило и даже летѣло въ старый дворъ.

Рѣдко кто пріѣзжалъ въ Жербы, особенно въ старый дворъ. Дробицкіе никогда не зазывали гостей, родныхъ почти не имѣли близости, знакомствъ не искали и жили очень скромно. Поэтому карета Карлинскаго, подъѣхавшая къ нимъ среди бѣлаго дня, произвела на сосѣдей огромное впечатлѣніе.

Панъ Мамертъ Буткевичъ, самый богатый изъ жербенскихъ помѣщиковъ, имѣлъ пятнадцать семей крестьянъ, домъ, выкрашенный желтою краскою и даже замышлялъ скупить всѣ Жербы, для чего копилъ деньги, строго ограничивая свои расходы и думая немедленно жениться, лишь только подпишетъ

условіе на послѣднюю часть деревни,—въ то время, какъ проѣзжала карета, стоялъ у окна. Онъ выпучилъ глаза, разинулъ ротъ, понюхалъ табаку и сказалъ самому себѣ: — къ Дробицкимъ, ей Богу, къ Дробицкимъ!

Панъ Юзефатъ Буткевичъ, родной братъ Мамерта, но гораздо бѣднѣе его, женатый на Пержховской и обремененный семействомъ изъ девяти дѣтей, о которыхъ говорилъ постоянно и почти съ ропотомъ на такое благословеніе Божіе,—стоялъ въ воротахъ съ трубкою, также видѣлъ карету, вышелъ даже на середину улицы, хотя былъ въ одномъ жилетѣ, дождался, пока экипажъ подъѣхалъ къ старому двору и, что было духу, побѣжалъ къ женѣ.

— Душечка, Анеля! — воскликнулъ онъ чрезвычайно полной супругѣ, убаюкивавшей на рукахъ ребенка: — ну, вотъ тебѣ Христось... кто-то поѣхалъ въ каретѣ...

— Тише... ребенокъ засыпаетъ, а ты кричишь... Ну, что тамъ такое?

— Да въ каретѣ...

— Да кто въ каретѣ-то?

— Вотъ въ этомъ-то и дѣло. Не знаю, самому ли пойти или послать Иванка, чтобы узналъ? Только Иванекъ улизнетъ въ корчму, а я такъ давно не былъ у Дробицкихъ.

Не знаю, чѣмъ кончился разговоръ, только панъ Юзефатъ выбѣжалъ изъ комнаты, вѣроятно выгнанный женою, и въ раздумьи остановился на крыльцѣ. Но вдругъ, въ нѣсколькихъ шагахъ, онъ увидѣлъ своего шурина — пана Пристіана Прусь-Пержховскаго, который, взобравшись на тынь, наблюдалъ оттуда за каретой.

— Кто это пріѣхалъ?—спросилъ панъ Буткевичъ.

— Молодой Карлинскій.

— Къ Дробицкимъ?

— Да, къ Дробицкимъ.

— Что же это значить?

Панъ Пристіанъ не благоволилъ дать отвѣта, соскочилъ съ изгороди и пошелъ въ свой домикъ, а панъ Юзефатъ остался въ глубокомъ размышленіи. Онъ только плюнулъ, глядя въ слѣдъ шурину, и пожалъ плечами.

Жившій рядомъ панъ Ѳедоръ Прусь-Пержховскій, родной

братъ пани Буткевичъ и пана Пристіана, находился въ конюшнѣ, какъ вдругъ промелькнула передъ нимъ карета и нельзя сказать, чтобы подобный феноменъ не произвелъ на него впечатлѣнія.

— Зачѣмъ къ Дробицкимъ? — началъ онъ разсуждать съ самимъ собою. — Зачѣмъ? Не постигаю, истинно сказать — не постигаю! Но хорошо знаю только то, что если пріѣзжаетъ рѣдкій и милый гость, достаютъ изъ подвала бутылку и пьютъ за его здоровье... Не пойти-ль къ Дробицкимъ?.. Надо бы побриться... да впрочемъ вечеромъ... въ деревнѣ, можно и небритому... А вѣдь бутылка-то будетъ, непременно будетъ!

Между тѣмъ онъ носомъ къ носу вдругъ встрѣтился съ Пристіаномъ. Хоть родные братья, они не были ни въ какомъ отношеніи похожи другъ на друга. Ѳеодоръ, шляхтичъ-земледѣлецъ, любилъ выпить и копилъ деньги. Пристіанъ, напротивъ — щеголь, не жалѣвшій денегъ ни на лошадей, ни на брички, болѣе проживалъ въ мѣстечкѣ, нежели въ своей деревушкѣ, любилъ пошѣть съ аккомпаниментомъ гитары и франтилъ... даже курилъ сигары. Пристіанъ уже былъ одѣтъ во всей формѣ и шелъ по улицѣ по направленію къ старому двору.

— Куда? — спросилъ Ѳеодоръ, остановивъ его.

— Да такъ себѣ, прогуливаюсь, — равнодушно отвѣчалъ Пристіанъ.

— Дудочки! Надуваешь, дружище! Идешь къ Дробицкимъ! Къ нимъ кто-то пріѣхалъ.

— Да говорятъ тебѣ, — иду вовсе не къ Дробицкимъ.

— Толкуй, любезный! Вѣрно тамъ будетъ пуншикъ?..

— Ну, у тебя всегда только пуншикъ въ головѣ! — разсмѣялся Пристіанъ.

— Признайся.

— Да говорю тебѣ, что иду прогуляться.

— Такъ ступай же себѣ съ Богомъ!

Отойдя нѣсколько шаговъ и не желая показать брату, что въ самомъ дѣлѣ шелъ въ старый дворъ, Пристіанъ повернулъ въ боковую улицу, гдѣ находились дома вдовы Буткевичъ и Яцка Ултайскаго, двухъ еще неизвѣстныхъ намъ жербенскихъ помѣщиковъ. Вдовушка послѣ покойнаго пана Целестина, брата — Юзефата Буткевича, бездѣтная, когда-то хоро-

шенькая, но, увы, кажется, ужъ десять лѣтъ назадъ считавшая себѣ тридцать первый годъ, хотя давно переступила порогъ зрѣлости, но не простилаась еще съ надеждою опять выйти замужъ. Цѣлыя двѣнадцать лѣтъ она безуспѣшно старалась о мужѣ, привлекая къ себѣ поочередно всѣхъ сосѣдей и, не поймавъ никого, наконецъ, безумно, страшно, отчаянно влюбилась въ Пристіана Пержховскаго, шедшаго теперь мимо ея дома. Судьба хотѣла, чтобы и она съ своею воспитанницею Магдусей — дѣвочкою лѣтъ девяти, стояла у воротъ въ то самое время, какъ показался у нихъ Пристіанъ — и вдовушка оставила его.

— Позвольте, позвольте, на одну минутку! Только на два слова...

— Что прикажете? — вѣжливо спросилъ Пристіанъ, снявъ фуражку.

— Видѣли?

— Что такое?

— Карету, которая подъѣхала къ старому двору?

— Нѣтъ, не замѣтилъ.

— Кто-же это можетъ быть?

— Не знаю.

— Не угодно ли зайти ко мнѣ? — кокетливо спросила перезрѣлая вдовушка.

Пристіанъ сталъ втупикъ; у ней не было никакихъ причинъ отказать. И кромѣ того, желая скрыть свой слѣдъ отъ брата, онъ рѣшился зайти ко вдовушкѣ, и до такой степени осчастливилъ ее своимъ визитомъ, что она даже забыла о каретѣ. Пройдя дворъ, они уже хотѣли войти въ сѣни и вдова даже вздохнула, чтобы начать сентиментальный разговоръ, какъ изъ-за забора раздалось оглушительно-басистое:

— Позвольте!..

Это былъ голосъ пана Яцка Ултайскаго, сосѣда вдовы Буткевичъ, у котораго, какъ мы сказали, Алексѣй арендовалъ землю. Панъ Яцекъ нѣкогда былъ экономомъ и управляющимъ, и на этихъ должностяхъ нажилъ небольшой капиталъ, купилъ участокъ въ Жербахъ и сначала самъ хозяйничалъ на немъ съ женою, но при плохихъ урожаяхъ, не умѣя ладить съ крестьянами, отдавалъ свою землю въ аренду. Это была разма-

шистая фигура съ огромными усами, являвшаяся по буднямъ въ халатѣ, а по воскресеньямъ въ венгеркѣ. Впрочемъ, Яцекъ былъ недурной человекъ, если только не задѣвали его, страстный охотникъ звать къ себѣ всѣхъ въ гости и заводить знакомства. Вдова Буткевичъ подняла голову и очень боялась, чтобы не отняли у ней пойманнаго Пристіана; панъ Пержховскій также немного смѣшался отъ мысли, что сосѣдъ замѣтилъ его вѣжливость къ немолодой вдовѣ. Оба они остановились.

— Знаете новость?—проговорилъ Ултайскій.

— Какую?

— Какіе-то знатные гости поѣхали въ старый дворъ... Коляска и четверка лошадей.

— Ну такъ что-же?—отвѣчалъ Пристіанъ. — Пусть ихъ ѣздятъ на здоровье.

— Не пойдѣмъ-ли посмотрѣть, кто пріѣхалъ?

— Я не пойду,—сказалъ Пристіанъ, не желая сознаться въ своемъ любопытствѣ.

— А у меня есть дѣльцо къ своему арендатору, такъ, можетъ, и пойду,—отвѣчалъ Ултайскій, отступая отъ изгороди. — До свиданія!

И онъ насмѣшливо взглянулъ на щеголя, тихими шагами пробиравашагося въ домъ пани Буткевичъ.

— Какова!—ворчалъ Яцекъ.—Вѣдь поймала-таки его! Вотъ ужъ этого я никогда не ожидалъ: баба старше моей, правда—бездѣтная, но люди разные разности толкуютъ объ ея воспитаніи. Неизвѣстно, гдѣ она получила его... Участокъ крошечный, долговъ по горло... Нужно предостеречь Пристіана,—онъ могъ бы найти себѣ лучшую партію.

Алексѣй, Юліанъ и графъ спокойно сидѣли за чаемъ, какъ вдругъ лежавшій на крыльцѣ Курта началъ лаять. Дробицкая хорошо знала лай собаки, потому что Курта на каждаго лаялъ иначе: на жидовъ нападалъ почти съ бѣшенствомъ, нищихъ отгонялъ кусаньемъ, о прибытіи знакомыхъ возвѣщалъ отрывистымъ, офиціальнымъ лаемъ. Теперь Курта даже не сбѣжалъ съ крыльца, а гамкнувъ только два раза, замолчалъ. Дробицкая взглянула въ окно и увидѣла Мамерта Буткевича въ старой курткѣ, передѣланной изъ темносиняго фрака, направляющагося прямо къ ихъ дому. Алексѣй также увидѣлъ его

и, надо признаться, не очень былъ радъ гостю; но что было дѣлать съ нимъ?

Смѣшная фигура пана Буткевича въ сѣрыхъ шароварахъ, темносиней курткѣ, съ суковатой палкой въ рукѣ, съ рыжимъ парикомъ на головѣ и маленькими пронзительными глазами, немедленно показалась въ комнатѣ, важно и гордо привѣтствуя хозяйку и въ то же время лукаво оглядывая гостей. Всѣ привстали, чтобы раскланяться съ нимъ, только одинъ графъ неподвижно сидѣлъ на своемъ мѣстѣ и ѣлъ кислое молоко. Юліанъ всѣми силами удерживался отъ смѣха, потому что никого не хотѣлъ обижать, хоть явившаяся карикатура и представлялась ему необыкновенно смѣшною. Онъ и Алексѣй бросили значительные взгляды другъ на друга.

— Много у тебя сосѣдей такого сорта? — тихо спросилъ Юліанъ.

— Только шестеро, — отвѣчалъ Алексѣй, — и я увѣренъ, что всѣ представятъ тебѣ, потому что твоя карета непременно приведетъ ихъ сюда; вѣдь они сгораютъ отъ любопытства узнать, кто могъ пріѣхать къ намъ, потому что здѣсь никто не бываетъ... Увидишь.

— Незавидное же сосѣдство! — подумалъ Юліанъ.

Между тѣмъ панъ Буткевичъ, столь-же гордый, какъ и скупой, поздоровавшись съ хозяйкою и обозрѣвъ исподлобья гостей, развалился на стулѣ и самыми странными минами старался придать себѣ видъ важности, не имѣвшей у него ни въ характерѣ, ни въ наружности. Дробицкая, уважая пятнадцать семей сосѣда, принимала его довольно вѣжливо — и разговоръ опять пошелъ было своею чередою, какъ вдругъ Курта второй разъ залаялъ на крыльцѣ.

— Да это наказаніе Божіе! — проворчала Дробицкая. — Еще гость.

Это былъ панъ Яцекъ Ултайскій, въ темносиней венгеркѣ, пришедшій будто по надобности, а на самомъ дѣлѣ изъ любопытства и съ тайнымъ намѣреніемъ, если можно, пригласить къ себѣ гостя на вечеръ. И этого посѣтителя, какъ хозяина арендуемой земли, слѣдовало принять также съ улыбкою. Юліанъ взглянулъ на Алексѣя — и оба пожали плечами. Между тѣмъ панъ Яцекъ, лишь только разинулъ ротъ, прямо обнаружилъ

свое происхожденіе; даже Карлинскому показалось, что онъ гдѣ-то видалъ этого челоѣка—и Карлинскій не ошибся, потому что послѣднюю должность Ултайскій занималъ въ Карлинскомъ имѣніи. Если бы Яцекъ зналъ, что встрѣтится съ Юліаномъ, то, вѣрно, не спѣшилъ бы со своимъ дѣломъ; но войдя уже въ домъ, онъ долженъ былъ сѣсть, отказавшись только отъ намѣренія просить къ себѣ панича на вечеръ.

Не успѣли гости и хозяева размѣститься, уступая стулъ пану Яцку, передававшему хозяйкѣ комплиментъ отъ жены своей, какъ старый Курта опять гамкнулъ. Дробицкая уже не могла удержаться и вполголоса пожаловалась на Божіе наказаніе.

На порогѣ улыбалась маленькая, жалкая, глуповатая фигура отца девятерыхъ дѣтей и мужа Анели Буткевичъ, урожденной Пержховской, пана Юзефата, въ полотняномъ сюртукѣ, безъ вѣдома жены вырвавшася въ старый дворъ посмотреть—что тамъ дѣлается. Увидя брата Мамерта, онъ смѣшался, но гораздо болѣе озадачило его присутствіе Ултайскаго, съ которымъ, вслѣдствіе ссоръ между женами, онъ жилъ въ самыхъ непріязненныхъ отношеніяхъ. Юзефатъ и Яцекъ безпрестанно грозили одинъ другому, никогда не встрѣчались и поклялись при первой возможности отвалить другъ друга палками. Обойдя Ултайскаго, панъ Буткевичъ помѣстился въ углу. Вслѣдъ за ними проворнѣе, а можетъ быть и смѣшнѣе всѣхъ вбѣжалъ панъ Пристіанъ Прусь-Пержховскій, вырвавшійся изъ объятій своей вдовушки, давъ слово зайти къ ней вечеромъ и отрапортовать о своемъ визитѣ. Пристіанъ до такой степени былъ занимателенъ старомоднымъ щегольствомъ своимъ и карикатурною миною Доміера, и вошелъ съ такою самоувѣренностью въ превосходствѣ надъ сосѣдями, что Юліанъ, уже начинавшій досадовать на приходящихъ гостей, при видѣ Пержховскаго сдѣлался веселѣе.

Рыжіе, длинные и спадавшіе на плечи волосы Пристіана раздѣлены были на лбу съ симметрией, обнаруживавшей помощь какой-то заботливой ручки. Прибавимъ къ этому тщательно завитые усики, цвѣтные шаровары съ полосами, какія можно видѣть только на одѣялахъ, такой же жилетъ à l'anglaise, сюртучекъ—едва ли длиннѣе куртки пана Мамерта, фуражку съ кисточкой, висѣвшія на брюхѣ перчатки—и мы

будемъ имѣть вѣрный портретъ человѣка, умѣвшаго возбудить къ себѣ пламенную любовь со стороны супруги покойнаго пана Целестина.

Дробицкая уже не скрывала своего неудовольствія, возбужденнаго наплывомъ сосѣдей; она то и дѣло ворчала вполголоса: «сколько ихъ нанесла нелегкая»!, и на предлагаемые вопросы отвѣчала имъ не совсѣмъ вѣжливымъ тономъ. Между тѣмъ графъ, окончивъ свою порцію молока, насмѣшливо глядѣлъ на гостей; Пристіанъ смѣло подошелъ къ Юліану и Алексѣю, сознавая себя вполнѣ достойнымъ общества Карлинскаго, и самыми смѣшными гримасами старался внушить высокое понятіе о себѣ; панъ Мамертъ сидѣлъ надувшись и наблюдалъ за гостями; панъ Юзефатъ, забравшись въ уголъ, желалъ какъ можно скорѣе вырваться вонъ, а Яцекъ Ултайскій, для разнообразія, покручивалъ только усы, и думалъ, къ кому бы лучше пристать.

Разговоръ не клеился.

Юліанъ съ тайнымъ любопытствомъ вематривался въ общество, въ которомъ очутился первый разъ въ жизни; но замѣтивъ, что и самъ онъ служить предметомъ наблюденія, незамѣтно протиснулся съ Дробицкою и вышелъ вонъ.

Алексѣй проводилъ его на крыльцо и спросилъ съ печальною улыбною:

— Теперь скажи, милый Юліанъ: развѣ мои сосѣди и соучастники дѣли не стоятъ зашнурованныхъ куколъ, на которыхъ ты жалуешься?

— *Ambo meliores!* — отвѣчалъ Карлинскій. — Но здѣсь, по крайней мѣрѣ, видѣнъ характеръ и у каждаго на лбу написано — откуда онъ вышелъ и куда стремится.

— О, если бы ты пожилъ съ нами, — тебѣ надобѣль бы ихъ характеръ, а можетъ быть и здѣсь ты увидѣлъ бы комедіи, разыгрываемыя съ притворною искренностью .. и, вдобавокъ, сколько здѣсь грубости! Какая гордость!

— Вездѣ люди какъ люди! — воскликнулъ Юліанъ. — Впрочемъ, по сегодняшнимъ гостямъ твоимъ трудно составить заключеніе, къ какому именно классу общества принадлежатъ они. Миѣ думается, что Жербы составляютъ исключительную колонію оригиналовъ.

— Скажи лучше: каррикатурь!

— До свиданія въ Карлинѣ!

Алексѣй молчалъ.

— Повторяю: до свиданія въ Карлинѣ! — сказалъ Юліанъ: — не правда ли? — Ты приѣдешь ко мнѣ... безъ церемоніи — какъ въ брату; мы будемъ одни... Дай слово, милый Алексѣй!

— Изволь, только какъ бы и мнѣ не представиться у тебя тѣмъ же, чѣмъ представились тебѣ здѣсь мои сосѣди... До свиданія!

Юліанъ вскочилъ въ экипажъ, и карета исчезла изъ глазъ любопытныхъ, смотрѣвшихъ на нее изъ всѣхъ оконъ гостиной комнаты.

Конецъ первой части.